

Удар

ЖНЕЦА

Иззи Свит
Шон Мориарти

На ринге – двое, но только один может быть лучшим. И только одному она может всецело принадлежать. ЭЙВЕРИ. Жизнь сложная штука, особенно, когда тебя бросает собственная мать, а бабушка, вырастившая тебя, умирает. Итан, мой лучший друг со средней школы, помог мне с колледжем, когда я осталась без гроша в кармане, и теперь я чувствую, что в долгу перед ним. Поэтому, когда он начинает относиться ко мне, как к своему счастливому талисману на ринге, трудно ответить "нет". Но однажды, когда Итан проигрывает, он обвиняет в этом меня, и Жнец - парень, который выбил из него дурь - оказывается единственным, кто приходит мне на помощь. Я хочу простить Итана... но не могу устоять перед Жнецом. ЧЕЙЗ. Да, они называют меня Жнецом, потому что тот, кто встанет на моем пути, пожалеет об этом. У меня есть все: большой дом, две машины и достаточно денег, чтобы спокойно жить в достатке до конца своих дней. Жизнь прекрасна, но встреча с Эйвери меняет все. Она не такая, как те девушки, с которыми я был раньше. В ней есть что-то такое, будит во мне звериный защитный инстинкт. Она должна быть моей, но этот сын Итан стоит у меня на пути. Я сделаю все возможное, чтобы завладеть ею..., даже если мне придется уничтожить ее лучшего друга.

Иззи Свит и Шон Мориарти

Удар Жнеца

Перевод: Morley54Bobic

Редактор: Екатерине Лигус

Вычитка: Eva_Ver

Обложка: Мария Суркаева

Оформление: Eva_Ver

Мне нравится причинять боль. Я чертовски обожаю это делать.

Двинуть кому-то по лицу лишь ненамного кайфовой, чем сунуть какой-нибудь сучке — не одно и то же, но чертовски одинаково приятно.

Мне нравится чувство, когда мое тело со всей силы врезается в другое тело. Нравится лишать человека движения, загонять его в угол и подчинять своей воле. Черт, мне нравится делать это с женщинами так же, как и с противниками на ринге.

Хотя я никогда не позволил бы себе ударить женщину, и наваляю любому уроду, если застану его за этим делом.

Я быстро уклоняюсь от удара влево и наношу пару коротких прямых ударов по тени на стене прямо перед собой. Я чувствую, что уже немного вспотел, тело медленно расслабляется, избавляясь от напряжения, копившегося с прошлой недели. Я должен чувствовать напряжение, но вместо этого чувствую, как энергия заполняет меня. Это головокружительное сочетание предвкушения и адреналина. Если бы я мог разлить это чувство по бутылкам и продавать, я стал бы самым богатым человеком в мире.

Я никогда не пробовал наркотики, и мне интересно, чувствовал бы я хотя бы половину того, что чувствую прямо перед боем и во время него.

— Помни, Чейз, до тебя у этого парня были только слабаки. У него никогда не было достойного соперника, — говорит Дэйл, мой тренер. Он мне как брат. Я вырос в небольшой семье, кроме отца было несколько кузенов, но они не жили с нами.

Хотя Дэйл прав, у этого Итана дорога к моему титулу была слишком легкой. У него не было долгих изматывающих боев, в которых бы он потерял больше крови, чем на войне.

Итан Беннетт, напыщенный маленький сучонок. Да пошел он вместе со своей горячей штучкой, которую привел на бой.

— Чейз, ты что, уже в ударе? — тихо смеется Дэйл. Он в курсе моей ненависти к Итану. Он знает о ярости, которая постепенно копилась последние пару месяцев. Может быть, я и кретин, но не несую полную хрень. Я держу язык за зубами и позволяю своим бойцовским навыкам говорить самим за себя. Я честно заслужил свой статус, и Беннетт не первый высокомерный гаденыш, который наезжает на меня, принимая мое молчаливое спокойствие за слабость.

И не последний.

Черт возьми, я же Жнец. Чейз «Жнец» Уинтерс. Это звание, которое я заслужил, а не просто гребаное прозвище, которое взял, потому что хотел быть крутым, как Итан «Молния» Беннетт, просто какое-то слащавое дурацкое имя, которое этот недоумок придумал после пары первых боев. Тогда он еще не заработал репутацию.

— Видел ту девчонку, что была с ним сегодня, Дэйл? — спрашиваю я, коротко рассмеявшись. Она чертовски привлекательная. Обычно я не бегаю за девушками, которые не соответствуют моему стереотипу глупых красоток-черлидерш, но в ней есть что-то, что привлекает меня.

— Да, видел. О чем он только думал, разгуливая с ней по залу? — бубнит Дэйл. Не то, чтобы он не любил женщин, просто это было непрофессионально — привести на арену киску, которая даже не была частью команды.

— Я не видел ее раньше. Должно быть, он заплатил какой-нибудь проститутке с трассы,

чтобы она побыла его «конфеткой» на вечер. Надеюсь, он не думает, что она станет его счастливым талисманом.

Неожиданно раздается резкий стук в дверь, и на пороге появляется начальник службы безопасности.

— Эй, Чейз, судьи уже здесь. Хочешь проверить обмотку на руках и пробежаться по правилам?

— Впусти его, Престон, — спокойно говорю я, снимая капюшон. Выпрямляюсь и подпрыгиваю пару раз на носках.

— Чейз, рад снова тебя видеть. Как поживает твой отец? — спрашивает Гарри, он — наш судья сегодня вечером. Таскаться за ним — определенная государством формальность, чтобы убедиться, что все делается по правилам.

Подняв обмотанные руки для проверки, я улыбаюсь Гарри.

— Держится молодцом. Ему заменили коленный сустав всего пару недель назад, а он уже на стену лезет. Мне становится стыдно, когда я вижу, как упорно он продолжает тренировки. Наверное, хочет установить рекорд, полностью восстановившись в реабилитационном центре.

Гарри громко смеется.

— Не сомневаюсь.

Фрэнк, сотрудник Спортивной Комиссии Невады, незаметно стоит позади Гарри. Для чиновников это в порядке вещей, у них абсолютно нет чувства юмора, и они уверены, что все должно быть согласно инструкции.

Наклонив голову на бок, я слышу хруст и улыбаюсь. Сегодняшний бой обещает быть хорошим. Нутром чую. А когда с боями будет покончено, я оставлю эту ерунду с обетом безбрачия и диетой. Хотя, кого я обманываю? Долой оба запрета! Горячая маленькая блондинка и пицца — звучит идеально. Порядок не важен, хотя, если блондинка будет первой, придется съесть и ее.

Гарри делает пометку, что претензий не имеет, сотрудник Комиссии делает то же самое. Оба незаметно уходят, а я возвращаюсь к стене, на которой неподвижно лежит тень. Я ощущаю всем телом, как поднимается и закипает смесь адреналина и нетерпения.

Вот и всё, я официально и полностью готов. Время боя.

Гарри с сотрудником Комиссии, должно быть, сейчас в комнате Итана, натаскивают его так же, как и меня. Началось. Учитывая громкость и высокомерие этого придурка Итана, вероятнее всего, сейчас он слюной брызжет с единственной мыслью — наброситься на меня.

— Хочешь прогнать план действий? — спрашивает Дэйв, подмигнув мне. Он знает, что мне это не нужно, но это его не останавливает.

— Нет, — отвечаю, — я в порядке. — Это наш ритуал перед каждым боем, абсолютно перед каждым. Это самые последние слова, которые я слышу от Дэйла перед выходом. Мне нужно побыть в тишине. Нужно время, чтобы подготовиться. А если честно, в это время я витаю в облаках и улыбаюсь. Мне кажется, я знаю, как пойдет бой именно в этот раз... Будет немного времени перед столкновением.

Мне нравится драться, нравится причинять людям боль во время боя. Хотя я немногим признаюсь в этом. Дэйл знает. Папа знает, и этого достаточно. Я не садист и не мазохист. Хотя, а вдруг? Не знаю. Но если я должен испытать немного боли, чтобы потом причинить другому, я полностью «за». Это один из лучших способов провести субботний вечер, которые мне известны. А когда я выиграю, у меня будет хренова туча денег.

Этим вечером будет мой двадцать пятый бой, и я собираюсь победить в двадцать третий раз.

Двадцать пять — не так уж много. То есть, я старше этой цифры на три года. Это мало во всех отношениях, кроме одного: сколько раз я ставил свою жизнь под угрозу. Хотя число два может значить гораздо больше. Например, я проиграл двум другим противникам. Я бросил им вызов и облажался.

— Пять минут! — громко объявляют.

Я вытаскиваю телефон и вставляю наушники. Мне нравится, когда громкий хеви-метал заглушает остальной шум. Это помогает успокоиться, сосредоточиться и собраться. Самое время включить что-нибудь из Эмити Афликшн^[1] на полную громкость.

Несколько минут спустя Дэйл машет рукой перед моим лицом, чтобы привлечь мое внимание.

Я вытаскиваю наушники и слышу громкую музыку для Итана на арене. Он выходит к клетке первым, и, судя по всему, сейчас его композиция подходит к концу. Не знаю, как долго я слушал музыку в наушниках, видимо, достаточно долго. Перестав ходить по залу, я останавливаюсь на пару секунд, слушая шум толпы и ощущая, как напряжение внутри нарастает.

Уже пора.

Дэйл отступает от двери и придерживает ее для меня. Многие детали становятся ритуалом перед боем. Это помогает успокоиться и сконцентрироваться. Я должен знать, что произойдет. Никаких сюрпризов. Никаких неожиданных ударов исподтишка.

Выходя из-под трибун, аккорды моей хеви-металл композиции гремят так громко, что вибрируют в моей груди. Вот и все, пришло время боя. Наконец-то, черт возьми.

К клетке я иду целенаправленно. Я не просто развязно переставляю ноги, вышагивая по проходу, словно крутой парень. Я спокоен и уверен в себе, меня выдает только фирменная ухмылка Жнеца.

— Жнец, Жнец! — скандируют мои фанаты.

Сегодня будет круто. Я ускоряю шаг, мне не терпится начать.

Я смотрю на ринг и поднимаюсь по лестнице к судье и секунданту, которые ожидают меня прямо перед рингом. Секундант смазывает мне вазелином брови, что, предполагается, поможет избежать рассечений в самом начале боя.

На ринге я вижу ожидающего меня Итана. Он пританцовывает в углу клетки. Придурак определенно подкачался к этому бою. Как только он видит меня, его тело напрягается, и он дарит мне дразнящую усмешку.

Высокомерный мудака, как я и говорил.

Я чувствую, как кто-то хлопает меня по спине, и вхожу в клетку. Рефери подзывает нас на середину ринга, и, наконец, я стою лицом к лицу с Итаном. Нас разделяет буквально один дюйм. Я смотрю на него исподлобья и ухмыляюсь.

Мы расходимся к своим углам, я поднимаю кулаки и наклоняю шею в сторону, чтобы еще раз услышать хруст. Моя улыбка становится шире, я уже чувствую это, боли будет предостаточно. Я подправляю его смазливое личико.

— Готов? — кричит мне Гарри.

Я киваю в нетерпении.

— Ты готов? — Гарри спрашивает Итана, и тот тоже кивает.

В отличие от меня, Итан не улыбается, его лицо непроницаемо. Ну, что ж, я просто

надеюсь, ему будет не так весело, как мне.

— Черт, я бы не отказался урвать этот сладкий кусочек, — громким шепотом говорит какой-то парень, и затем слышится сдавленный смешок.

Я поворачиваю голову и внимательно осматриваю помещение в поисках источника голоса. Но здесь слишком много людей, особенно мужчин, слишком уж много для такого маленького пространства. Глаза половины мужчин устремлены на меня, пока я стою рядом со своим лучшим другом Итаном. Вряд ли мне удастся определить автора высказывания.

Терпеть этого не могу. Просто не выношу, когда меня буквально раздевают глазами. Я бы предпочла скрыться в глубине зала и незаметно исчезнуть. Но Итану нравится быть в центре внимания, он на этом помешан. Итан нуждается во внимании как в воздухе.

Это минута славы Итана. У него наконец-то появился шанс получить титул, которого он ждал больше года. Он так упорно работал, чтобы попасть сюда, пришло время получить награду. Зал набит битком, шум оглушительный. Все здесь, чтобы увидеть Итана, оказать ему поддержку. Радуются так, будто он уже победил.

Хотя, мне это известно из первых рук.

Я мельком видела того парня, с которым Итан через час должен был драться, когда мы встретились в холле. Я искала дамскую комнату. Я слышала, не помню, где, что его называют Жнецом.

Я боюсь узнать, почему.

Я видела его мельком, мы прошли мимо так быстро, что я не успела его хорошенько рассмотреть. Но даже в те мгновения, когда он с холодным расчетом оценивал меня, до того, как я поняла, кто он, во мне зрело странное чувство. Если кому-то и удастся побить Итана, то только ему. У меня было страшное предчувствие собственной правоты.

Я до сих пор это чувствую.

Итан сверкает своей яркой белозубой ухмылкой, которая никогда не перестает ослеплять, и едва заметно дергает подбородком, как будто пытается откинуть назад волосы. У него всегда были красивые волнистые светлые волосы, но, как только он начал заниматься боями, он сбрил их.

Мускулистая рука Итана уже обхватила меня за талию. Ему нравится крепко обнимать меня перед боем. Он прижимается ко мне, вынужденный наклониться к моему уху.

— Улыбайся, — шепчет он мне на ухо достаточно тихо, чтобы никто не смог услышать.

Мои губы автоматически растягиваются. У меня всего одна задача, одна причина, по которой я здесь. Я его счастливый талисман.

Я люблю Итана как друга, правда люблю, но это все больше напоминает работу. Когда Итан начал заниматься боями, я пришла в некоторое замешательство. Просто как гром среди ясного неба. Так на него не похоже. Совсем не тот парень, которого я знала.

Мы начали общаться в средней школе. Двое чокнутых изгоев, нас нельзя было назвать ботаниками, но и крутыми мы тоже не были. У нас было так много общего. Мы оба любили одни и те же идиотские книги и одни и те же ужасные телешоу. Такое чувство, будто вселенная бросила нас друг к другу, зная, что мы созданы друг для друга. Чтобы мы стали лучшими друзьями.

Пока учились в средней школе, мы с Итаном жили в одном районе, но когда перешли в старшую школу, его отец расширил свой электронный бизнес, и Итан переехал в район

попрестижнее. Хотя, по большей части, мы были просто друзьями. Думаю, это только к лучшему, что мы росли отдельно, пока учились в старших классах, особенно учитывая половую зрелость и все такое. У Итана водились деньги, он становился все более популярным и стал зависать с крутыми ребятами. Но он всегда находил для меня время после школы. А моя жизнь текла ровно, без особых изменений, до тех пор, пока я не окончила школу и пока не умерла моя бабушка.

Моей матери никогда не было рядом. Я была ее ошибкой. Для нее я была живым, дышащим, ходячим и говорящим сожалением. Она бросила меня с бабушкой, когда мне было пять лет, и больше никогда обо мне не вспоминала.

И я каждый день благодарю ее за это. Это было единственным правильным решением в ее жизни.

Я любила бабушку. Ей было уже за шестьдесят, когда я появилась в ее жизни, она была слишком стара, чтобы воспитывать детей, но всё же приняла меня. И она никогда не винила меня в этом. Для нее я не была обузой, я была радостью. Однажды она призналась мне, что я ее второй шанс в жизни. словно Бог подарил ей еще одну возможность прожить жизнь заново. Бабуля давала мне понять, что воспитывать меня — самое лучшее, что когда-либо с ней случилось.

Я благодарна ей за все те замечательные дни, проведенные вместе, но я все еще скучаю по ней. Она умерла полтора года назад. Она всё, что у меня было. Всегда были только я и она против целого мира. Бабуля была на пенсии, жила на свой мизерный доход. У меня даже денег не было, чтобы ее похоронить. Именно Итан взял тогда на себя всю ответственность за похороны, он позаботился обо всем.

Итан всегда был удивительным. Когда умерла моя бабушка, я вынуждена была продать ее дом, чтобы оплатить все счета. У меня не было выбора, я уже тогда еле сводила концы с концами, просто пытаюсь держаться на плаву в течение первого года учебы в колледже. Итан не только оплатил долги бабушки и ее похороны, но и устроил меня на работу в главный магазин своего отца. Благодаря этой работе, теперь я зарабатываю достаточно денег, чтобы оплачивать квартиру и бытовые расходы... Благодаря ему мне не нужно бояться оказаться на улице или умереть от голода, пока я не окончу колледж.

Так что я в долгу перед ним, в неоплатном долгу.

Он замечательный друг, он никогда, ни разу не просил вернуть ему долг. Но за последние несколько месяцев Итан очень изменился.

Во-первых, его интерес к боям. Я думала, это ненадолго, возможно, просто что-то, что он попробует и решит, что это не для него, и пойдет дальше. Но нет. Даже наоборот, он все больше и больше увлекался этим. Можно даже сказать, что он был одержим боями.

Я наблюдала его трансформацию от худосочной гусеницы до стероидной бабочки. Вес набирало не только его тело, но, казалось, и его эго раздулось вместе с ним.

Я даже не уверена, знаю ли я его теперь.

Кроме того, Итан стал чрезмерно суеверным, с тех пор как я стала его счастливым талисманом. Я согласилась сопровождать его на первый бой. Как его лучший друг, я хотела поддержать его, даже если мне не нравилось то, чем он занимается.

Итан выиграл тот первый бой и стал настаивать на моем присутствии на следующем. Затем, когда был выигран и тот бой, он ждал меня на третий. Где-то на полпути он убедил меня, что мне следует одеваться так, чтобы не отличаться от девушек, околачивающихся около боксёров. Так, одно за другим, и вот теперь я стою рядом с ним в коротких шортиках,

в туфлях на супер высоких каблуках и в топе, больше напоминающем красный бюстгальтер.

Так что я прекрасно понимаю все эти плотоядные взгляды и скабрёзный шепот. Судя по моей одежде и по их реакции пещерных людей, я практически напрашиваюсь на неприятности.

Как мне все это надоело.

Я заплатила за все сполна, но это шанс Итана завоевать титул. Я поддерживала его все время, теперь с меня хватит. После этого боя я больше не собираюсь играть роль его счастливого талисмана. Это так глупо. Он побеждает не потому, что я здесь. А потому, что он хочет победить и упорно тренируется. Этот суеверный бред зашел слишком далеко. Хватит потакать ему. Я и дальше буду поддерживать Итана, но на расстоянии.

— Ты можешь пойти и найти себе место в зале, Эйвери, — улыбка Итана отрывает меня от моих мыслей. — Судьи уже здесь. Не хочешь поцеловать меня на удачу?

Я изумленно моргаю. Я не ослышалась? Он хочет, чтобы я его поцеловала? Неожиданно. Ну, то есть, не то чтобы он не привлекательный, наоборот, я уверена, любая другая девушка была бы счастлива поцеловать его.

Только не я.

Даже с бритой головой Итан по всем параметрам вполне может претендовать на роль знойного красавца. Высокие скулы, мягкие розовые губы и красивые светло-голубые глаза. Честно говоря, не знаю почему, но никогда не рассматривала его в таком ракурсе. Наши отношения строго платонические, ну, по крайней мере, были до сих пор.

Может быть, я просто себя накручиваю...

Но нет, его лицо приближается к моему. Черт, он действительно собирается это сделать. Нужно что-то предпринять.

Меня охватывает паника.

Я отворачиваюсь, и мягкие губы Итана скользят по щеке, вместо поцелуя на счастье.

Он отстраняется, и на мгновение его глаза вспыхивают. Он явно разозлен. Затем он отворачивается от меня к толпе, ослепляя всех своей улыбкой.

— Иди, Эйвери, — шипит Итан.

Ну, что ж, теперь сомнений нет, он точно разозлился.

— Прости, — извиняюсь я. — Я просто...

Итан не дает мне закончить, быстро прервав меня.

— Иди, — отвечает он довольно громко, так, чтобы рядом стоящие парни услышали его.

Он отворачивается от меня, и меня это почему-то задевает.

«Почему, — недоумеваю я, выходя из зала, — у меня такое ощущение, будто я сделала что-то не так?»

Вот он, мой любимый момент. Гонг раздастся в любую секунду, и я начну делать свою работу. Делать то, за что мне платят огромные деньги. Мне просто нужно кому-то врезать, и помимо того, что это в рамках закона, за меня еще и болеют, чтобы я причинил сопернику как можно больше вреда.

Боже, я просто обожаю свою работу.

— Бой! — выкрикивает нам Гарри, резко взмахивая рукой, тем самым подавая сигнал: пришла пора повеселиться.

Именно в этот момент мальчики становятся мужчинами.

Я просмотрел записи абсолютно всех боев Итана. Он любит атаковать головой вперед, разведя кулаки в стороны. Вероятнее всего, он делает это, чтобы вывести противника из игры, поставить его в оборонительную позицию. Я и сам пару раз так делал. Я буду выступать против парня, который любит разбираться с соперником по-быстрому, либо захватом собью Итана «Молния» Беннетта на мат, а ведь он считается одним из лучших. Такой стиль в боях мне нравится больше всего. У Итана сильные руки, он выиграл большинство боев за счет быстрых нокаутов и запретов на продолжение боя. Он ни разу даже до второго раунда не дошел.

Итан наносит прямой удар, надеясь, что тот будет нокаутирующим. Тем самым мудака прыгает выше головы.

Я уклоняюсь от удара, предотвращаю следующий и наваливаюсь на своего противника. Я использую свой вес как противовес и быстро пытаюсь сбросить Итана, но он все равно оказывается на мне.

Любому другому бойцу не понравилось бы это, но я не возражаю. По-моему, мое положение от этого только выигрывает, и в подтверждение этого я наношу ему в лицо парочку быстрых ударов, а затем хватаю Беннетта за шею.

Мне не удастся прижать его достаточно крепко, прежде чем он отступает и поднимается. Теперь я более открыт, лежа как черепаха на спине. Итан пинает меня по ногам, но до головы ему не добраться. Это запрещено, к тому же отличный способ рано закончить бой с дисквалификацией.

Спустя некоторое время, когда никто из нас не предпринимает ничего стоящего, Итан быстро делает большой шаг назад и жестом велит мне встать.

Кровожадная толпа ревет.

Итан делает пару шагов взад вперед в ожидании моего решения. Я быстро вскакиваю и делаю большой шаг назад. Медленно я продвигаюсь вокруг него.

До конца остается всего одна минута.

Я быстро делаю выпад в его сторону, взмахивая левым кулаком, в попытке обрушить ему в челюсть сильный удар. Однако лишь слегка задеваю плечо соперника, и удар приходится по голове и по руке, когда он пытается заблокировать меня.

Я бью правой ему в бок и затем, чувствуя прилив энергии, бью по корпусу.

Я знаю, этот бой продлится долго, так что удары — мое преимущество. Мне нравится уверенность, нравится, что я, по крайней мере, могу выиграть раунд лишь за счет ударов, так что я пускаю в ход свои кулаки. Вновь обхватив Итана, я перебрасываю его на спину. Теперь я сижу на нем и пытаюсь попадать по рукам. Судя по внезапно покрасневшему правому

глазу, последняя серия ударов достигла цели. На его лице тоже появляется уже знакомое по моему опыту выражение. Это осознание: внезапно до него доходит, что путь к победе будет нелегким.

Я быстро вскакиваю и пытаюсь навалиться всем весом ему на живот, попутно нанося жесткий удар. Это не особо сбавывает, но ему хотя бы становится труднее дышать. Вес в двести шестьдесят пять фунтов^[2] это вам не шутки.

Остаток раунда пролетает в мгновение ока, пока я изо всех сил стараюсь вывести противника из игры. Если я перестану бить его, то позволю взять надо мной верх.

Вот и конец раунда. Я отчетливо слышу громкий звук гонга и отстраняюсь от Итана.

Гарри помогает мне подняться, и в этот момент Итан наносит мне удар в промежность. И едва не достигает защитной ракушки на пахе, когда я быстро уклоняюсь. Удар слишком слабый, да и к тому же сигнал уже прозвучал. Мой внутренний зверь ревет, будто в клетке, и я набрасываюсь на мудака, использовавшего запрещенный прием.

Гарри, конечно, легким не назовешь, и ему далеко до моего веса, но все-таки ему удается удержать меня и оттащить от Итана.

Я возвращаюсь в свой угол, едва заметно спотыкаясь, затем опираюсь о стальную клетку, окружающую ринг. Дэйл быстро идет от ворот, которые открывают для тренеров. Он поворачивает меня лицом к середине ринга и усаживает на скамейку.

— Ты в порядке, Чейз? — спрашивает меня Дэйл, проводя по моим бровям и щекам металлической полоской на держателе. Она ледяная, поэтому не дает опухнуть глазу, пострадавшему от ударов Итана.

Осмотрев ринг, я вижу, как Гарри направляется в сторону Беннетта. Он делает ему серьезное предупреждение, затем снимает с него очко. Все-таки Гарри настоящий профессионал. Может быть, мы и знаем друг друга хорошо и неплохо ладим, но в данный момент он выполняет свою работу. Мужчина поворачивается ко мне и, подойдя, тоже предупреждает за ответные удары.

— Я собираюсь покончить с этим прямо сейчас, Дэйл, — говорю я, не смотря на него. Я смотрю мимо Итана, мой взгляд устремлен на знойную черноволосую красотку, сидящую рядом с ним. Ту самую, с которой он прогуливался здесь. Когда киска ловит мой взгляд, я едва заметно улыбаюсь и подмигиваю ей.

— К черту план, Дэйл. Это чушь собачья: я не позволю этому психу меня уничтожить. Он и минуты не продержится в этом раунде.

Второй раунд ничем не отличается от первого за исключением одного: теперь его начинаю я. Я обрушиваю на Итана как можно больше ударов и действую как можно быстрее.

Теперь моя очередь вывести его из зоны комфорта.

Я наваливаюсь на него всем телом и сбрасываю на пол, стараясь как можно сильнее вдавить его плечом в покрытие ринга. Я здесь не для того, чтобы тратить время на эмоции, и вскоре чувствую, как Итан обхватывает меня со спины, пытаюсь просунуть мою руку между своих ног.

Я не пытаюсь его остановить, а сам медленно начинаю выпрямляться с ним, висящим у меня на правом плече.

— А, черт, — я слышу, как придурок бормочет: знает, что последует дальше.

Я поднимаю своего соперника и удостоверяюсь, что ему не удастся проскользнуть, пока я стою в наклоне.

Мой рост метр девяносто и вес двести шестьдесят пять фунтов^[3]. Я не в первый раз

использую свой вес и хорошую физическую форму, чтобы сломить кого-то. Поэтому я делаю то, что другие боксеры абсолютно точно ненавидят: я со всей силы швыряю его на мат. Это сделать нелегко, но с той яростью, что кипит у меня внутри, для него это явно ничем хорошим не закончится.

Итан едва разгибается в падении, что лишь слегка защищает его от жесткого приземления. Я обрушиваюсь на своего противника и начинаю молотить по нему как можно сильнее и быстрее. Вскоре я чувствую, как Гарри подбегает ко мне, но я продолжаю наносить удары по незащищенному лицу Итана.

Я знаю, что успел оставить пару отметин на лице Беннетта, прежде чем позволяю Гарри оттащить меня.

Раздается громкий звук гонга, и я встаю, победно поднимая руку вверх.

Я издаю победный рык, хлопая себя по груди правой рукой, около сердца. Однако звук заглушает рев толпы, приветствующей победителя.

Я направляюсь к Итану, как только открывается дверь к рингу, и тренеры с медиками спешат осмотреть нас обоих. Я наклоняюсь и, выглядывая из-за плеча Гарри, улыбаюсь мудаку. Беннетт, откинувшись назад, опирается о заграждение, пока Гарри пытается помочь ему прийти в себя.

— Хороший бой, брат, — говорю я и протягиваю руку, чтобы похлопать его по плечу. Может быть, Итан и придурок, но я стараюсь не показывать враждебность из-за всей той хрени, которую мы наговорили перед началом боя. По своему опыту знаю, что всегда лучше заканчивать бой на хорошей ноте.

— Отвали, придурок! — выкрикивает Итан, отпихивая мою руку.

Пожав плечами, я отворачиваюсь от него. Он не первый, кто так реагирует на проигрыш. Я всегда стараюсь быть, по крайней мере, сдержанным в случае победы. Ну и черт с ним. Я поднимаю руку вверх, приветствуя толпу уже как победитель.

Не проходит и несколько секунд, как вся моя команда уже на ногах. Рефери хватает нас за запястья, когда спортивный комментатор горланит:

— Во втором раунде, по остановке арбитра, через 45 секунд побеждает действующий чемпион, Чейз Уинтерс!

Я позволяю Гарри торжественно поднять мою руку и еще раз пытаюсь дать понять Итану, что бой был хорошим, но он отворачивается и шагает из клетки.

Я следую за ним чуть поодаль, наблюдая, как он проходит мимо той красотки, которой я подмигнул раньше. «Парень, она же горячая штучка, хотя совершенно не в моем вкусе?!» В основном я предпочитаю недалеких, грудастых блондинок. Но, по какой-то причине, как раз сейчас девушка Итана слишком соблазнительна. И судя по выражению ужаса на ее лице, когда улыбаюсь ей, я ей совсем не нравлюсь.

Дэйл слегка толкает меня в плечо, и мы проходим мимо нее. Мои поклонники стоя приветствуют меня, пытаюсь привлечь мое внимание. Я улыбаюсь и киваю им.

Итан проиграл! Просто поверить не могу! Я в шоке!

Он стремительно покидает ринг, даже не посмотрев на меня. Итан выглядит злым, часть лица опухла и кровоточит в нескольких местах. Никогда не видела его так сильно избитым.

Мне больно видеть его в таком состоянии. Сердце рвется на части, когда наблюдаешь, как твоего лучшего друга мутузят. Врагу не пожелаешь.

Это было жестко, это было ужасно. Это было самое жестокое зрелище, которое мне приходилось видеть. Итан больше не заставит меня прийти ни на один его бой. С меня хватит, я так устала. Думаю, я просто не настолько сильная, чтобы смотреть, как жестоко избивают дорогих мне людей.

Для меня смотреть бой — это все равно, что смотреть на надвигающийся мощный шторм. С самого начала было видно, что они со Жнецом совершенно разные. Жнец казался гораздо более расслабленным, он был как рыба в воде. Он буквально излучал опыт, но, так или иначе, я продолжала думать, что у Итана все же есть шанс. Ему всегда невероятно везло.

Итан начал уверенно, но слишком рано раскрыл свои карты. С того момента все пошло коту под хвост, просто стало хуже некуда. Запрещённый прием для Жнеца, очевидно, был последней каплей.

Я не могла ничего сделать, чтобы остановить это. Я была бессильна, бесполезна. Я вынуждена была сидеть, сложа руки и кусая губы. И все же, зная, что Жнец был лучшим противником, я безнадежно рассчитывала, что каким-то чудом Итан сможет вырвать победу. Я продолжала болеть за него. Даже логически понимая, что вероятнее всего произойдет, я не сдавалась. Лучшие друзья никогда не сдаются!

Когда Жнец поднял Итана в воздух, как будто тот ничего не весил, и швырнул его, мне хотелось закричать. Это действительно было безумием. Такое ощущение, будто вся арена содрогнулась, когда Жнец повалил Итана на мат. Затем огромный боец упал на Итана, нанося удары, как ненормальный... Когда кто-то, наконец, оттащил его от Итана, я боялась, что все зашло слишком далеко.

Я чуть не закричала от облегчения, когда мой друг поднялся с мата.

Он был жив и, слава Богу, все еще дышал.

Но теперь, когда все закончилось, это самый худший результат из всех возможных. Это самое первое поражение Итана.

Он, должно быть, разозлен. Его гордость, несомненно, задета. Теперь, когда все кончено, я просто рада, что Итан пережил этот бой без перелома или что еще хуже, не оказался в больнице. Он сам, без чьей-либо помощи, вышел из арены. Мой друг был так раздражен, что даже не взглянул на меня.

Я собираюсь встать и отправиться в комнату Итана, чтобы помочь ему справиться с проигрышем, когда появляется Жнец. Он ухмыляется, и у меня такое чувство, будто меня только что ударили под дых.

Что. За. Черт.

Мне не хватает воздуха, и сердце несется галопом. Я не понимаю, что происходит. В этой ухмылке, даже опухшей и перекошенной, есть что-то такое, что все внутри заставляет переворачиваться. Ощущение такое, будто он нашел мою шкалу и повысил температуру до

самого предела.

У меня уже было такое чувство или что-то похожее на него, когда я впервые прошла мимо Жнеца в холле. Его взгляд остановился на мне, и, когда наши глаза встретились, я ощутила что-то вроде толчка. Это было похоже на странный удар электрошоком. Тогда я не придавала этому значения, думая, что, возможно, у меня просто разыгралось воображение. Но теперь я в этом не так уверена...

Жнец проходит мимо, высокий и празднующий победу. Фанаты из толпы поздравляют его с победой и благодарят за такой захватывающий матч.

Колени подгибаются, как только я встаю. Я поворачиваюсь и смотрю вслед удаляющемуся Жнецу. Он что-то говорит и останавливается, чтобы пообщаться с фанатами. Наблюдая за ним, я жду, когда он уйдет, и пока жду, мой взгляд начинает опускаться вниз. Для такого жестокого бойца, как он, задница у него ничего.

Черт. Я так старалась не делать этого. Я так старалась не следить за ним.

Кажется, я жду уже целую вечность, когда победитель уйдет, поэтому я уйду сама. Но, пока иду к выходу, мои глаза предают меня, и я продолжаю украдкой бросать взгляды на мужчину. Я не отвожу от Жнеца взгляда.

«Возможно, дело просто в феромонах», — пытаюсь я убедить себя, оправдаться. А, может быть, это все тестостерон на ринге. Или это химическая реакция, результат жестокости, свидетелем которой я стала. Жнец всего лишь доказал, что он лидер. И поэтому здесь слоняется так много разных полураздетых девиц. Возможно, это и есть абсолютно логичная, совершенно естественная причина, по которой мы все смотрим на него, а я вот-вот начну пускать слюни.

Наконец, Жнец, смеясь с фанатом, прощается и уходит, явно уставший от внимания женщин, которого сегодня было предостаточно.

Я выдыхаю – я даже не заметила, как перестала дышать. Схватив сумочку, я одеваю ее на плечо. Теперь, когда Жнец ушел, можно снова сосредоточиться на Итане.

Я чувствую себя, как будто лопнувший воздушный шарик, из которого выпустили весь воздух.

Я нервничаю перед встречей с Итаном. Не знаю, как все пройдет. Обычно после боя Итан празднует. С девочками, выпивкой и прочей веселой фигней. Но не сегодня, не после проигрыша. Я не представляю, как пройдет остаток вечера.

Возможно, Итан из тех, тот, кто просто не умеет достойно проигрывать.

— Это ты во всем виновата, Эйвери, — Итан рычит и толкает меня к стене.

Я вошла в комнату Итана, зная, что после боя он не в настроении, но не ожидала, что он станет вымещать злость на мне. Едва я вошла, Итан бросил на меня сердитый взгляд в присутствии, по крайней мере, дюжины человек. Не желая выслушивать его обвинения, поскольку я устала и просто хотела пойти домой, я попыталась как можно быстрее исчезнуть. Но, по-видимому, я не слишком быстрая. Парень догнал меня в холле.

— Послушай, Итан, я знаю, проигрыш — это полный отстой, — пытаюсь я убедить его. — Но ты отлично дрался. Я уверена, в следующий раз ты обязательно выиграешь.

Итан с силой ударяет руками по стене с обеих сторон от меня, так что я оказываюсь в ловушке его больших накаченных рук.

Он опускает голову и пристально смотрит на меня светло-голубыми глазами, затем говорит:

— Если бы не ты, я бы не проиграл.

Так нечестно. Встретив его взгляд, я хмурюсь. Он совершенно безумен.

— В чем я виновата?

Итан рычит, и его взгляд падает на мой рот.

— Ты не поцеловала меня на удачу.

Это звучит настолько абсурдно, что я чуть не рассмеялась. Его суеверность достигла нового уровня.

— Я и раньше тебя не целовала.

Лицо Итана приблизилось к моему, замерев буквально в миллиметре от меня.

— Так сделай это сейчас.

«Что? Это вряд ли».

— Нет, — говорю я. — Я не буду тебя целовать.

— Будешь, — Итан хватает меня и прижимается ртом к моему рту.

Сначала я настолько шокирована, что ничего не предпринимаю. Итан издает стон, должно быть, он принимает мое бездействие за согласие, и меня это просто бесит. Я толкаю его в грудь, чем застаю врасплох, потому что мне удастся оттолкнуть его.

— Прекрати! — кричу я ему. — Ты хоть понимаешь, что ты делаешь!

— Ты у меня в долгу! — ревет Итан и с силой припечатывает меня к стене.

Я так сильно ударяюсь головой, что появляются звезды в глазах.

— Ты у меня в долгу! — я слышу, как орет какой-то мужчина, когда выхожу из небольшой комнатки, отгороженной занавесом, где доктор Майлз осматривала мою челюсть. Она слегка опухла от удара. Не так серьезно, как я думал, просто немного побаливает, нужен холодный компресс, который я и прикладываю.

Дэйл хохочет рядом со мной, выйдя из-за занавески.

— Кто-то, по-видимому...

Не знаю, что он собирался сказать, я с трудом слышу из-за шума прилившей к голове крови, когда на моих глазах голова черноволосой красотки ударяется о бетонную стену.

Обычно я спокойный человек и редко теряю самообладание. Я тот, кто прекращает драку, не кричит и не вопит, когда находится в бешенстве. Тот, кто держит под контролем свои эмоции. Где-то глубоко, в потайных уголках моего естества, накрепко закованный в кандалы, сидит тот самый зверь, которого я никогда не выпущу на волю.

Только не во время боев. Не во время отношений. И не тогда, когда я имею дело с кем-то, кроме себя. Я не позволю ему выйти, и он останется глубоко внутри, прикованный к стальной стене самодисциплины.

Потому я никак не могу объяснить то, что происходит в следующие сорок пять секунд.

Я срываюсь, став свидетелем того, как Итан припечатывает девушку о стену. Зверь и сейчас под контролем, но цепь, сдерживающая его, немного ослабевает.

Я бегу прямо к Итану и бью так сильно, как могу, с плеча, и обхватываю руками его торс, прежде чем толкнуть его в бетонную стену.

Я чувствую острую боль в левой руке после удара. Это боль, которая мне не нравится, но я могу перетерпеть ее, если мне удастся этого ублюдка закопать живьем.

Перекинув Итана на спину, я сажусь на него сверху как ковбой и вижу потрясение на его лице, быстро переходящее в ярость.

Щелкающий звук в моей голове означает: последнее звено цепи, сдерживающее зверя, исчезает.

Я не монстр. Я управляемый, разумный человек. А вот мои кулаки — и правый, и левый, многократно наносящие удары по рукам и лицу Итана — вот кто монстры. Им нравится боль, которую они чувствуют после каждого удара по лицу противника.

— Никогда. Не бей. Женщин, — каждое слово отмечается ударом в лицо или по телу.

Дэйл и охранник подлетают ко мне, отпихивают меня сначала к стене, затем на пол. Знаю, я себя не контролирую. Знаю, что зверя нужно остановить, но у меня просто пока нет сил снова заковать его в оковы.

Дэйлу повезло, что он такой же большой, как я, в отличие от охранника, который отлетает в стену после удара. Я рычу, все еще в ярости, но Дэйлу удается удержать меня. Он удерживает меня и пытается вразумить, и не отпустит, пока не будет уверен, что я спокоен.

В течение нескольких минут царит хаос, так как всё больше и больше людей сбегаются на место потасовки.

Толпа людей окружает Итана и меня. Когда они, наконец, позволяют мне встать с пола, моя первая мысль уносится к той черноволосой цыпочке. Конечно, я надеюсь, что удар головой не был таким уж серьезным, как мне показалось.

Оглядываясь вокруг, я стараюсь найти ее, но вижу только, как Итан, надрывая глотку,

орет на копов. Он жалуется и утверждает, что я только что набросился на него. Я вижу Дэйла, он не смотрит на Итана, поэтому я слежу за его взглядом, пока не обнаруживаю девушку, которую ищу.

Она все еще на полу у стены. Колени подобраны к подбородку, она крепко обхватила их руками. Девушка дрожит, как будто боится, и я изо всех сил стараюсь снова не наброситься на Итана и не избить его до полусмерти.

Я точно знаю, что даже если бы вся охрана окружала Итана, и коп стоял рядом на страже, если бы я захотел, я бы добрался до него, и никто из них не смог бы меня остановить. Я мог бы причинить ему вред, и, скорее всего, прямо там покончить с ним. Пусть при этом я пострадал бы сам, но зверь есть зверь, в полном смысле этого слова, боль только распалит его. Я мог бы убить этого человека, и ни один гребаный человек не смог бы меня остановить.

Игнорируя боль в левой руке, я опускаюсь на пол рядом с девушкой, которая навсегда останется для меня черноволосой красоткой. Я ощущаю не только боль, но и нетерпение, как когда мое тело подвергают осмотру перед боем, чтобы удостовериться, что оно готово отправиться на поиски ублюдка, который обижает эту красивую малышку.

— Это... — я не знаю, что ей сказать, потому что ситуация не из простых, и я это знаю. Но я должен сказать хоть что-то, пока притягиваю ее к себе как можно осторожнее. Крепко обхватив руками ее тело, я чувствую, какая она на удивление мягкая и теплая.

Отстранившись, я убираю волосы с ее глаз и тихо говорю:

— Мне нужно видеть твои глаза, Вороненок. Мне нужно посмотреть, расширены ли у тебя зрачки.

Прекрасные изумрудные глаза-кристаллы медленно открываются, и маленькие капельки слез стекают по щекам. Ее глаза красивые, просто очаровательные. Если бы эта черноволосая красотка была моей, я бы зарылся лицом в её волосы и глубоко вдыхал их аромат. Мне бы точно всегда было мало ее запаха.

Черт, это плохо. Я не должен так думать.

Ее взгляд не сразу фокусируется на мне, сначала она смотрит мимо, на то, что происходит вокруг. Итан больше не орет, и это хорошо, потому что если прямо сейчас он выкинет что-то еще, я не уверен, что мне удастся сдержаться.

Затем она медленно переводит взгляд на меня, и ее глаза встречаются с моими. Ее первая реакция на меня как раз такая, какой я боялся. Я чувствую резкое движение, когда она пытается высвободиться из моих рук.

Отодвинувшись еще дальше, я поворачиваю голову в сторону и говорю Дэйлу :

— Нам нужна доктор Майлз. Хочу удостовериться, что у нее нет сотрясения.

Я знаю, Дэйл рядом, потому что он всегда держится рядом со мной. Дэйл для меня больше, чем брат, он всегда знает, о чем я думаю, а я знаю, о чем думает он. Я всегда могу на него рассчитывать, на то, что он всегда будет рядом.

Не отпуская девушку, я снова поворачиваюсь к ней и стараюсь улыбнуться как можно мягче.

— Обещаю, я не дам тебя снова в обиду, но мне нужно, чтобы ты осталась здесь. Ты довольно сильно ударила головой о стену, так что я за десять футов^[4] услышал звук удара.

Я слышу удаляющие шаги Дэйла и его громкий голос, когда он просит доктора Майлз подойти.

— Я... Я в порядке. Не надо доктора... — черноволосая красотка умолкает, как только

молодая и очень худая женщина по имени Миранда Майлз быстро подходит и опускается на колени рядом с нами.

— Чейз, дорогой, не мог бы ты освободить немного пространства и рассказать, что происходит? — спрашивает доктор Майлз резким британским акцентом.

Я неохотно отстраняюсь от красотки, перестав касаться ее, но зная, что должен сделать это, потому что ей нужна помощь.

— Вороненок ударила голову о стену, когда вон тот парень толкнул ее.

Отходя от женщины, которая, как это ни странно, чувствуется очень уютно в моих руках, я обращаю внимание на офицера полиции, стоящего прямо позади доброго доктора Майлз.

— Я Эйвери, а не Вороненок, — хмурится девушка. — Он не хотел... — говорит она доктору Майлз, поднимая руку и вытирая слезы со щек.

— Я доктор Миранда, — говорит женщина, а я наблюдаю, как она осторожно прикасается к девушке. — Посмотрим, милая. Чейз был прав, позвав меня, сотрясение очень опасно, если его вовремя не диагностировать.

Мне очень не хочется оставлять девушку одну, но по выражению лица офицера полиции я понимаю, что он хочет поговорить со мной.

— Идите за мной, сэр, — говорит он мне вежливо, и у меня такое чувство, что он предоставляет мне выбор.

Я следую за ним через толпу, с Дэйлом, следующим за мной по пятам, мы пробираемся к тому месту, где в углу стоит Итан, окруженный толпой тренеров и своих прихлебателей. Итан ухмыляется, хотя его губы разбиты и нос сломан.

— Джентльмены, — властно говорит офицер. Я быстро опускаю глаза и вижу имя на его бейдже, а именно: «Офицер Стэгман». Окинув нас взглядом, офицер Стэгман говорит: — С вашего позволения, — он многозначительно смотрит на всех, кроме Итана и меня. — Я хотел бы побеседовать с этими двумя джентльменами.

Дэйл открывает рот, собираясь возразить офицеру. Я мотаю ему головой, кивая на доктора и Эйвери. Он мгновенно понимает намек и, пыхтя, неохотно пробирается к девушкам.

— Джентльмены, — повторяет Стэгман. Он хорошо сложен, хотя уже не молод. Мужчина почти такого же роста, как я и Итан, но все же кажется, я смотрю на него сверху вниз, пока он говорит очень суровым голосом. — Я не присутствовал при вашей драке, которую вы решили устроить вне ринга, но совершенно очевидно, что это была не случайная вспышка ярости.

— Этот придурок... — начинает Итан раздраженным громким голосом.

— Извините, сэр, — спокойно говорит Стэгман Итану. — Я еще не закончил.

Я морщусь. Может быть, меня и посадят, но, черт меня побери, этот коп мне уже нравится. Он даже голоса не повышает, а уже чувствуется его авторитет. Кажется, Итан тоже это чувствует, потому что вся его поза становится поникшей, как у наказанного ребенка.

— Думаю, молодой человек, — говорит он, смотря на Итана, — что вам необходима медицинская помощь из-за вашего носа. Затем, полагаю, вам лучше поехать домой и как следует подлечиться.

— А вам, сэр, — говорит он, упирая руки в бедра и пристально глядя на меня, прямо мне в глаза. Я не моргаю и не отворачиваюсь. Я знаю, что только что совершил нападение при отягчающих обстоятельствах, и знаю, что офицер Стэгман имеет право арестовать меня

прямо сейчас. На самом деле, его руки покоятся как раз на держателе наручников. Меня никогда раньше не арестовывали и ни разу в жизни, кроме сексуально извращенных игр, на мои запястья не надевали наручники. — Вам нужно вернуться к той молодой леди и убедиться, что с ней всё в порядке.

— Какого черта?!? — восклицает Итана, когда офицер коротко мне улыбается и кивком головы велит поторопиться. Я стою рядом всего долю секунды, прежде чем офицер поворачивается к Итану и все внимание направляет на него. В этот раз он хватается за наручники и тербит их.

— Молодой человек, — снисходительно говорит Стэгман, пока я поворачиваюсь и медленно удаляюсь. — Я слышал каждое слово, сказанное этим человеком, пока он пытался сдержать вас. Советую хорошенько подумать и... — вот всё, что я успеваю услышать, прежде чем отхожу от них слишком далеко и пропускаю момент того, что дальше происходит с Итаном.

Мной движет интерес, и теперь я делаю точно то, что приказал тот коп.

Я подхожу к Дэйлу и, ухмыляясь, подмигиваю ему. Кивая через плечо, я говорю:

— Я сдерживал Итана, ясно?

Дэйл только качает головой. Смеясь, я хлопаю его по плечу, все-таки он оказал мне услугу, затем смотрю мимо него на Миранду и Эйвери. Я вижу, как доктор помогает девушке подняться, придерживая её под руку.

Миранда смотрит на меня и улыбается.

— Эйвери в полном порядке, хотя у нее на голове будет шишка, поэтому ей понадобится холодный компресс.

— Понял, значит, сотрясения нет? — спрашиваю я, и доктор отрицательно мотает головой. — Хорошо, я прослежу, чтобы она добралась домой, приложила пакет со льдом и приняла ибупрофен.

Я улыбаюсь Эйвери и не удивляюсь, когда она в ответ сильно хмурится.

— Итан отвезет меня домой, — говорит Эйвери, и мы смотрим в сторону Итана, который, заметно сутулясь, отходит от офицера.

— Его отправили на медицинский осмотр, а затем прямо домой, — говорю я тихо и смотрю на Миранду. Она только коротко кивает, поворачивается к Эйвери и улыбается на прощание. Затем Миранда берет свою сумку с медикаментами и направляется к Дэйлу.

— Я, напротив, могу подвезти тебя домой. Если хочешь.

Затаив дыхание, я наблюдаю за ней. Не знаю, с чего я взял, что она захочет сесть в мою машину, но я действительно хочу, чтобы девушка села. Быть с ней рядом и защищать ее — теперь моя безумная потребность. Я чувствую, что если уеду без неё, она, скорее всего, побежит к этому мудаку, а если она это сделает, мне придется его убить.

А я на самом деле не хочу его убивать. Я только что едва не попал в тюрьму.

— Я... — говорит Эйвери, как будто собирается отказаться от моего предложения, но замолкает и закусывает губу.

Я вижу явное сомнение на ее лице. Она ищет глазами Итана, но офицер уже начинает терять терпение. Он резким голосом приказывает Итану покинуть территорию, иначе его арестуют.

— Все в порядке, — говорю я тихо. — Мне совсем не трудно. На самом деле, мне было бы приятно, — уверяю я ее.

Я наклоняюсь и поднимаю маленькую сумочку, которую она оставила лежать на полу у

наших ног. Я протягиваю её девушке, и она пытается улыбнуться.

— Спасибо, — говорит она и берет сумочку, сразу же вешая ее на плечо.

Эйвери в последний раз бросает взгляд на Итана, как будто надеясь, что что-то изменится, затем снова смотрит на меня, опустив плечи в знак согласия, а может быть, это признак поражения. — Было бы хорошо, если бы ты меня подвез, если ты не против. Спасибо.

Я улыбаюсь. Черт, как больно! Все лицо болит, но я, черт возьми, счастлив.

Дэйл подходит ко мне, услышав конец нашего разговора. Он хмурится и тыкает меня в ребра.

— И как же мне теперь добираться домой?

Чейз. Его зовут Чейз. По крайней мере, так его называют другие. Такое обыкновенное имя для такого brutального парня.

Это так странно — выходить из здания с Чейзом, ранее войдя в него с Итаном. Они такие разные. Во-первых, думаю, Чейз на пару дюймов выше Итана, что делает его нереально большим.

Серьезно, он произошел от великанов? Викингов? Или его вырастили в лаборатории?

Во-вторых, мужчина очень спокоен, но это отнюдь не комфортное спокойствие. Это тот вид спокойствия, от которого я становлюсь застенчивой и неловкой. Я до сих пор не понимаю, зачем предложил подвести меня. Возможно, это просто еще один выпад в сторону Итана, или, может быть, этот мужчина ждет гребаной благодарности. Я признательна ему за предложение подвести меня домой, и я, правда, не хочу сейчас видеть Итана, но не настолько.

Пульсирующая боль в висках и глазах. Все произошедшее сегодня вечером утомило меня. Да и вообще я устала от жизни. Я просто хочу оказаться дома и забраться в постель. Кажется, я могла бы проспать целый год.

— Которая твоя? — спрашиваю я, когда мы входим на парковку.

Как оказалось, сегодня полнолуние. Интересно, следует ли в сегодняшнем безумии винить полную луну, хотя бы частично? Вся парковка залита светом, поэтому я сразу замечаю, что, по крайней мере, дюжина машин все еще припаркованы на стоянке. Машины стоят в один ряд: и грязные ржавые жестянки, и сияющие мотоциклы.

Если судить только по внешнему виду, я бы сказала, что Чейз похож на громадный грузовик.

— Она как раз вон там, — говорит Чейз, деля знак головой, и ведет меня в самый дальний угол.

— Она? — переспрашиваю я. Неужели там ещё одна девушка? Более странного вечера у меня еще не было.

Чейз тихо смеется и подводит меня прямо к черной Импале ^[5]старой модели, припаркованной в самом дальнем углу, в стороне от других машин.

— Да, моя малышка, — говорит он и любовно похлопывает машину по капоту.

Масл-кар ^[6], определенно, последнее, о чем бы я подумала. Я захожу с пассажирской стороны, кладу руку на холодную ручку и жду, когда он откроет двери. Чейз странно смотрит на меня, что заставляет меня чувствовать себя еще более смущенной. Что это со мной?

— Вот, позволь мне сделать это для тебя, — говорит он с едва уловимой улыбкой и подходит ко мне.

Я хмурюсь и делаю шаг назад. Чейз достает связку ключей из кармана, вручную отмыкая и распахивая дверь.

Все-таки джентльмены еще не перевелись. Я слабо улыбаюсь и говорю:

— Спасибо, — и сажусь в машину.

О, Боже! Сиденье странное. Это просто одно большое сиденье, занимающее всю переднюю часть авто. Оно почти как заднее сиденье, но посередине нет небольшого пространства, образующего третье сиденье. Здесь только одна длинная черная кожаная

скамья. Никогда раньше не сидела в такой машине, она изготовлена на заказ? Я откидываюсь назад, хватаю ремень безопасности и пристегиваюсь. Чейз обходит машину с другой стороны, открывает дверь и садится за руль.

Пристегнувшись, он вставляет ключи в замок зажигания и поворачивает. Машина ревет, от чего я подпрыгиваю. Я морщусь, голова болит. Двигатель слишком громкий.

— Можно как-нибудь ее утихомирить? — спрашиваю я, потирая виски.

Чейз сконфуженно хмурится.

— Извини, она так рычит. Возможно, немного музыки поможет?

Я пожимаю плечами. Не знаю, поможет это или нет. Он тянется, поворачивает ручку настройки радио, и звуки тяжелого рока несутся из динамиков.

— Черт! Извини! — я слышу его через ладони, которыми заткнула уши.

Я закрываю глаза, стиснув зубы, так как боль бьётся в голове. Музыка меняется с тяжелого рока на кантри, затем на рэп, затем Чейз переключает ручку настройки на радиостанцию, транслирующую легкий рок. Через несколько секунд я узнаю играющую песню. Певец напевает вполголоса, и я действительно начинаю чувствовать себя лучше, убирая руки от ушей.

— Лучше? — спрашивает Чейз.

Я киваю и одариваю его благодарной улыбкой.

— Да, гораздо лучше. Спасибо.

Его лицо озаряет улыбка. Она такая искренняя, что на мгновение у меня перехватывает дыхание. Я быстро отвожу глаза. Мне лучше смотреть на что-нибудь другое, что угодно, лишь бы не на него.

Тот удар, который я приняла, должно быть, сильнее, чем я думала.

— Так куда мы едем? — спрашивает он.

Я глазею в окно, настолько погруженная в свои мысли, настолько расстроенная тем, как подействовала на меня его улыбка, что я просто отвечаю:

— Домой, — даже не думая об этом.

Мы просто сидим там, машина на холостом ходу, вполголоса напевает певец, и я не понимаю, почему мы не едем, когда Чейз, наконец, спрашивает:

— Где ты живешь?

— О, — удивленно говорю я. Щеки заливают румянец. Чувствую себя идиоткой. Разумеется, он не знает, где я живу. Было бы странно, если бы знал. — Я живу на улице Вязов. За домом Торнтонов. Знаешь, где это?

Он кивает и запускает двигатель.

— У винного магазина?

Я киваю.

— Ага, точно, — и снова поворачиваюсь к окну.

— У винного магазина? — спрашиваю я, заводя мотор.

— Ага, точно, — говорит Эйвери и отворачивается от меня.

Вот черт. Думаю, мне впервые пришлось переспрашивать, живет ли кто-то у винного магазина.

Я смутно представляю, куда мне необходимо ее отвезти, я был в той части города пару раз, обычно срезал путь по дороге в район получше. На самом деле Трентон не худшая часть города, но точно не самая лучшая, даже с натяжкой.

Музыка по радио не сказать, чтобы моя любимая, но я понимаю, что ей хочется немного спокойствия. Шишка на затылке должно быть убивает ее.

— Ммм, как давно ты живешь на улице Вязов? — спрашиваю я.

— Пару лет, — говорит Эйвери.

— Гм!

Улица Вязов очень длинная. Она идет от нижнего уровня среднего класса до бедного района города. По пути к бедному району встречается много винных магазинов. Девочка живет среди большого количества винных магазинов.

Мне нужно проехать по подъездной дорожке между домами небольшого жилого массива. Это одно из тех восьми типовых зданий, у которых даже нет названия. Два парня сидят на ступенях и что-то курят, и у меня нет никаких гарантий, что я везу ее к правильному дому.

Если судить по тому, как она одета, то она соответствует этому месту больше, чем мне кажется.

Просто это место совсем не подходит ей. Может быть, она и одета как любая другая девушка с ринга, но ее поза и манера держаться совершенно отличаются, и я не удивлюсь, если это ее обычная манера поведения.

Заглушив мотор, я быстро выхожу и обхожу машину спереди, спеша к ее двери.

Думаю, малышка даже не понимает, что я пытаюсь сделать, так как она открывает дверь и выходит, прежде чем я успеваю дойти до нее.

— Спасибо... Чейз, — говорит она тихо, обходя меня и направляясь к дому.

— Я провожу тебя до двери.

Это место не совсем дыра, но, черт, я бы ни за что не оставил здесь даже многих парней из тех, с кем тренируюсь в спортзале.

— Чё как, девочка? — спрашивает у Эйвери один из парней, сидящих на ступеньках у дома, но, к счастью, не похоже, что он к ней подкатывает.

— Так себе, Джеймс. Передай привет Марии, — отвечает она, обходя парней и поднимаясь по лестнице передо мной.

Черт возьми, она сексуальна в этих коротких шортиках, открывающих длинные стройные ноги. Если бы она хотя бы обратила на меня внимание, я бы упал к ее ногам... Я бы провел ним, просто чтобы посмотреть, насколько они длинные, насколько мягкая ее кожа.

Я трясую головой, продолжая провожать девушку взглядом, пока она поднимается по лестнице и входит в здание, я наблюдаю, как она открывает входную дверь и поднимается на второй этаж. Ее попа заманчиво покачивается все время, но я в первый раз в жизни вижу женский зад,двигающийся таким образом без всякого умысла. Черт, двигаться она умеет.

Могу поспорить, что в постели она не любит спешки...

Черт, мне нужно привести голову в порядок.

Эйвери подходит к черному входу по правой стороне и оглядывается на меня через плечо. Не могу сказать, что выражает ее взгляд, когда она поворачивается ко мне, но точно не желание.

— Не против, если я проверю внутри, прежде чем оставлю тебя здесь? — спрашиваю я.

Черт побери, мне очень не хочется оставлять ее с такими соседями. Даже мне было бы не по себе находиться здесь постоянно, особенно ночью, в одиночку.

— Не нужно, — говорит она с ухмылкой и мотает головой. Длинные черные локоны волос развеваются. — Все равно Себастьян присматривает за домом, когда меня нет.

— Слушай, я... — начинаю я, но осекаюсь, не совсем уверенный, к чему это приведет.

— Спасибо, что подвез. Итан... раньше он никогда ничего подобного не делал.

Ей, похоже, неловко и больно. Мне с трудом удается сдержаться и не заключить ее в объятия. По сравнению со мной Эйвери маленькая, но она, определенно, могла бы заполнить собой весь мой мир.

— Ни один мужчина никогда не позволит себе обидеть женщину, — тихо говорю я.

— Обычно он не такой, — качая головой, она хмурится и смотрит мне в глаза. — Но спасибо за то, что подбросил меня домой сегодня вечером.

Повернувшись к двери, девушка отпирает ее и входит, больше не сказав ни слова.

Вот черт.

Я качаю головой и поворачиваюсь. Медленно спускаюсь по лестнице, подхожу к машине и сажусь в нее. Завожу мотор и жду пару секунд, пока он разогревается. Нажав на педаль, я выезжаю на подъездную дорожку, а затем на главную дорогу, не переставая проклинать себя.

— Ни один мужчина никогда не позволит себе обидеть женщину, — говорит Чейз, и его слова снова и снова звучат в голове подобно заезженной пластинке, а я прислоняюсь к двери.

Я слышу, как он уходит, его шаги грохочут по ступеням. Затем, минутой спустя, доносится рев двигателя его машины, который ни с чем не спутаешь. Он уезжает, и это хорошо. Потому что, будь я проклята, если он не выглядел так, будто хотел войти внутрь.

И по какой-то безумной причине я почти пригласила его.

Но это было не свидание, и я ему неинтересна... ну, настоящая я, во всяком случае. Черт, он, скорее всего, просто смотрит на меня, как на какую-то бедную, потрепанную куклу.

Чейз ворвался, спас меня от минутного помешательства Итана, а теперь, когда я в порядке, вероятно, он надеялся, то я отплачу ему натурой. Или минетом. Или и тем, и другим вместе. Но я не из таких девушек.

И, кстати, даже если Чейз на самом деле хороший парень и все, что он хотел сделать — это проверить мою квартиру, что бы я тогда сделала? У меня нет ни чая, ни кофе. Сомневаюсь, что его устроила бы вода и бутылка кетчупа.

Так что, с моей стороны было весьма разумно отправить его своей дорогой. Лучше завершить этот вечер таким образом. Тогда почему мне кажется, что я совершила ошибку? Почему мне кажется, будто я что-то упустила?

Каждый шаг болью отдается в голове, когда я иду в ванную. К счастью, у меня еще осталась половина пузырька ибупрофена. Почистив зубы, я запиваю пару таблеток водой прямо из-под крана. Я вскидываю голову и пристально смотрю на свое отражение в зеркале. Я едва узнаю уставившуюся на меня девушку. Она выглядит очень усталой. Разводы туши и потекшая подводка. От красной помады на губах остались лишь пятна. Я смотрю, как она смахивает капли воды тыльной стороной руки.

Боже, в каком же она беспорядке.

Я иду в спальню. Скинув туфли на высоченных каблуках, я раздеваюсь до нижнего белья и забираюсь в постель. Уютно устраиваюсь под одеялом, плотно завернувшись в него. Однако засыпаю я далеко не скоро. По какой-то причине, я просто не могу выкинуть Чейза из головы.

Голова болит, и я знаю, что мне следует дать себе отдохнуть.

Я зажмуриваю глаза, но образ Чейза не исчезает. Он выглядел таким заботливым, таким искренним. Когда он появился из ниоткуда, оттащив Итана от меня голыми руками, он выглядел как беспощадный, кровавый ангел мести. На мгновение мне показалось, что у меня галлюцинации. Это было нереально. Я смотрела, как Чейз бил Итана по лицу и телу, снова и снова, говоря ему "Никогда. Не. Бей. Женщину".

И я чувствовала себя в безопасности. Впервые в жизни, с тех пор, как умерла моя бабушка, я чувствовала, что за меня есть кому постоять. Что есть кто-то, кто мог бы защитить меня. Кто-то, кто мог бы причинить кому-то вред за меня.

Я была не одна.

Я просыпаюсь от громкого стука в дверь. «Копы?», — спрашиваю себя, выпрямляясь в постели. Обычно копы так громко стучат только в соседнюю дверь. И, надо заметить, за последний год я слышала этот стук больше, чем разок-другой.

Стук становится еще громче, насколько это вообще возможно.

— Минуту! — кричу я. — Уже иду!

Черт, надеюсь, я успею открыть дверь, прежде чем они ее выломают. Новую дверь я себе позволить не могу.

Спешно пытаюсь встать, я запутываюсь в одеяле и скатываюсь с кровати на пол. По счастливой случайности, приземляюсь на пятую точку, а не на голову. Хотя от этого боль не меньше.

Стук раздается снова, теперь стучат ещё настойчивее, громче и, определенно, нетерпеливее.

— Серьезно! Я иду, подождите секунду! — кричу я, избавляясь от одеяла, и бегу к двери.

Я поворачиваю замок, распахиваю дверь, и у меня отвисает челюсть.

— Ты?! — почти выдыхаю я.

Там стоит Чейз. Кулак застывает в воздухе, как будто он только что снова собирался забарабанить в дверь. Парень выглядит точно таким же удивленным, даже шокированным, как и я.

Готова поспорить, что он выглядит еще более шокированным, когда я захопываю дверь у него перед носом.

Мне нужно одеться. О, Боже, я же полуголая. Несусь в спальню, хватаю с пола одеяло и заворачиваюсь в него.

Да что он вообще здесь делает?

Я снова бегу к двери и тянусь, чтобы открыть дверь. Как только я это делаю, покрывало соскальзывает с плеча.

— Привет, — выпаливаю я и накидываю одеяло на плечо. — Что случилось?

Следующий день после боя всегда хуже некуда.

Даже если бой, в котором я участвую, хороший, на следующий день,неважно, выиграл я или проиграл, мне почти всегда чертовски тяжело. Обычно я немного тренируюсь, и если мышцы не сильно болят, то кроме легкой растяжки и короткой пробежки поздним вечером совершаю длинную прогулку вокруг озера рядом с домом.

Это утро не такое, к которому я привык. Мне не удалось уснуть после того, как я подбросил Эйвери домой. Я должен был придумать миллион различных причин, чтобы удержать ее до того, как девушка хлопнула дверью, и, возможно, она пригласила бы меня войти. Я определенно не хотел уходить.

С громким стоном я скатываюсь с огромной кровати, потягиваюсь и морщусь от боли в левой руке. Она до сих пор болит, но уже не так сильно, как прошлой ночью. Но зато на правом бедре красуется гигантский гребаный синяк. Удары ноги Итана прошлым вечером оставили болезненное напоминание. Сейчас шесть утра, и мне дико хочется вернуться в постель, я бы так и сделал, если бы мне удалось перестать думать о ней.

Все, о чем я могу думать, — Эйвери.

Хотя находиться в вертикальном положении тоже не слишком весело, но все же лучше, чем просто лежать в постели, набивая желудок. Возможно, это все, чего я хочу, но мне необходимо двигаться. Когда тебя избивают так, как меня прошлым вечером, твоему телу нужна тренировка, чтобы дать напряженным мышцам расслабиться.

Я чищу зубы, слегка морщась. Челюсть болит и опухла от вчерашних ударов.

Уставившись в зеркало, я вижу мужчину, которому скорее 30, чем 20 лет, с коротко подстриженными темно-коричневыми волосами и мутно-кариими глазами. Думаю, густую эспаньолку^[7] вокруг рта лучше сбрить. Да и с черными синяками под глазами я тоже выгляжу милым и обалденным.

Неудивительно, что Эйвери выглядела такой напуганной, когда я покидал ринг. Должно быть, я был в крови и ссадинах, когда улыбнулся ей.

Минуя холл, затем спускаюсь по лестнице, вхожу в гостиную и выглядываю в фасадные окна. Машины Дэйла нет, должно быть, он забрал ее сразу после того, как я добрался до дома.

Будем надеяться, что он пригласил доктора Майлз на свидание. Он увивается вокруг нее с тех пор, как она приехала в город и начала сопровождать бои без правил.

Я иду в кухню и хватаю бутылку воды из холодильника, осушая ее залпом, пока покидаю дом через черный ход. Сажусь на крыльцо и завязываю шнурки на кроссовках. Пора побегать. Может быть, я и чувствую себя паршиво, но пробежка должна помочь.

«Черт возьми», — ругаюсь про себя, заглядывая в холодильник. За последние пять минут я уже в третий раз туда заглядываю. Холодильник полный, но мне ничего не хочется.

Хотя, должен признаться, я хочу Эйвери и пончиков.

Из всех боксеров, которых я знаю, я не самый большой поклонник здорового питания, но я стараюсь соблюдать здоровую диету время от времени. Но пончики... Да, они являются одной из моих слабостей, которые я пытаюсь игнорировать.

Я одеваюсь и выхожу из дома, направляясь в гараж. Разглядываю обе свои машины. Импала или джип? Мне бы не хотелось подвергать опасности мою малышку там, куда я собираюсь. Сажусь в джип и выезжаю, направляясь в ближайшую забегаловку. Там меня все очень хорошо знают.

Я удивлен, когда на обратном пути останавливаюсь перед квартирой Эйвери, хотя клянусь, что я собирался поехать напрямик домой. Но в то же время, два кофе, пакет с рогаликами и пончиками намекают, что я как раз вовсе и не собирался домой.

Вид ее длинных ног прочно засел у меня в голове. Чёрт возьми, она потрясно выглядит. Я тихо стучу пару раз.

Кто, черт возьми, такой этот Себастьян? Я не слышу, чтобы кто-то ходил в ее квартире.

Тихое мяуканье доносится с той стороны двери, и кроме мысли, что кот просит о помощи, в голову ничего не приходит. Я оставил Эйвери здесь, в этих трущобах, и кто-то убил ее среди ночи. И теперь этот кот зовет меня на помощь своей бедной, мертвой хозяйке.

Мне приходится потрясти головой, чтобы избавиться от нелепого видения, но я продолжаю стучать в дверь, теперь немного настойчивее, чем собирался. Ладно, может быть, я стучу больше, чем пару раз и громче, чем хотел. Я всерьез подумываю даже выломать дверь и просто войти, когда понимаю, что мне нужно взять себя в руки.

— Серьезно! Я иду, подождите секунду! — я слышу, как Эйвери кричит за дверью.

Я опускаю руку, когда дверь распаивается.

Там передо мной стоит одна из самых сексуальных женщин, которых я когда-либо видел в жизни.

Черные как смоль волосы Эйвери в полном беспорядке. Ее глаза как у енота из-за размазанного макияжа, с которым она, видимо, спала, забыв снять. Я оглядываю с ног до головы ее прекрасное тело, бледная кожа девушки резко контрастирует с черными трусиками и кружевным бюстгалтером. Боже мой, она такая сексуальная. Хотел бы я быть причиной того, что она просыпается в таком виде.

— Ты?! — говорит Эйвери, прежде чем захлопнуть дверь прямо у меня перед носом.

Я застываю на месте на мгновение, не зная точно, вернется ли она. Я наклоняюсь и поднимаю кофе и пакет с едой. Стою и жду еще пару секунд, хмурясь. Постучать еще раз? Надеюсь, она вернется.

Дверь распаивается.

— Привет, — говорит девушка, тяжело дыша, как будто только что пробежала дистанцию.

Мое настроение уже практически упало, когда ее вопрос «Что случилось?» довольно быстро возвращает меня к реальности, как раз тогда я замечаю, как одеяло сползает с ее плеча и показывает милую округлость, прикрытую черным кружевом.

Грудь Эйвери выглядит полной и тяжелой, кажется, будто она легко могла бы уместиться в моей руке.

Я с трудом отвожу глаза, поднимаю еду и кофе и показываю ей.

— Завтрак?

— О, Боже! — ахает она, хватая кофе из моих рук. — Это именно то, что мне нужно.

Шаркая ногами, она отходит от двери. Хотя меня и не пригласили войти, я все равно

перешагиваю через порог. Закрыв за собой дверь, я наблюдаю, как Эйвери идет на кухню и тяжело опускается на один из двух старых, но крепких кухонных стульев.

— Ммм, — мурлычет она. Должно быть, ей нравится дымящаяся горячая жидкость в чашке, потому что ее лицо выглядит почти счастливым. — Зачем ты здесь? — тихо спрашивает она из-за края чашки.

Девушка поднимает глаза, чтобы посмотреть на меня.

— Ну, я хотел удостовериться, что с тобой все в порядке после вчерашнего, — говорю я, иду на кухню и сажусь напротив нее.

Сказал «А» говори и «Б».

Я быстро осматриваю квартиру в поисках чего-нибудь, что принадлежит этому Себастьяну. Единственное, что я вижу, это черный кот, который крадется ко мне и выписывает восьмерку, пытаюсь потереться об мои ноги.

— Сэбби, ты его даже не знаешь! — делает замечание Эйвери, высовывая ногу из-под одеяла и пытаюсь притянуть кота к себе.

— Все в порядке, — говорю я, наклоняюсь и глажу его по голове. — Это твой защитник? — спрашиваю, снова оглядывая квартиру, отмечая про себя убогость этого места.

Кивая, девушка делает еще один глоток, затем открывает рот, собираясь сказать что-то еще, но внезапно отвлекается, когда какой-то мудака начинает громко долбить в дверь.

Мужской голос, подозрительно напоминающий голос Итана, кричит:

— Эй, Эйвери, открывай!

Похоже, у этого придурка язык заплетается.

Я делаю глоток кофе, наблюдая, как пальцы Чейза гладят шерсть Себастьяна. Я пристально смотрю на пальцы чуть дольше, чем нужно, представляя, что было бы, если бы он погладил меня.

Могу поспорить, он смог бы заставить меня мурлыкать.

Отвлекаясь от подобных мыслей, я только собираюсь сказать Чейзу, что Себастьян обычно не такой дружелюбный с незнакомцами, как Итан колотит в дверь.

Черт. Итан всегда появляется не вовремя.

Я быстро делаю еще один глоток кофе и сдерживаю стон, поднимающийся в горле. Это мой любимый кофе, хотя не думаю, что Чейз каким-то образом смог узнать об этом. Обычно он стоит примерно три бакса за чашку, поэтому я покупала его себе месяц назад или около того. К сожалению, я вынуждена поставить дымящуюся чашку на стол и встать.

— Хочешь, я от него избавлюсь? — спрашивает Чейз.

Всего на долю секунды я чуть было не соглашаюсь. Особенно учитывая то, что мне доподлинно известно: Чейз более, чем способен избавиться от Итана. Чейз, вероятнее всего, смог бы надрать ему задницу прямо на пороге.

Но если серьезно, только драки мне сейчас не хватало. Мой арендодатель, скорее всего, вышвырнет меня отсюда, и куда мне тогда идти?

Я здесь только потому, что это место более-менее приличное из всех, что я могу себе позволить.

— Нет, — я мотаю головой. — Мне лучше посмотреть, что ему нужно.

Итан — моя проблема, и я должна сама с ним разобраться.

— Хочешь, чтобы я ушел? — спрашивает Чейз, вставая. Боже, какой же он высокий. Он возвышается надо мной, на его лице застывшее нечитаемое выражение. Клянусь, этот мужчина смотрит точно так же, как смотрел прошлым вечером, когда мы пересеклись в коридоре, но сейчас даже хуже, так как он был весь в кровоподтеках.

— Нет, — говорю я немедленно. Я не хочу, чтобы Чейз уходил. Теперь, когда он здесь с принесенным для меня завтраком, я хочу с ним поболтать. Я хочу узнать поближе этого ангела мести, спасшего меня. — Нет, пожалуйста, не уходи. Просто дай мне минуту, и я отделаюсь от него.

Чейз стоит, большой и пугающий, загораживая мне проход. На мгновение у меня возникает ощущение, что он и не собирается дать мне пройти. Затем мужчина коротко мне кивает и отходит в сторону, как будто разрешая мне открыть дверь.

Не знаю, почему это небольшое давление меня не бесит. Мне следовало бы разозлиться, что он попытался меня остановить, но по какой-то причине я совсем не злюсь. На самом деле, я чувствую себя скорее взволнованной. Сердце колотится быстрее обычного, щеки горят.

Себастьян мурлычет еще громче и трется о ноги Чейза.

Я делаю глубокий вдох, желая, чтобы мое сердце билось медленнее, затем плотнее заворачиваюсь в одеяло и плетусь к двери.

Вот теперь это действительно неловко и стыдно. Я просто ждала подходящего момента, чтобы извиниться и, выскользнув в ванную, одеться, но теперь здесь Итан, и в этот раз мне следовало бы открыть дверь, не сверкая при этом своим нижним бельем.

Я протягиваю руку, и одеяло соскальзывает с плеча, когда я приоткрываю дверь. Дурацкое одеяло. Ругаясь, я рывком закидываю его назад на плечо.

— Эйвери? — спрашивает Итан, взгляд его голубых глаз шарит по узкому проему между стеной и дверью. Резкий запах алкоголя доносится через дверной проем. Думаю, он провел всю ночь, напиваясь.

— Итан, — говорю я. — Сейчас, правда, очень рано. Что ты здесь делаешь?

— Я зашел, чтобы извиниться. Мне нужно сказать тебе, что я сожалею насчет вчерашнего, — он подается вперед, пытаюсь слегка подтолкнуть локтем дверь, чтобы открыть ее шире.

Я преграждаю ее ногой.

— От тебя пахнет так, будто ты пил. Ты пил?

— Да, — признается он невнятным голосом.

— Не думаю, что впустить тебя — хорошая идея.

Чувствую, как Чейз подходит сзади ко мне, и мне интересно, пригласила бы я Итана войти, если бы Чейза здесь не было. Ответ, который приходит мне в голову, мне нисколько не нравится, потому что этот ответ: вероятно. Если бы Чейза здесь не было, скорее всего, я бы пригласила Итана войти. Скорее всего, я бы позволила ему извиниться передо мной. И, скорее всего, я бы даже простила его.

Но когда Чейз за спиной, я понимаю, какую большую ошибку я бы совершила. Итан изменился, и нам нужно серьезно поговорить. Но только тогда, когда он протрезвеет. Я больше не знаю, кто он. Этот жалкий пьяница у моей двери не мой друг, которого я знаю и люблю.

Возможно, тот друг исчез навсегда.

— Пожалуйста, Эйвери, — умоляет Итан, и я закрываю глаза. Не только потому, что мы в таком положении, и это отстойно — быть в этом ужасном дерьме, но и потому, что от него разит. Очень сильно разит алкоголем.

— Мы поговорим позже, — говорю я Итану. Чтобы у меня было немного времени подумать обо всем этом.

— Позже я буду занят, — Итан практически ноет. — Давай поговорим сейчас.

— Нет, — говорю я, уже не в состоянии сдерживать раздражение в голосе. — Я не готова говорить об этом, еще слишком рано.

Итан спокоен, и это спокойствие необычно.

Я смягчаю голос и говорю:

— Мне жаль, Итан. Я еще не готова тебя простить.

— Ладно, Эйвери, я понимаю, — говорит Итан, и я чувствую полное облечение. Абсолютное облегчение.

Я боялась, что он будет продолжать настаивать на разговоре. Иногда Итану очень сложно принять тот факт, что ему не удастся добиться своего. А как раз сейчас он определенно не получает то, что хочет. Я ни за что не буду с ним разговаривать, и черта с два он сюда войдет.

— Позвонишь мне позже? — спрашивает он. — Когда будешь готова поговорить?

— Позвоню, — уверяю я его и собираюсь закрыть дверь.

Он резко выставляет ногу, останавливая меня.

— И не беспокойся насчет появления на складе, пока тебе не станет лучше. Отдохни пару дней.

Если бы я только могла. Но все же киваю.

— Хорошо.

— Надеюсь, тебе скоро станет лучше, Эйвери, — говорит он.

Я выдавливаю улыбку.

— Я тоже.

Как только я думаю, что Итан уходит, он вдруг спрашивает:

— Этот гребаный Жнец не пытался приставать к тебе, ведь так?

— Что? — я открываю рот от удивления и чувствую, как Чейз застывает у меня за спиной. — Пытался что? Он просто подвез меня домой.

— Репутация у него не кристальная, черт возьми. Он переспал со всеми девушками, которые проходят через арену. Он пытался затащить тебя в постель?

— Нет! — немедленно выпаливаю я. — Ты же знаешь, я не такая.

У меня пылают щеки. Я все еще чувствую спиной Чейза. Мне нужно избавиться от Итана до того, как я умру от смущения.

— Я знаю, что ты не из таких, — тихо говорит Итан. Затем его голос повышается от непонятого раздражения. — Я просто хочу знать, пытался ли тот гребаный придурок приставать к тебе. Я видел, как он смотрел на тебя прошлым вечером.

— Иди домой, Итан, — говорю я со стоном. — Ты пьян. Я позже тебе позвоню.

— Но, Эйвери, — ноет он.

— Иди! — резко говорю я, теряя терпение.

Итан медленно отступает от двери, как будто на самом деле не хочет этого делать. Я даю ему пару секунд, прежде чем закрыть дверь, чтобы не казалось, будто я захопываю ее у него перед носом.

Я наклоняюсь вперед и слушаю его удаляющиеся шаги. Я даже не замечаю, как Чейз подходит сзади, я настолько сосредоточена на том, чтобы убедиться, что Итан ушел.

Я поворачиваюсь и вижу, что Чейз стоит прямо передо мной, заполняя мое личное пространство.

По какой-то причине я так удивлена и ошеломлена этой близостью, что с трудом дышу, и мои пальцы подводят меня. Эти предательские пальцы отпускают одеяло, и оно мешком падает на пол.

Черт! Черт побери этого Итана. Он как пиявка, он просто не хочет уходить.

Слушать, как Эйвери должна что-то объяснять, мягко говоря, приводит меня в ярость. Этот напыщенный ублюдок обидел ее, а теперь он здесь, у ее порога, просит о прощении. Может быть, у меня и нет никаких прав на эту маленькую черноволосую красотку, но будь я проклят, если он войдет в квартиру после того, что сделал с ней.

Я подхожу к ней сзади и останавливаюсь в нескольких футах. Я вполне уверен, если дверь толкнуть, Итан жестко полетит вниз по лестнице.

Девушка поворачивается, и я понимаю, что полностью захватил ее личное пространство. Ее открытый в удивлении ротик и упавшее на пол одеяло являются довольно убедительными признаками того, что я напугал ее тем, настолько близко я стою.

Смотрю на нее сверху вниз, в эти глубокие изумрудные глаза. Ее полные розовые губы выглядят так чертовски притягательно, что я не понимаю, как я мог оставить ее прошлым вечером, не поцеловав эти губы, но теперь эти губы мои.

Я наклоняюсь и притягиваю ее к себе за плечи, крепко удерживая. Я слегка касаюсь ее губ своими. Она такая же мягкая и теплая, какой я ее помню. Она судорожно вздыхает, и этот звук отдается прямо в моей ширинке.

Не уверен, думала ли она, что я буду грубым, ведь обычно я груб с девушками. Мне нравится брать то, что я хочу. Однако прямо сейчас, то, что я просто нежно целую ее сладкие, мягкие губы, ощущается чертовски правильным. Она скользит рукой по моей груди и хватается за рубашку. Это только подстегивает меня и дальше не торопиться и быть с ней нежным.

Эйвери издает стон, и я чувствую, как ее язык касается моих губ, пытаюсь проникнуть внутрь. Черт. Стон рождается где-то глубоко в груди, но я даю ей лишь немного того, что она хочет: я немного приоткрываю рот. Я хочу ее горячую и хочу, чтобы я был ей нужен.

От этого все становится гораздо легче, гораздо лучше... гораздо более влажным.

Скольжу правой рукой по ее спине, а левой придерживаю затылок, запутывая пальцы в ее волосах. Я прижимаюсь к ней всем телом, и ее короткий стон наполняет мое сердце глубоким чувством удовлетворения. Скоро она будет моей.

Девушка прижимается ко мне и трется своим маленьким упругим животом о мой пульсирующий член. Думаю, прикосновение моего толстого дружка к ее животу распалает девушку еще больше.

Я чувствую, как ее язык скользит по моему, и Эйвери громко стонет, пытаюсь прижать меня к стене. Она наваливается на меня всем своим маленьким телом, как будто может сдвинуть меня с места. Глупенькая девочка.

Отпустив ее волосы, я опускаю руку к ее гладкой обнаженной спине, все еще не торопясь. Моя рука бродит по ее спине, мимо бюстгальтера, вдоль по позвоночнику. Затем я хватаю своими большими руками ее за крепкие, прикрытые нижним бельем, ягодицы.

Поднять ее мне не составляет большого труда. Хотя Эйвери и не худышка, скорее с изгибами, с телом богини, но в моих руках она как будто ничего не весит. Девушка обвивает меня ногами крепче, чем я мог бы себе представить. Ее тяжелое дыхание касается моих губ, и я двигаю бедрами, так что мой твердый пульсирующий член трется об нее.

Повернувшись, я сильно прижимаю ее к стене. Пальцами потираю ее набухшие,

влажные складочки, в то время как капли спермы просачиваются через мои боксеры. Это определенно не то, чего я ожидал, когда решил приехать сюда. Я не хочу использовать в своих интересах девушку, учитывая, что прошлым вечером ее обидели, а я помог ей. Но теперь, когда это происходит, и она меня не останавливает, я едва могу сдерживаться.

Я склоняю голову к ее шее и крепко целую. Я кусаю ее пульсирующую вену, потому что у меня возникает непреодолимое желание пометить ее как свою.

Эйвери запрокидывает голову назад, издавая страстные стоны. Затем вдруг вскрикивает от боли сразу после того, как ее голова соприкасается со стеной. Удивленно подняв голову, я смотрю в ее глаза, полные боли.

Черт, ей снова больно, и это отстой. Я обнимаю ее и медленно опускаю на пол. Все мысли о сексе забыты. Последнее, чего бы я хотел, это причинить боль этой девушке.

— Вот черт, Эйвери, ты в порядке? — спрашиваю я, пытаюсь удостовериться, что она в устойчивом положении.

Я медленно веду ее к маленькой убогой кровати и помогаю сесть.

— Ай, — стонет она, сидя, обхватив голову руками.

— Давай я приложу лед, — говорю я, мчусь на кухню и хватаю полотенце с ручки плиты.

Взяв лед из морозилки, я кладу небольшую горсть в полотенце и затем бегу назад к ней.

— Боже мой, как больно! — кричит она, пока я осторожно прикладываю полотенце со льдом к ее затылку.

Боже мой, мой член не болит физически, но, черт бы его побрал, болит от желания. Я решаю капнуть пару капель этих ледяных кубиков себе на промежность, чтобы остыть.

Я хватаю ее одеяло, сажусь на кровать и слышу, как та скрипит, когда я устраиваюсь рядом с ней. Я обнимаю Эйвери за плечи и притягиваю к себе, чтобы ей было удобно.

— Прости, Эйвери, ты в порядке?

— Да, но мне определенно нужно в душ и подготовиться к занятиям, — она охает и смотрит на часы на стене.

Мне не хочется ее отпускать, мне так нравится ощущать ее в руках. Я чувствую, как девушка извивается и нервничает. Она отрывается от меня.

— Где твой мобильный телефон? — спрашиваю у нее.

Она озадаченно смотрит на меня, затем показывает на кухонный стол.

Я встаю, иду к столу и беру ее телефон.

— Какой твой пин-код?

— Двенадцать двадцать, — она хмурится, пока я держу ее телефон. — Что ты делаешь?

— Это твой день рождения? — спрашиваю я, набирая свой номер с ее телефона.

Я чувствую легкую вибрацию, когда громкий гудок доносится из заднего кармана джинсов.

— Да, я декабрьская. Ты только что написал себе сообщение?

— Ага. Во сколько ты заканчиваешь сегодня вечером?

— В 20:15.

Я подхожу к ней и протягиваю телефон.

— Могу я тебе позвонить?

Эйвери колеблется, прежде чем ответить.

— Да, — наконец говорит она, глядя на меня своими изумрудными глазами. Такими красивыми.

Я снова хочу поцеловать ее, но знаю, что если сделаю это, то уже не смогу остановиться.

Я сопротивляюсь сильному желанию удержаться и не выпрыгнуть из джинсов. Мой член все еще твердый, болит и готов освободиться. Если бы мне не нравилась эта девушка так сильно, думаю, что я смог бы легко одержать победу. Если бы это была любая другая девушка, одна из моих обычных глупых красоток, я бы, вероятно, уговорил ее позволить мне подрочить на ее грудь.

— Я позвоню тебе вечером.

Я иду к двери и оборачиваюсь, замечая, что она все еще сидит, уставившись на меня.

— Запри за мной, Эйвери.

Я выхожу из ее квартиры, закрывая за собой дверь. Проходит пара секунд, и я слышу шум ее закрывающегося замка.

Я спускаюсь по лестнице ее дома широкими шагами. Мой член все еще напряжен, но уже не так, как несколько минут назад.

Я запрыгиваю в джип, рывком отъезжаю от обочины перед ее домом и сливаюсь с небольшим движением на дороге. Я собираюсь порвать сегодня спортзал. Мне просто необходимо ударить по чему-нибудь, чтобы выпустить всю сдерживаемую энергию, что кипит во мне.

Отсидеть все пары на учебе сегодня было настоящей пыткой. Головная боль не прекращалась, и я не переставая думала о Чейзе.

А точнее, я не могла перестать думать о поцелуе Чейза.

Мой преподаватель по алгебре монотонно бубнил без остановки, и я просто не могла сосредоточиться на задачах, как ни старалась. В математике я полный ноль, этот предмет всегда был сложным для меня. Я учусь на втором курсе колледжа, собираюсь получить степень социального работника, и стыдно так завязнуть в алгебре. Поэтому я, стиснув зубы, заставила себя забыть о пульсирующей головной боли и сжала колени вместе, стараясь позабыть о боли в промежности, и сделала все, что смогла, чтобы сосредоточиться на изучаемом предмете.

Но все было безнадежно. Я была слишком расстроена, слишком растеряна своим внезапным влечением. Я буквально только прошлым вечером встретила Чейза и уже стала свидетелем избиения моего лучшего друга. Дважды. Как же я облажалась.

Но, с другой стороны, даже зная, что я облажалась, и при этом полностью осознавая свою вину, я не могу перестать мечтать о том, что случилось бы, если бы наш поцелуй перерос в нечто большее. Если бы я не была такой неуклюжей и не ударила головой, где бы мы тогда в конечном итоге оказались? На полу? На диване? В моей кровати? Прямо там, у двери?

От этого боль становится только сильнее.

Итан, вероятнее всего, даже из здания выйти не успел, как я казалась на Чейзе, напав на него как сексуально озабоченная извращенка. Боже мой, я такая бесстыжая! Он, наверное, хотел взять мой номер, только потому, что я легкодоступная. Мне не следует отвечать на телефон, когда Чейз позвонит... Но все равно, я не могу перестать проверять свой мобильник.

По дороге на работу я держу телефон в руках. Время от времени взгляд падает на экран, и я решаю отправить Чейзу сообщение и заблокировать его, чтобы он не смог мне позвонить. Хотя он ведь знает, где я живу, и я уверена на все сто процентов, что если бы он действительно захотел войти, то мог бы без особых усилий выломать дверь.

Жнец точно похож на парня, который выломал бы дверь только ради секса.

Он бешеный, мускулистый, с натренированным телом греческого бога. Думаю, он вполне может работать профессиональным вышибалой. Неужели я действительно назвала его так? Он управляет моими мыслями, от чего я чувствую себя по-другому... чувствую себя неуправляемой.

Что в нем такого особенного? От чего я ощущаю себя такой распутной и возбуждаюсь? Его рост? Выдающиеся мускулы? Может быть, татуировки? У меня еще никогда не было такой чернильной штуки.

Нет, нет. Я знаю, что это. Это то, как он выглядит сурово, пугающе, даже устрашающе. Совершенно как татуированный панк. Но со мной, когда он разговаривает или целует, или держит меня в объятиях, он такой нежный. Такой безумно нежный.

— Эй, Эйвери, — говорит мой менеджер Джо, отвлекая меня от тревожных мыслей. — Я думал, ты не придешь сегодня вечером.

Я поднимаю глаза и удивленно моргаю. Я прошла через весь главный фасад Глайерз

Электроникс, даже не осознавая этого. Сейчас я в конце здания, в отделе только для сотрудников, открываю свой шкафчик.

Со мной и раньше такое случалось. И сейчас иногда случается, когда я глубоко погружена в свои мысли. Каким-то образом мое тело продолжает двигаться, даже если я этого не осознаю. Мой мозг отключается, а тело переключается на автопилот. Обычно я включаю автопилот, когда я в душе. В эту минуту я намыливаю шампунем голову, а уж в следующую выключаю воду. Мне всегда приходится проверять ноги, чтобы убедиться, что я их побрила, прежде чем вытереться насухо.

— Спустись на землю, Эйвери, — говорит Джо. — Иди домой.

Джо скрещивает руки на груди и вытягивает ноги, как будто собирается физически помешать мне начать работать. Он милый парень, примерно того же роста, что и я, но совершенно определенно превосходит меня в весе, по крайней мере, фунтов на сто.

Я пытаюсь обойти Джо, но он быстро делает шаг в ту же сторону, преградив мне путь.

— Но у меня сегодня смена по графику, — хмурюсь я.

Мне нужна сегодняшняя смена. Мне нужны деньги, иначе я не смогу заплатить за квартиру в этом месяце. Ну, я могла бы заплатить за квартиру, если бы сэкономила на еде. Но я уже и так питаюсь всего один раз в день, что довольно вредно для здоровья.

Джо качает лысой головой, и его подбородок трясется.

— Большой босс так не считает. Он лично выкинул тебя из графика сегодня.

Черт. Когда Итан сказал мне взять пару дней отдыха, я думала, что это был просто совет. Раньше он никогда не отменял мои смены.

— Нет, должно быть это ошибка, — быстро говорю я и пытаюсь проскользнуть мимо Джо с другой стороны. Каким-то образом я должна отработать сегодняшнюю смену. По закону Джо не может не допустить меня до работы. — Разрешите мне отработать, а потом я позвоню Итану.

Джо громко фыркает и не двигается с места. Черт возьми. Я и забыла, что он играл в футбол в старшей школе. Даже для большого парня он быстро двигается.

— За все годы работы менеджером не думал, что мне придется это сказать... Иди домой, Эйвери. В жизни есть вещи поважнее, чем просто работа.

— Но... — я начинаю возражать.

Джо прищуривает глаза и говорит решительно:

— Иди. Пока я тебя не выгнал.

Я дуюсь на Джо, но на него это не действует. Он только качает головой и хмурится еще больше. Он не собирается двигаться с места.

Я возмущена. Ощущаю, как слезы раздражения жгут глаза, поэтому я отворачиваюсь, прежде чем они хлынут ручьем. Знаю, Джо просто пытается быть милым. Он, скорее всего, даже полагает, что тем самым делает мне одолжение. Какой работник, особенно студентка колледжа, вроде меня, не хочет еще один выходной.

Я рывком открываю свой шкафчик и хватаю рюкзак. Закидываю его на плечи и с шумом захлопываю дверцу, выпуская пар. Это немного помогает.

Магазин видится мне одним размытым пятном из яркого света и безликих покупателей, когда я спешу между рядами. Удивительно, как я еще не налетаю на что-нибудь или кого-нибудь.

Я толкаю парадную дверь, и как только ночной воздух ударяет мне в лицо, я успокаиваюсь. «Все будет хорошо, я что-нибудь придумаю», — успокаиваю я себя. Чтобы

экономить на одном проезде на автобусе, я решаю пойти пешком.

На полпути домой я успокаиваюсь достаточно, чтобы поднять телефон к уху и позвонить Итану. Телефон звонит, не переставая, но в итоге попадает на голосовую почту.

— Привет, Итан. Это Эйвери, — говорю я после гудка. — Сейчас я чувствую себя гораздо лучше. Голова совсем не болит. Я пыталась поработать сегодня вечером, но Джо сказал, что ты выкинул меня из графика. Не мог бы ты мне перезвонить и вернуть меня в график. Спасибо. Поговорим позже.

Я отключаю телефон, затем проверяю его. Все еще рано. Вероятно, мне нужно убить, по крайней мере, пару часов.

Мой телефон подает сигнал как раз тогда, когда я подхожу к двери. Не успев открыть дверь, я в нетерпении пробегаю сообщение глазами.

Оно от Итана.

Итан: Привет, Эйв. Не могу говорить. У тебя неделя выходных. Поправляйся.

Что?! Неделя выходных? Мое сердце бьется в панике. Не может быть. Я должна работать. Пальцы летают по клавиатуре телефона.

Я: Извини, если я непонятно объясняю. Моя ошибка. Мне нужно работать. Пожалуйста, верни меня в график.

Итан отвечает не сразу. Я очень-очень пристально глазею на телефон.

На экране высвечивается короткое сообщение, значит, он набирает ответное сообщение, затем он останавливается. Итан продолжает то и дело начинать писать и останавливаться. Пока я жду его ответа, я осознаю, что стою в коридоре как дура с ключами в замке.

Не отрывая глаз от экрана, я, наконец, открываю дверь ключом и толкаю ее. Как только дверь за мной закрывается, Итан присылает сообщение.

Итан: Просто посоветовался с Джо. Он уже нашел на твое место замену. Позвони мне завтра вечером, встретимся.

Черт, черт, черт. Я серьезно сомневаюсь, что остаток недели засчитается как оплачиваемое нерабочее время. Я так облажалась.

Мои пальцы летают по клавиатуре телефона, пока я набираю ответ. Я печатаю сообщение за сообщением, но, в конце концов, все они кажутся слишком жалкими, поэтому, прочитав их еще раз, просто удаляю их совсем.

Итан знает, что мне нужны деньги, должен знать. Именно поэтому он и дал мне эту работу! Но понимает ли он, что мне действительно нужны деньги? На самом деле? Мы как будто существуем в двух разных мирах.

Себастьян выскальзывает из моей спальни. Он вьется у моих ног и голодно мяукает, не сводя с меня глаз.

Я вздыхаю и тянусь к нему, почесывая его за левым ухом.

— Немного рановато для обеда.

Себастьян остается равнодушным. Он мяукает громче.

— Если ты поешь сейчас, — ругаю я его, — позже ты опять проголодаешься.

Себастьян вьется вокруг моих ног и ускользает в кухню. Он останавливается перед шкафом, где я держу его еду. И тут жужжит телефон.

Я иду на кухню, открываю шкаф и достаю банку.

— Ладно, но не говори, что я тебя не предупреждала.

Я открываю банку для Себастьяна и наполняю его миску, прежде чем проверяю телефон.

Итан: Привет, возможно у меня есть для тебя другая работа, если тебе это интересно.

Что? Другая работа? Откуда? Внезапно пахнет рыбой и это не просто кошачья еда.

Я: У меня, правда, нет времени на другую работу.

Я в полном смысле слова разрываюсь между занятиями, работой и едва нахожу время для домашних заданий. Даже отчаянно нуждаясь в деньгах, вряд ли я смогу найти время для другой работы. По крайней мере, до тех пор, пока я не брошу делать что-то, что я уже делаю.

Как будто читая мои мысли, Итан отвечает:

Итан: Эта лучше оплачивается. Поговорим завтра.

У меня внутри возникает неприятное чувство, что Итан намеревается предложить мне то, от чего я не смогу отказаться.

— Черт меня побери! — я издаю громкий стон, резко выдыхая. Затем кричу: — О, черт меня побери!

— Вот именно, ты, размазня, плачешь как маленький! — ворчит Дэйл, пытаюсь привести мои онемевшие ноги в форму.

— Боже мой, ты хочешь моей смерти! — морщусь я, когда он скучивает мою правую ногу в сторону, противоположной той, в которую она должна сгибаться. — Чееееерт.

— Именно, здоровяк, терпи, — снова ворчит Дэйл, не переставая посмеиваться, пока крутит мою ногу в другом направлении.

— Серьезно, я ведь только прошлым вечером дрался. Полегче со мной.

— Нее, вчера вечером ты оставил меня на стадионе. Помнишь? — хихикает Дэйл, пока я пытаюсь его оттолкнуть.

Прямо сейчас я беспомощный как котенок.

Я работал каждую секунду с тех пор, как попал в спортзал, пытаюсь использовать нарастающую в своем теле напряженность. Завтра я, без сомнения, почувствую это.

Я дрался прошлым вечером и вернулся в спортзал за дополнительным наказанием. Я знаю, что практически состоял из кофеина к тому времени, как оказался у дверей квартиры Эйвери, но черт меня побери! Это было более четырех часов назад, и прежде, чем Дэйл добрался до меня. Теперь я страдаю от боли и готов надолго засесть в сауне.

— Вот черт! Хватит! — реву я, скатываясь со стола, Дэйл ругает меня и помогает встать на ноги.

У Дэйла на лице его фирменная идиотская ухмылка, вероятно, вчерашний вечер был для него удачным. К счастью для него, он наконец-то добился прогресса в отношениях с доком. Они отлично подходят друг к другу.

— Прими душ, чемпион, — хихикает он, прежде чем подойти к скамейке и достать мобильный телефон.

Посмотрев на часы на стене, я корчу гримасу. Черт, еще восемь часов до окончания ее рабочей смены, и я действительно думаю, что не смогу работать до тех пор. Ну, то есть, могу, но тогда все закончится тем, что в какой-то момент мое тело просто выйдет из строя.

Может быть, мне пойти и еще раз избить Итана?

Вероятно, я могу пойти проверить свой счет, но банк не откроется до понедельника. И в воскресенье, когда мне следовало бы отдохнуть, я максимально напряжен.

Руки ощущают пустоту, и после того, как я держал в руках сексуальную черноволосую красотку, я не знаю, буду ли я в порядке, пока она снова не окажется у меня в руках.

Я направляюсь в душевую и включаю воду на полную мощность до тех пор, пока не начинает литься только неразбавленный кипяток. Не знаю, насколько большие баки с горячей водой в спортзале, но горячей воды хватило на все время, пока я принимал душ.

Омывая свое тело, я тщательно растираю кровоподтеки и синяки, стараясь придать вид получше тем, которые все еще покрыты коркой. Мои ноги выглядят дерьмово, это результат неоднократных сильных пинков, и у меня до сих пор болит живот с одной стороны от ударов Итана.

Черт. Единственное, что у меня не болело от бокса, — это мой член, и этот предательский ублюдок очень хочет Эйвери. Обычно мне удается держать его под

контролем достаточно, чтобы не бить девушку о стену и не выносить ей мозг, но в Эйвери было нечто, от чего сносило крышу.

Я сжимаю в руках член, он уже твердый как стальная опора, поддерживающая здание. Я чувствую напряжённость в своих разрывающихся от боли яйцах. Под кожей пульсирует кровь. Прямо там я ощущаю горячее напряжение.

Боже, я хочу почувствовать ее мягкие бархатистые губы, скользящие по моему члену. Я хочу войти в нее и не покидать до тех пор, пока не выпущу всю свою сперму в ее горячее влажное естество. Я начинаю ускорять движения. Чувствую, как закипаю от давления. Похоже, я сейчас взорвусь.

Просто от мысли, что Эйвери лежит подо мной, извивается на кровати, когда я вхожу в нее, я горю. Я хочу сделать ее своей и наполнить ее собой... Черт.

Я чувствую, как ее длинные сильные ноги обвиваются вокруг меня. Ее бедра горячие и мягкие, когда ударяются о мои, сжимая их.

Мысли о ее груди, заключенной в шелк, все во мне будоражат. Но по какой-то причине воспоминание о том, что на ней были простые черные трусики, вызывает внутри меня дрожь. Мне нравится кружево, но никогда не думал, что девушка, которая носит обычные трусики, просто чертовски сексуальна. Мне хотелось снять с нее бюстгальтер, чтобы я мог хотя бы на несколько секунд прикоснуться к ее прекрасным соскам.

Я откидываюсь на стену с громким стоном, доводя себя до оргазма, затем медленно успокаиваюсь.

Встряхнув головой, я ополаскиваюсь и смываю с тела следы возбуждения. Я чувствую, что напряжение едва меня отпускает. Если уж на то пошло, мое тело становится даже еще напряженнее в ожидании встречи с ней.

Я быстро отправляю Эйвери сообщение, как только часы показывают 20:15. Я не могу больше ждать, я хочу увидеть свою черноволосую красавицу. Не знаю, закончится ли это вечер попыткой избавиться от напряжения, накопившегося внутри меня, но надеюсь, что да.

Я: Где ты? Тебя отвезти домой с работы?

Черт, черт, я, должно быть, выгляжу жалким придурком.

Эйвери: Я дома, что случилось?

Я: Я буду через пятнадцать минут.

Эйвери: Что значит, ты будешь здесь через пятнадцать минут? Разве ты приглашал меня на свидание?

Черт. Черт. Черт. Она шутит со мной? Я провожу рукой по волосам, мне требуется немного времени, чтобы отдышаться. Вдох, выдох. Теперь мне нужно расслабиться. Не может быть, чтобы она не чувствовала абсолютно ничего.

Да черт с ним, она моя.

Я: Нет. Через десять минут.

Знаю, мне не следует писать сообщение и при этом быть за рулем, поэтому убираю телефон.

Жужжание и громкий звонок извещают, что она ответила. Я хватаю телефон и проверяю ответ.

Эйвери: Что, если я не буду готова? Ты ведешь машину и пишешь?

Я ухмыляюсь и кладу телефон назад на сиденье. Пусть гадает.

Отлично. Чейз уже здесь, а я еще совсем не готова. Когда я сказала ему позвонить мне, я думала, он именно это и сделает — позвонит. Я думала, что мы немного поговорим, может быть, узнаем друг друга получше, а позже пойдем на свидание.

Я и понятия не имела, что он решит сразу примчаться сюда.

Безумие — это вместо того, чтобы разозлиться, что тебя вынуждают пойти на свидание, хотя и не удосужились пригласить, я радуюсь. Даже больше, чем радуюсь. Я так счастлива, что мечусь по спальне как курица без головы, пытаюсь решить, что надеть.

Я стою в нижнем белье, выбирая между джинсами с обтягивающей блузкой и моим любимым фиолетовым платьем, когда раздается стук в дверь.

Я высовываю голову из-за двери спальни и кричу:

— Чейз?

За дверью я слышу его глубокий голос:

— Да.

— Входи! — кричу я.

Входная дверь открывается, и я закрываю дверь спальни, надеюсь, что он не успел увидеть мою голую задницу.

— Извини! Подожди минуту! — кричу я, уставившись на два наряда, которые я оставила разложенными на кровати.

Черт. Он приехал даже быстрее, чем я ожидала. Я до сих пор понятия не имею, что надеть.

Джинсы и обтягивающая белая блузка могут и дальше производить впечатление, что я та самая девушка, которую Чейз спас вчера вечером на боксе. Ну, то есть, девушка того типа, которую я из себя, безусловно, разыгрываю. Девушка, которая не боится продемонстрировать свое тело и так довольна своей сексуальностью, что выставляет ее напоказ. Флаг ей в руки, но я совсем не такая. Я на самом деле консервативный блюстител нравов.

Я сдержана, мне нравится, когда мое тело скрыто от чужих глаз. Я чувствую себя спокойнее, увереннее, когда большая часть моего тела прикрыта одеждой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

По-моему, фиолетовое платье самое удобное и откровенное из всех, которое я могу решиться надеть. Это платье мое любимое, и я думаю, оно показывает, кто я есть на самом деле. Подол юбки длинноват, до колен, расширяющийся к низу, верх без рукавов, на тонких бретелях, так что мои руки остаются совершенно открытыми. Благодаря вырезу на топе видна только крошечная часть ложбинки на груди, на ткани рисунок из цветов, которые выглядят как настоящие. Мне говорили, что зеленый цвет листьев и стеблей действительно подчеркивают цвет моих глаз.

Хочу ли я и дальше притворяться девушкой, которой я никогда не хотела быть, или я хочу, чтобы Чейз узнал меня настоящую? Даже если он потеряет ко мне интерес и уйдет? Сложно решиться.

— Ты там в порядке? — слышу я голос Чейза по другую сторону двери.

Тембр его голоса такой низкий, что, кажется, будто он гремит. Могу поклясться, моя дверь даже задрожала.

— Да! Прости! Сейчас выйду, — кричу я.

Ох, вероятно, он считает, что я совсем чокнутая. Мне лучше выбрать наряд, прежде чем ему станет скучно и парень уйдет.

Фиолетовое платье. Я выберу фиолетовое платье. Если я не понравлюсь ему такой, какая я есть на самом деле, что ж, просто позже это избавит нас обоих от многих проблем. Если это «позже» наступит. Ладно, просто покончим с этими рассуждениями прямо сейчас. Я хочу хорошо провести время. Я хочу узнать Чейза поближе. Хочу, чтобы он меня узнал, и будем надеяться, я ему понравлюсь. Я беру платье и надеваю его через голову.

Я буду собой. Я не могу измениться ради мужчины.

Я в спешке натягиваю платье, крутюсь и вертюсь, смотрю на свое отражение во весь рост в зеркале на двери, затем застегиваю молнию. Как только молния застегнута, я еще раз поворачиваюсь, затем приглаживаю юбку руками.

Неплохо.

Я решаю собрать свои гладкие волосы в высокую прическу. Закручиваю темные волосы в неаккуратный пучок на голове, затем закалываю их как можно крепче. Обуваю сандалии, делаю глубокий вдох и открываю дверь.

— Привет, — улыбаюсь я.

Чейз стоит между входной дверью и кухней, держа руки в карманах.

Он поднимает голову и ничего не говорит. Я просто смотрю, как кадык на его горле двигается, когда мужчина глотает.

— Извини, что заставила тебя ждать, — говорю я, внезапно нервничая.

Я делаю шаг вперед, и он окидывает меня взглядом с головы до ног. Хотела бы я знать, о чем он думает. Он так напряжён. Но остается спокойным. Его губы сжаты, а глаза темны. Чейз не говорит ни слова, просто смотрит на меня.

В таком нервном состоянии я чувствую потребность заполнить тишину.

— Я не знала, что ты хочешь куда-нибудь пойти. Ты вроде как обрушился на меня в последний момент.

Я с трудом сглатываю и заставляю себя шагнуть вперед. Я собираюсь обойти его и пойти на кухню, чтобы добраться до сумочки, которую я оставила на столешнице. Если Чейз еще не передумал куда-нибудь пойти. На его лице такое мрачное выражение, что я не знаю, что думать.

— Я не знала, что надеть. Я слишком вырядилась? — спрашиваю я, и мой голос звучит неровно, будто я запыхалась.

Сердце в груди бешено колотится. Я думала о том, как сильно мне хочется, чтобы он увидел меня такой, какая я есть, и надеялась, что он не будет возражать.

Я делаю вдох, и он рычит мне:

— Иди сюда.

Мое тело тотчас реагирует, ноги подчиняются его приказу. Внутренне я вздрагиваю, как будто могу почувствовать надвигающуюся бурю. И все же, осознаю, что движусь к нему как мотылек к огню.

— Ты всё ещё хочешь пойти на свидание? — я чувствую, что должна спросить об этом, запрокидывая голову назад. Чем ближе я к нему подхожу, тем больше мне приходится поднимать голову.

— Нет, — говорит он, и я настолько шокирована, настолько обижена, что останавливаюсь. У меня возникает внезапное желание убежать.

Это была ошибка. Мне следовало догадаться. Я вовсе не та, кто ему нужен. Вероятно, он

злиться на меня и собирается выместить злость на мне. Прямо как Итан. Словно воплощая мои страхи в реальность, Чейз протягивает руку, хватая меня и притягивает к своей твердой груди.

— Ты выглядишь чертовски сексуально, — выдыхает он. Я чувствую его горячее дыхание в своих волосах. — Я хочу остаться здесь, с тобой.

Я дрожу в его руках и ничего не могу с этим поделать, охваченная внезапной переменой моего эмоционального состояния. Страх сменяется острым желанием, которое пронзает самый центр моего естества.

Я не могу отдышаться.

Я трепещу, когда Чейз смотрит на меня. Я чувствую себя застигнутой врасплох и пойманной в ловушку страстью, затопившей его шоколадно-карие глаза. Его веки слегка опущены, тень от темных ресниц ложится на щеки.

Он наклоняется, а я изгибаюсь, пока его рот не находит мой. Мы буквально набрасываемся друг на друга. Наши тела жаждут прикоснуться друг к другу. Это мгновенный взрыв чувств, который позволяет мне чувствовать себя не только не способной дышать, но и невероятно влажной и очень нуждающейся.

Неужели так и должно быть? Часть меня сомневается. Все происходит так настойчиво, так невероятно, что я бы не поверила в это, не смогла бы найти объяснение, если бы все это не происходило прямо сейчас.

Пuls стучит у меня в ушах. Кровь, подобно лаве, течет по венам. Его губы настойчиво прижимаются к моим. Я не сопротивляюсь, когда его язык проникает внутрь.

Черт возьми, он такой сексуальный. Такой чертовски сладкий.

Я закрываю глаза, когда наши языки сплетаются. Его рот снова и снова притрагивается к моему. С каждым разом все глубже, с каждым разом все настойчивее, требуя все больше. Я полностью растворяюсь в поцелуе, в наших взаимных прикосновениях. Сначала я даже не осознаю, что его руки хватают меня, сжимают, притягивают. В какой-то момент я решаюсь схватить его за рубашку. Но когда мужчина поднимает меня за задницу, и я оказываюсь на уровне его плеч, то неистово начинаю искать более существенную опору в его плечах.

— Чейз, — выдыхаю я ему в рот. Пальцами скольжу по его коже.

В ответ он мягко покусывает зубами мою нижнюю губу, а потом рычит:

— Обхвати меня ногами.

Обвиваю его ногами, мои ноги скользят, когда я сцепляю их вокруг его бедер. Он сжимает мою задницу еще сильнее и рычит. Так как на мне платье, то ничто не мешает выпуклости, едва сдерживаемой его джинсами, тереться о мое нижнее белье.

— Ох, — я издаю стон и выгибаюсь. Намокли не только мои трусики, но внутри все болит, трепещет от нарастающего желания.

Чейз прижимается ко мне, его бедра толкаются в меня.

Он стонет, в его груди возникает рык. Я выгибаюсь и издаю стон. Если он не остановится, я кончу прямо сейчас, прямо здесь, не снимая одежды.

— Черт, — вдруг ругается он, отрываясь от меня.

Мужчина тяжело дышит, интересно, он так же близок к разрядке, как и я? Мы как два сексуально озабоченных мастурбирующих подростка.

Я вращаю бедрами, хотя он уже перестал двигаться. Я просто сама не могу остановиться. Чейз превратил меня в существо, целиком состоящее из желания.

Он стонет, как будто ему больно, и затем мы двигаемся. Не знаю, как он может ходить,

но я чувствую, как пряди волос выбиваются из пучка, трепещут у шеи, ощущаю прохладный воздух на своих пылающих щеках.

Прихожая пронесется мимо размытым пятном. Я моргаю и затем падаю.

Чейз бросает меня на матрас, затем отстраняется. Ему приходится убрать мои ноги со своей талии.

Я в недоумении моргаю в полумраке.

— Чейз? — спрашиваю я, голос дрожит. Я сделала что-то не так? Почему он бросил меня?

— Я весь день о тебе думал... — говорит он хриплым голосом.

Я едва не спрашиваю: «Тогда почему ты бросил меня? Ты разочарован во мне?»

Но постепенно глаза начинают привыкать к тусклому свету, и я открываю рот от удивления. Теперь я вижу, как он срывает с себя одежду, обнажая свое испещренное ссадинами, покрытое татуировками тело.

— ...о том, как я держал тебя в своих руках.

Он такой большой. Даже при тусклом свете, мой взгляд прикован к огромному члену, освободившемуся из джинсов. Длинный, твердый, он гордо пружинит у его тела.

Он точно хочет моей смерти.

— Я не мог перестать думать о твоей груди, — говорит Чейз, делая шаг ко мне. — Я постоянно вспоминал, какая чертовски сладкая ты на вкус.

Он тянется ко мне, поднимая меня на ноги. Его пальцы танцуют по моим плечам. Могу поспорить, что мои колени ослабевают и подгибаются.

— Ты чертовски приятная на ощупь, — продолжает он.

Я чувствую, как натягивается платье, когда мужчина начинает расстегивать молнию на спине. Бретели на плечах ослабевают, шелковая ткань соскальзывает. Гравитация вступает в свои права, и платье, скользя по моим рукам, падает на пол.

Чейз резко втягивает воздух.

— Ты такая красивая, — рычит он. — Хочешь, чтобы я остановился?

Я качаю головой. В данный момент это все, на что я способна. Я не могу говорить, так как горло слишком сдавлено.

— Хорошо, — произносит он, довольный.

Моя кожа горит. Каждый дюйм моего тела болит. Каждое прикосновение его пальцев — это слабое раздражение. Руки Чейза касаются меня, но он держится от меня на расстоянии.

— А ты думала обо мне? — спрашивает он, в этот раз почти неслышно.

Я думала о нем на алгебре. Я не могла сосредоточиться на том, что нам объяснял преподаватель. Я все еще ощущала руки Чейза на своем теле. Его горячий рот, когда он целовал меня. Какими стальными казались его мышцы на спине под моими пальцами. Интересно, какие мускулы будут напрягаться, когда он будет владеть моим телом. Я продолжала представлять себе его упругий зад,двигающийся вверх и вниз, когда он входил в меня глубже.

— Да, — шепчу я, внезапно обретая голос.

Он водит руками по моей спине, затем я ощущаю, как дрожащими пальцами он расправляется с застежкой бюстгальтера.

Я не успеваю оглянуться, как он присоединяется к платью на полу.

Руками Чейз накрывает мою грудь, обхватывая. Он крепко сжимает их, а я осознаю,

насколько грубые и мозолистые у него руки. Их кожа слегка царапает мои соски. Я стону, выгибаясь в его руках, а мои соски напрягаются, превращаясь в маленькие твердые горошинки.

— Я весь день умирал от желания прикоснуться к ним руками.

Чейз подталкивает меня, пока я не оказываюсь на спине. Затем он, нависая надо мной, наклоняет голову и зарывается лицом мне в шею. Я дрожу, когда чувствую его горячее дыхание.

Его руки массируют мою грудь, пока она не становится невероятно чувствительной. С моих губ срываются короткие, полные желания звуки. Я извиваюсь на кровати. Чейз склоняет голову ниже.

— Я должен попробовать тебя на вкус, — стонет он.

Я обвиваю руками его за шею и держусь за него, когда его рот накрывает мою грудь. Он отодвигается от меня и в то же время разжимает крепкую хватку моих рук. Я едва не кончаю с криком на кровати.

Его рот такой влажный, такой теплый, что внутри меня все тает.

Чейз издает голодные звуки, посасывая мою плоть. Его язык быстро двигается взад и вперед.

— О, боже мой, — начинаю я кричать.

Чейз издает стон желания, проскальзывает языком мне в рот.

Сильное давление заполняет мой живот. Я не могу перестать извиваться, двигаться. Ногти впиваются в его плечи, и его поцелуй становится еще настойчивей. Я чувствую внезапную легкую боль, затем понимаю, что он просто меня ущипнул.

Он не отрывает руки от моего тела, Чейз не прекращает прикасаться ко мне.

Его блуждающие пальцы спускаются вниз, скользя и исследуя каждый дюйм моего трепещущего тела. Он хватает мои трусики и срывает их с меня. Я слышу, как ткань рвется, и чувствую, как она соскальзывает по моим ногам.

Даже воздух как ледяной укус действует на мою намокшую киску.

Чейз времени зря не теряет, скользя пальцами по гладким изгибам. Они такие сильные и крупные, что все, о чем я могу думать, — это как хорошо было бы, если бы они оказались внутри меня, двигались внутри меня. Прикосновения к безумно чувствительному месту гарантированно снесут мне крышу. Я могу только представить, что бы я чувствовала, если бы он дотронулся до меня там прямо сейчас.

Напряжение продолжает нарастать. Моя грудь вздымается, когда воздух начинает тяжелеть, дышать становится все труднее.

Чейз отпускает мой сосок с причмокивающим звуком и поднимается.

— Черт, ты вся мокрая.

Я ерзаю на кровати. Все внутри пульсирует от боли. Он меня убивает. Я в буквальном смысле слова умру, если он сейчас же не окажется во мне. Мои нервы на пределе. Каждая клеточка тела кричит от желания.

— Чейз, мне нужно, чтобы ты был внутри меня. Пожалуйста, трахни меня, — я со стоном приподнимаю бедра. — Пожалуйста.

Его пальцы медлят. Я слышу, как мужчина резко втягивает воздух. Затем он двигается, его тело плавно скользит по моему, и он устраивается между коленей.

— Черт, детка, тебе не нужно просить.

Одной рукой он касается моей щеки, нежно поглаживая ее, в то время как другую

вытягивает надо мной. Наверное, в какой-то момент он бросает на кровать презерватив. Я замечаю блеск упаковки, затем вижу, как Чейз разрывает ее зубами.

Не думаю, что когда-либо в своей жизни я чувствовала такое возбуждение. Что-то должно произойти, прямо сейчас. Трепет распространяется, быстро двигаясь к моим бедрам. Если мы как можно скорее ничего не сделаем, пульсирующая боль полностью сведет меня с ума.

Я протягиваю руку, вырывая презерватив у него из рук, со словами:

— Позволь мне.

Наши взгляды встречаются, и на мгновение мне кажется, что он хочет остановить меня. Но затем Чейз кивает, и я вижу, как мышцы на его шее напрягаются, когда я пальцами обхватываю основание его твердого члена.

Я испытываю огромное удовольствие, наблюдая, как мужчина закрывает глаза, зажмуриваясь, словно испытывает боль. Он стонет, наклоняя голову вперед, когда я разворачиваю презерватив, надевая его на твердый длинный ствол. Как только я достигаю его основания, то начинаю поглаживать рукой вверх к кончику.

Чейз снова поднимает голову. Он хватается обе мои руки, чтобы остановить меня. Мужчина поднимает их вверх и заводит мне за голову, прижимая к кровати.

— Последний шанс отступить, Эйвери, — предупреждает он меня.

Я не могу отступить. Я бы прямо сейчас сделала все, о чем бы он ни попросил, я схожу с ума от желания.

Я резким движением поднимаю бедра вверх, пока наши глаза не встречаются. Теперь я становлюсь смелее, безрассуднее.

— Сделай это, — говорю я ему. — Ты сказал, мне не нужно просить.

Я чувствую легкий толчок, головка его члена скользит по моей киске. Какое-то дикое выражение возникает на его лице.

Он смотрит на меня, будто хочет сделать мне больно.

У меня перехватывает дыхание. Мои легкие больше не работают. Ожидание будет моей смертью.

Его пальцы сильно сжимают мои запястья. Он наклоняет голову, как будто собирается напасть на меня.

Затем одним резким движением он заполняет меня, пронзая меня своим внушительным членом.

Я абсолютно уверена, что у меня закатились глаза. Не думаю, что когда-либо чувствовала себя настолько заполненной. Чейз заполнил мою киску, каждый дюйм внутри меня. Кажется, вместись он весь, мое тело окажется под угрозой разойтись по швам.

Но просто иметь его внутри себя недостаточно. Хотя ему удастся полностью заполнить меня, расширить мою киску так, чтобы он мог вместиться, мое тело хочет большего. Оно требует продолжения.

Стенки моего влагалища сжимаются вокруг его члена.

— Черт побери, ты такая узкая, — сквозь зубы ворчит он.

«Черт побери», — хочется сказать ему, — «Это ты такой большой».

Он отодвигается, его член почти выскальзывает из меня.

— Нет, — жалобно хнычу я, обретая дар речи. — Не уходи.

Он внезапно подается вперед, снова наполняя меня интенсивным удовольствием.

— Ни за что, — рычит он.

Я теряю чувство реальности. Чейз так жестко трахает меня, в какой-то момент я абсолютно убеждена, что он собирается вдавить меня в матрас. Давление растет до тех пор, пока не начинает казаться, как будто каждая частичка меня увеличивается в размерах.

Мое тело извивается. Кровать кипит. Но Чейз все не останавливается, не сбавляет ритм.

Я единственная, кто колеблется. Единственная, кто не в своем уме от желания и нехватки воздуха.

— Чейз, — повторяю я снова и снова.

Кажется, это его только подстегивает, но, так или иначе, он проникает в меня все глубже и глубже.

Моя голова откидывается то назад, то вперед. Наши бедра сталкиваются. Кости ударяются друг о друга. Он так глубоко во мне, что я чувствую, как его яйца шлепаются по моей заднице, в то время как основание члена задевает мой клитор.

Вот и все. Я больше не могу. Последние нити моего контроля рвутся, и я издаю хриплый крик, и мои бедра безудержно трясутся, когда я взрываюсь от оргазма.

Влажные волны освобождения накатывают на меня. Их так много, и они такие интенсивные, что, кажется, льются через край.

— Черт, Эйвери, — задыхаясь, говорит Чейз.

Он двигает бедрами, все еще находясь глубоко во мне. Я смутно осознаю, что он ускоряется и дрожит от собственного освобождения. Понимаю, что сама судорожно сжимаю его.

Кажется, мой оргазм длится бесконечно.

— Черт, черт, черт, — Чейз продолжает стонать, извергая свою теплую сперму в меня, пока совершенно не выбивается из сил.

Его пальцы расслабляются и отпускают мои запястья, когда его тело опускается на меня сверху. Я немедленно тянусь к нему и обвиваю его руками.

Я издаю последний стон, и мужчина опускается на меня всем своим весом, вдавливая в матрас.

Чейз зарывается лицом в мои волосы, и мы просто лежим, пытаясь отдышаться. Вернуться в реальность.

В конце концов, я погружаюсь в сон, чувствуя, как он прижимается носом к моей шее.

Ладно, не уверен, что произошло сначала: ее оргазм вызвал мой или наоборот?

Я стараюсь не вдавить Эйвери своим весом в матрас, хотя сам ощущаю себя почти невесомым. С огромным желанием остаться внутри нее как можно дольше, я задерживаюсь на пару секунд в ней, пока её киска не прекращает пульсировать, медленно выпуская меня.

Как только я освобождаюсь, я откатываюсь и ложусь на спину. Протягивая руку, я рывком снимаю презерватив. Черт, даже после сегодняшней мастурбации он настолько наполнен, что, кажется, вот-вот лопнет. Завязав презерватив узлом, я выбрасываю его в мусорную корзину рядом с е прикроватным столиком.

Я укрываю нас простыней, когда девушка сворачивается клубочком рядом со мной. Её рука покоится на моей груди. Я смотрю на нее и, боже мой, как же я хочу начать все с самого начала, с поцелуев.

Ее поцелуй почти как идеальный секс. Мой член становится твердым только от мысли о ее губах на моих. Я борюсь с искушением разбудить Эйвери и посмотреть, готова ли она ко второму раунду.

Но громкое урчание моего живота путает все планы. Вероятно, мне следует позаботиться о еде для нас обоих.

Эйвери издает едва слышный хныкающий звук, когда я отодвигаюсь от неё и встаю с постели. Боже мой, от одного взгляда на её сексуальное тело, частично скрытое белой льняной простыней, я снова напряжен.

Любуюсь её гладкой кожей и черными волосами, когда она удобно устраивается на боку. Девушка выглядит такой безумно красивой и совершенно непохожей на тех, к которым меня обычно тянет. Я улыбаюсь, глядя на неё, и затем отворачиваюсь, удостоверившись, что вид её, распростертой вот так на кровати, навсегда остается в моей памяти.

Эйвери абсолютно не похожа на девушек, за которыми я обычно приударяю. Она отличается не только характером, но и внешностью. Черт возьми, даже там, где я обычно цепляю девушек, таких нет. Она явно девушка не моего круга.

Я не уверен, что именно в ней распалает меня. По внешности она самая сексуальная женщина, которую я когда-либо видел или прикасался, но я всё равно не могу понять, почему меня так неудержимо влечет к ней.

Я не хвастаюсь, когда говорю, что встречался со многими моделями, мне известен их образ жизни. Я привык цеплять женщин из более состоятельного окружения. Осматриваю кухню Эйвери, она небольшая, но уютная. Судя по безделушкам, девушка старается сделать её как можно уютней, но в этом направлении ещё работать и работать.

— Черт, — бормочу я, заглядывая в морозильник, а затем и в холодильник.

Я вижу бутылку кетчупа. И всё. У неё есть бутылка кетчупа, несколько пакетиков плавленого сыра и два пакета лапши по-романски^[8].

Не так уж и много, если только я не хочу попробовать кошачьего корма. «Совершенно ясно, что, забывая о себе, она кормит этот маленький комочек шерсти», — думаю я, протягивая руку и позволяя Себастьяну потереться щекой о мою руку. Этот пройдоха дружелюбный.

— Пицца так пицца, — бормочу я, на цыпочках прокрадываясь в её комнату и хватая с пола джинсы.

Не знаю, куда делось мое нижнее белье и рубашка, поэтому натягиваю штаны прямо на голое тело, без белья. Я хватаю свой сотовый и выскиваю ближайшую пиццерию в этом районе города, быстро делаю заказ пиццы с пеперони^[9] и ещё ассорти. Я не знаю, что она любит, так как во всей кухне практически нет еды.

«Что я здесь делаю? Она так далека от привычного моего круга общения».

Я направляюсь в гостиную, чтобы включить телевизор, но это занимает не больше минуты, так как квартирка действительно маленькая. Вместо привычной плазмы, я вижу там только древний телевизор на подставке и ни следа пульта. Нет пульта. Просто здорово. И диванчик выглядит так, будто на него кого-то стошнило.

Единственная вещь, которая более-менее была сделана в этом веке, — это маленькое черное стерео, забытое в углу. По крайней мере, там есть базовая станция для телефона. Эйвери и вправду не такая, как все.

— Не такая, как все, — бормочу я себе под нос.

Сидя на ее диванчике, я не могу сдержать улыбку. В голове возникает перечень всего того, чем она отличается от других, и этот список получается довольно странным. Она не блондинка. Не миниатюрная и не голубоглазая. Я привык мутить именно за грудастыми блондинками с тонкой талией. И обычно я даже не смотрю на задницы, но Эйвери... Боже мой, она заставляет меня быть маниакальным фанатом буферов и задниц, и эти ноги, черт бы их побрал, эти её ноги... Они мускулистые, но в то же время сексуальные и чертовски длинные. Ещё эта ее копна волос, длинных черных красивых локонов. Её зеленые глаза пристально смотрят в мои с интересом, которого обычно я не вижу у других женщин. А ведь знаком я с ней меньше суток. Раньше меня ни к одной женщине не тянуло так, как к Эйвери. Она заставляет меня чувствовать себя диким, я очень хочу, чтобы она была моей... я наотрез отказываюсь делить её с кем-то ещё.

Домофон в её квартире звонит, примерно, через полчаса после того, как я заказал пиццу, и как только я открываю дверь, то слышу шорох в спальне. Закрывая входную дверь, я заглядываю в небольшой коридор и вижу стоящую там Эйвери, завернувшуюся в простыню. Она выглядит так, будто только что у нее был бурный секс.

— Я заказал нам пиццу, — говорю я, направляясь к кухонному столу.

Я наблюдаю, как девушка подходит к шкафчику и достает пару тарелок. Ее тело плотно закутано в белую простыню, и я считаю невероятным, что она заставляет меня думать о простынях, как о чем-то сексуальном.

— Спасибо, — говорит она тихо, нерешительно подходя к столу.

Возможно, это из-за того, что я вторгся в ее личное пространство, или, возможно, она чувствует себя неловко, что я здесь.

— Эйвери, ты в порядке? — проклятие, даже от её имени, произнесенного вслух, у меня все внутри теплеет. Черт побери, что со мной происходит?

Она кивает головой и садится напротив меня, сильнее затягивая простыню так, чтобы её грудь была прикрыта.

— Да, прости, — извиняется она. — Я всё ещё не отошла ото сна. Что ты там для нас заказал?

Я открываю коробки и достаю по куску из каждой.

— Я не знал, что ты любишь, поэтому заказал одну только с пеперони и одну ассорти.

Я улыбаюсь, когда улыбается она.

Эйвери заправляет длинную выбившуюся прядь волос за ухо и говорит:

— Я люблю пиццу, правда. Любую.

— Я тоже.

Мы съедаем только по куску, когда она случайно капает соусом от пиццы себе на грудь и смахивает ее пальцем, чтобы затем слизнуть ее розовым языком... Черт, я же не каменный, мой член незамедлительно становится твердым.

Я опускаюсь перед ней на колени, отодвигая от стола мешающий мне стул. Эйвери в шоке широко распахивает глаза, когда я наклоняюсь к ней и крепко целую в губы.

Моя голова ныряет между ее бедер, и я поднимаю простыню, обнажая ее маленькую киску.

Я же не могу просто сразу погрузиться в нее, когда ее внутренняя часть бедра словно умоляет, чтобы ее коснулись языком, что я и делаю. Я слегка покусываю ее половые губки, при этом глядя на нее. Спешить я не хочу. Я хочу сделать все возможное, чтобы испортить её на всю оставшуюся жизнь, чтобы она забыла о других и принадлежала только мне.

— Боже мой, — стонет Эйвери, когда я провожу языком по внутренней стороне бедра, и раздвигает ноги ещё шире.

Я медленно продвигаюсь вверх, к ее влагилице. Я почти чувствую жар, исходящий от него. Эти влажные губки просят, чтобы их коснулись языком и пососали. Я облизываю одну сторону, затем другую, как раз около ее узкого маленького отверстия. Затем я пробую ее на вкус.

Она в точности такая, как я и думал, — необыкновенно вкусная.

Погрузившись в нее языком, я едва сдерживаюсь, чтобы не кончить самому, до того, как кончит она. Чувствую, как дрожит её тело, когда я закидываю её ноги себе на плечи. Я не собираюсь останавливаться, пока она не попросит, хотя, возможно, я просто проигнорирую её просьбу, потому что хочу увидеть, как она кончает.

Я пожираю её, пока её тело не сотрясается от оргазма, затем она резко отталкивает меня от себя.

Ее волосы влажные от пота, а глаза страстные от желания.

— Пожалуйста, отнеси меня в постель, Чейз, — просит она, часто и тяжело дыша.

Я поднимаю ее на руки и несу в кровать. Устраивая девушку на постели, я осторожно раздвигаю ее ноги и медленно опускаюсь между ними. Мой пульсирующий член устремляется вперед. Я думал, что трудно было тогда, раньше, но теперь мне по-настоящему почти больно. Лишь от одной возможности доводить ее до такого оргазма, мой член истекает предсеменем, которое капает на ее простыни.

Я тянусь к своим брюкам и достаю еще один презерватив. Последний. Я даже не был уверен, что сегодня ночью что-то произойдет, сейчас я просто надеюсь, что принес достаточно. Я быстро натягиваю презерватив.

Войдя в её изнемогающее от желания лоно, я издаю стон вместе с ней, полностью заполняя её. Я медленно вхожу и выхожу, каждое движение подобно моменту блаженства. Я почти кончаю, когда чувствую, что её плоть пульсирует и сжимает меня.

Она кричит, и я всем весом опускаюсь на неё после нескольких долгих толчков. Я хочу чувствовать, как её груди касаются моей груди. Черт возьми, с этим ничто не сравнится. Руками она медленно рисует круги по моей спине, затем Эйвери приподнимает свои сексуальные бедра навстречу моим.

Ускоряя темп, я проникаю глубже, когда её руки опускаются к моей заднице, ногти впиваются в мою плоть, когда девушка притягивает меня к себе всё сильнее. Она обвивает

меня ногами. Я глубоко погружаюсь между ее ног, когда чувствую, как теплая сперма быстро выстреливает внутри неё. Каждый толчок вглубь вызывает следующий выплеск.

— Черт! — восклицаю я, преодолевая преграду из мышц, и продолжаю глубже проникать в её стонущее тело.

Она дотягивается до моего плеча и кусает его, коротко вскрикивая. Кончив, Эйвери откидывается назад на кровати. Я медленно опускаюсь на бок и притягиваю её к себе.

Вновь стягиваю презерватив и завязываю в узел, затем ищу корзину и забрасываю его туда.

— Боже, — выдыхаю я. — Твое тело будто создано для меня.

— Я никогда не чувствовала себя настолько полностью удовлетворенной или совершенно измотанной, — стонет она мне в грудь.

После того, как я укрываю нас простыней, Эйвери крепко прижимается ко мне.

— Не думаю, что смогу пошевелиться в ближайшее время, это было потрясающе, — говорю я и целую ее в макушку.

Затем я засыпаю, держа её в объятиях, и сплю как убитый.

У меня все болит, но это приятная боль.

Бедра болят, и в горле неприятное ощущение. Думаю, вчера я немного перестаралась с Чейзом. Явно слишком увлеклась. Но это того стоило, очень даже стоило. Я чувствую себя абсолютно удовлетворенной.

Я бы даже из постели не стала вылезать, если бы не мой мочевого пузырь.

Я пытаюсь перевернуться, но меня не отпускает тяжелый вес чужого тела. Я изворачиваюсь, но это чье-то тело, наоборот, наваливается только сильнее. Я украдкой бросаю взгляд: Чейз всё ещё здесь.

Парень беспробудно спит в моей постели, обняв меня одной рукой. Должно быть, он крепко спит, его губы расслаблены, так что немного слюны сверкает в уголке его рта. Он тихо храпит.

Я пытаюсь убрать с себя его руку, но та будто сделана из свинца, её не сдвинешь. Чейз стонет, немного сдвинувшись с места, поэтому я легонько толкаю его. Он хватает меня за бедро и притягивает к себе.

— Чейз? — зову я, когда он своим телом подминает под себя мой зад.

Я думаю, этим утром он счастлив меня видеть.

— Ммм? — бормочет парень, уткнувшись мне в шею.

— Мне нужно встать, — с сожалением говорю я.

— Так быстро? — спрашивает он, и я чувствую, как его утренний стояк упирается мне в бедро.

Я, на самом деле, подумываю о том, чтобы не двигаться с места и остаться в кровати с ним, но, в конце концов, решаю, что рисковать не стоит.

— Да, прости, — извиняюсь я. — Я с двух лет не писаюсь в кровать. У меня сейчас счастливая полоса.

Чейз хмыкает, я чувствую на себе его горячее дыхание.

Прямо сейчас что-то теплое плохой знак. Я издаю стон, и он убирает руки от меня. Я выпрыгиваю из постели и мчусь в ванную. И как раз вовремя.

Сделав свое дело, я чищу зубы, затем осматриваю себя в зеркале. Глаза блестят, а я редко выгляжу по-настоящему прилично по утрам.

Кажется, секс с Чейзом оказывает на меня хорошее влияние.

На голове беспорядок, но в отличие от волос, кожа сияет и темные круги, которые обычно появляются под глазами, когда я просыпаюсь по утрам, исчезли. Я не чувствую усталости или потребности в кофе. Даже наоборот, я готова к новому дню во всеоружии.

Мне нужно сделать всего пару вещей. На бегу я провожу щеткой по волосам, пытаюсь расчесать спутанные волосы, где раньше был пучок. Затем я запрыгиваю под душ и быстро моюсь.

Я вхожу из душа, обернувшись в одно полотенце и с другим на голове. Я мельком осматриваю гостиную, но, кажется, Чейза там нет. Я тихо крадусь к своей спальне.

Ленивый бездельник всё ещё в постели.

— Ммм, пахнет вкусно, — говорит он хрипло и переворачивается.

Он по-прежнему обнажен. Белая простыня соскальзывает с его бедра, показав на одно мгновение треугольник волос прямо над его пахом.

Я закусываю губу, и его глаза сверкают. Кажется, даже после проведенной вместе бурной ночи между нами всё ещё невероятное влечение. Я была с ним дважды. Неужели этого недостаточно?

Я чувствую, как взгляд Чейза обжигает мне спину, преследуя меня, пока я собираю свою одежду по комнате. Я мчусь назад в ванную, чувствуя себя чересчур смущенной в присутствии человека, руки которого всю ночь напролет касались моего тела, и одеваюсь там. Я просто не могу заставить себя стоять перед ним средь бела дня обнаженной.

Все это кажется таким уязвимым, таким реальным.

— Эйвери? — зовет Чейз, стуча в дверь ванной. Я так удивлена, что подпрыгиваю на месте.

— Да? — спрашиваю я и открываю дверь.

Он стоит там, и на нем только черные боксеры. Я плююсь на его грудь, и мой взгляд сам собой скользит вниз. Чейз откашливается, и я резко поднимаю глаза.

Он ухмыляется и самодовольно спрашивает:

— Нравится?

Такой самоуверенный. Наверное, мои щеки заливает румянец, потому что мне, честное слово, нравится то, что я вижу, когда смотрю на него, но я закатываю глаза, будто не под впечатлением.

— Тебе что-то нужно? — спрашиваю я.

Его ухмылка переходит в улыбку, как будто он не поддается на этот обман.

— Ты закончила с ванной?

Я киваю, и он отходит в сторону, пропуская меня. Я проскальзываю мимо него и направляюсь на кухню. Себастьян громко мяукает, вышагивая перед шкафом.

Позабывшись о коте, я достаю из холодильника остатки пиццы на завтрак. Я жую кусок холодной пиццы с пеперони. Пока я ем, из ванной внезапно появляется Чейз и затем исчезает в спальне. Я не знаю, как относиться к тому, что он ходит по моей квартире, словно он тут хозяин.

Чейз у меня не первый мужчина, но первый, кто у меня недавно, и совершенно точно первый, кто по-настоящему здесь застрял. Я встречалась с несколькими парнями в старшей школе, но мы обычно занимались быстрым сексом у них в комнате или на заднем сидении машины, в любом месте, где нас не могли застукать. Я думаю, в итоге все они оказались слабаками, запуганными Итаном. Если они не смогли вытерпеть моего лучшего друга, тогда, в любом случае, я не хотела, чтобы они находились рядом.

Но с Чейзом все по-другому. Я никогда так не хотела парня, как хочу его. То, что чувствую к нему, я никогда не чувствовала ни к одному парню. Чейз уже захватил мой разум и поселился в моих мыслях. Каким-то образом внутри меня возникают все эти чувства, с которыми я не могу бороться. И это начинает пугать меня до смерти, потому что я только-только начала узнавать его за эти короткие сорок восемь часов.

Между нами был дикий секс, и я не жалею об этом ни на секунду. Если бы я могла заниматься им все время, я бы только это и делала.

Но что я знаю о Чейзе? Кто он? Какой он? Где он живет? Всё, что я о нем знаю, это то, что, кажется, ему на самом деле нравится избивать людей, зарабатывая себе этим на жизнь. И у него классный зад. И большой член. Определенно, два больших плюса, но мне нужно знать больше. Кто Чейз на самом деле и что ему нужно от меня?

Чейз появляется из спальни, на нем рубашка поло и джинсы, которые были на нем

прошлой ночью.

— Привет, — говорит он, заходя на кухню и хватая кусок пиццы. Он откусывает большой кусок и проглатывает.

— Привет, — отвечаю я. Мы стоим у меня на кухне, едим холодную пиццу и просто смотрим друг на друга.

Когда Чейз расправляется со своим куском, он достает телефон и проверяет его.

— Что собираешься сегодня делать?

— Мне нужно подготовиться к занятиям, после обеда у меня пары, — я отвечаю, прежде чем запихиваю в рот следующий кусок пиццы. Я проглатываю пиццу и вспоминаю: — О, и еще я должна встретиться с Итаном.

Глаза Чейза резко отрываются от телефона, и он одаривает меня мрачным взглядом.

— Что? Почему ты тратишь на этого кретина свое время?

Черт. Ситуация быстро становится неловкой.

— Ммм, — отвечаю я и бросаю то, что осталось от пиццы, скреживая руки на груди. — Потому что я сказала ему, что сделаю это. Разве ты не был здесь, когда я говорила это?

Чейз кивает, и его подбородок решительно вздергивается.

— Тебе следовало бы отшить его. После того, что он сделал, ты не должна разговаривать с ним.

Я вздыхаю. Если честно, если бы я могла дать Итану отворот поворот, я бы сделала это. Но всё не так просто.

— Ему нужно дать шанс извиниться передо мной. И что-то нужно решить с работой. Мне нужно найти другую работу. Я не знаю. Мне нужно поговорить с ним и всё выяснить.

Здесь очень сложно с работой, особенно для людей без опыта, таких, как я, которые ещё и учатся и могут работать только в определенные часы. Я бы лучше держалась этой работы, потому что её удобно совмещать с учебой, и мне не приходится жить на улице и не доедать. Но если мне нужно будет искать другую работу, следует сделать это как можно быстрее. Аренда сама себя не оплатит, и я абсолютно уверена, что Себастьян не будет в восторге, если ему придется делиться со мной своей едой.

По мрачному выражению лица Чейза я могу сказать, что ему не нравится причина, по которой я должна встретиться с Итаном. И я, правда, не могу его винить. Он видел, что Итан сделал со мной, и чуть не попал в тюрьму, заступившись за меня. Но что он может сделать?

Должно быть, он думает о том же, потому что его рот до сих пор открыт, будто он хочет что-то сказать. Возможно, он хочет сказать, что не против того, чтобы я встречалась с Итаном, но если Чейз попробует указывать мне, я выставлю его вон из моей квартиры.

Если Чейз хочет быть со мной, ему придется принять, что Итан и я друзья. Но прямо сейчас чувства слишком новые. Возможно, спустя какое-то время нам удастся поладить.

— Просто встретиться с ним в общественном месте, — наконец неохотно говорит Чейз. — Я ему не доверяю. Хочешь, чтобы я пошел с тобой?

— Нет, — говорю я незамедлительно. Плохая идея. — Тебе точно не следует идти со мной.

Я могу лишь представить, как Итан отреагирует, если я появлюсь с Чейзом в качестве защиты. Я не хочу начинать войну.

— Я и планирую встретиться с ним где-нибудь на публике, там, где много свидетелей.

Чейз продолжает смотреть расстроено, и мне плохо от того, что я причина этому. Я не хотела бы поднимать эту тему сейчас. Не хочу, чтобы то, что произошло между нами,

закончилось на грустной ноте, не важно, насколько это неловко.

Я захожу за стойку и нерешительно вторгаюсь в его личное пространство. Мне не следует быть такой нерешительной, потому что он сразу же протягивает ко мне руку и притягивает к себе.

— У меня была действительно прекрасная ночь, — говорю я тихим голосом и чувствую, что снова заливаюсь румянцем от смущения как глупая школьница.

Чейз вздыхает и наклоняется, прижимаясь ко мне лбом. Это очень приятно, пока его руки не скользят вниз к моему задку.

— У меня тоже.

— Можно я позвоню тебе, когда закончу со всеми делами сегодня вечером?

— Да, — говорит Чейз и сильно сжимает мою попу.

В конечном счете, мы целуемся, практически срывая друг с друга одежду. Каким-то образом, мы находим в себе силы оторваться друг от друга, прежде чем все пойдет слишком далеко.

Это безумие, как легко и быстро ему удастся меня завести. Я провожаю его до двери с улыбкой и обещаю позвонить, как только освобожусь.

Я возвращаюсь в комнату и хватаю книги, полная решимости подготовиться к занятиям. Вся моя квартира пахнет сексом. Сексом и Чейзом. А это, черт возьми, слишком отвлекает. В итоге я решаю поехать на занятия, надеясь позаниматься в библиотеке.

Я пыталась заниматься, честно пыталась, но слова в учебнике постоянно расплывались, не поддаваясь пониманию. И если я не думала о Чейзе и всех тех вещах, которые он делал с моим телом, то я боялась разговора с Итаном. Я просто не могла одержать верх.

Занятие по основам детского развития было не лучше. В этот раз я сидела позади и отключилась до самого конца занятия, пока мой преподаватель не упомянул оплачиваемую стажировку. Я практически вылетела из-за стола и растолкала своих однокурсников с дороги, чтобы заполнить заявление.

Если бы мне удалось получить стажировку, оплачиваемую должность, выполняя административную работу в местном молодежном приюте, это решило бы мою проблему с работой на Итана. Опыт работы и дополнительные деньги тоже были бы кстати.

Я заполняю заявление и отдаю его преподавателю, затем направляюсь к выходу.

Как только я оказываюсь за дверью, я достаю телефон. На ходу пялюсь на экран.

Забавно. Номер Чейза в списке как раз над номером Итана. Мой палец зависает над именем Чейза. Интересно, что он сейчас делает. Чем он занимается, когда не избивает кого-нибудь до полусмерти? Хмм.

Теперь Итан хорошо знает мой график. Иногда после занятий мы встречаемся перед работой и обедаем или просто общаемся. Поэтому совсем не удивительно, что как раз перед тем, как я листаю вниз список и нажимаю на его имя, мой телефон начинает звонить.

— Привет, — говорю я, поднося телефон к уху, пока иду через двойные двери здания и выхожу во двор.

— Закончились занятия? — спрашивает Итан.

— Ты же знаешь, что да.

— Отлично. Я как раз за углом.

Я быстро оглядываюсь и осматриваю обочины, все лавочки и кусты. Разумеется, красный мини кадиллак Итана вырывается из-за угла от парков. Дверь с пассажирской стороны распахивается, и Итан перегибается через сидение, махая мне.

Я отключаю телефон, вздыхаю и засовываю его в карман. Теперь этого не избежать.

— Привет, — говорю я, снимая рюкзак с плеча и садясь в машину.

Я закрываю дверь, затем бросаю рюкзак на пол. Как только застегиваю ремень, делаю глубокий вдох.

Я уже так много раз это делала, это кажется таким обычным, таким комфортным. Как будто обуваешь старые туфли. Возможно, это была ошибка. Возможно, я не должна была испытывать чувство, что должна сесть в машину, потому что такое уже бывало. Мне следовало потребовать у Итана встретиться где-нибудь позже.

Не хочу давать понять Итану, что между нами все по-прежнему.

— Привет, — улыбается мне Итан, как будто все в порядке, будто ничего не изменилось. Он заводит мотор, и мы трогаемся с места. — Как занятия?

Если честно, понятия не имею, как там мои занятия. Я была слишком занята мыслями о другом. Я пожимаю плечами:

— Занятия как занятия.

Итан кивает, будто понимает. Не уверена, был ли он хоть раз в колледже. С тех пор, как Итан закончил школу, он работает региональным менеджером в «Глайерз Электроникс». Он

уже признался мне, что он региональный менеджер только номинально. У него и правда было очень мало работы. Для него это просто место, чтобы заполнить свое время пока он не унаследует весь бизнес от отца.

Между нами повисает напряженное молчание. Я не знаю, что сказать. Я чувствую себя неловко, пытаюсь поднять тему того, что здесь произошло, уединившись с ним в машине. Если я снова разозлю его, что, учитывая, как сильно он изменился, я не стала бы исключать, вокруг никого не будет, чтобы мне помочь.

Поэтому я сжимаю губы и плююсь в окно, решив, что лучше вообще ничего не говорить. Я наслаждаюсь, наблюдая знакомый пейзаж, пронсящийся мимо, пока он везет на обед в наше обычное место.

По крайней мере, он не давит на меня и не везет меня назад к себе домой.

Как только мы останавливаемся у бургерной Брайана, Итан бросает машину в парке, выпрыгивая из нее. Я хватаю свой рюкзак, который в любое другое время я просто оставила бы на полу, и выхожу из машины.

Итан хмурится, когда я закидываю рюкзак на плечо, но все еще ничего не говорю, пока мы идем в ресторан. Мы находим нашу обычную кабинку в конце зала. Появляется официантка, и Итан заказывает как обычно.

Я плюхаюсь на стул и просто позволяю ему это сделать. Все это кажется слишком запутанным.

Но только до тех пор, пока официантка не ставит нашу колу на стол и не исчезает, только тогда Итан, наконец, говорит:

— Послушай, Эйвери, мне, правда, жаль, что все так случилось.

Я только смотрю на него. Неужели он надеется, что я его прощу? Учитывая, какими же нежными стали его светло-голубые глаза, у меня вроде как складывается впечатление, что именно на это он и надеется.

Когда я ничего не говорю, Итан нервно облизывает губы и продолжает: - Мне не следовало толкать тебя на стену.

Я киваю головой в знак согласия.

— Да, не следовало.

— Я чувствую себя дерьмово, — признается он. — Ты этого не заслужила.

— Нет, не заслужила.

Внезапно в голове возникает голос Чейза. Ни один мужчина никогда не позволит себе ударить женщину.

— Не знаю, что на меня нашло. Раньше я никогда не проигрывал, — хмурится Итан. — Я вышел из себя.

Если бы не были друзьями так долго, я бы просто умыла руки в случае с Итаном и списала бы его со счетов как полного придурка. Но я подумала, что учитывая все, что он для меня сделал, я должна ему хотя бы шанс извиниться передо мной. Раньше он никогда меня не бил, раньше он никогда не был таким агрессивным. Я хочу верить ему на слово.

Мы столько времени друзья, столько времени он единственный человек, который заботится обо мне.

— Ты обвинил меня в своей неудаче, — говорю я, помешивая соломинкой колу. — Ты не только меня толкнул, ты насильно меня поцеловал и сказал, что я тебе должна.

Итан морщится, будто я дала ему пощечину или еще что-то вроде того, и спокойно говорит:

— Я был не в себе.

Я вздыхаю, откидываюсь назад и скрещиваю руки на груди.

— Считаешь, я у тебя в долгу? Ты считал так все это время? — я делаю глубокий вдох и не могу даже взглянуть на него, когда спрашиваю. — Хочешь, чтобы я вернула тебе деньги за похороны бабушки?

Денег у меня нет, но я уже прикидываю, как и где их раздобыть. Нам придется разработать план рассрочки или что-нибудь еще.

— Нет, Эйвери, черт, нет, — сыплет проклятиями Итан.

Я почти вздыхаю от облегчения. Кого я обманываю? Я едва свожу концы с концами.

— Ты ничего мне не должна. Если уж на то пошло, это я у тебя в долгу.

Я хмурюсь и качаю головой Итану.

— Ты ничего мне не должен, — я никогда ничего не могла сделать для него в плане денег.

Итан кивает:

— Я должен тебе. Должен, потому что я чертов ублюдок. Мне противно от того, что я сделал. Это похоже на кошмар, который я просто хочу забыть. Я не такой. Я не подонок, который бьет женщин.

Итан делает паузу, чтобы глубоко вздохнуть, и говорит с такой проникновенной грустью:

— Я не хочу быть гребаным монстром.

Я вздыхаю. Все пошло совсем не так, как я ожидала. Не знаю, на что я рассчитывала, но точно не на это.

Мы с Итаном столько пережили вместе, у нас было столько всего хорошего, и просто перечеркнуть все это только из-за того, что он сделал, — чересчур грустно. Я наблюдаю, как он буквально терзает себя, слушаю, как он называет себя монстром, и это цепляет меня.

— Ты не монстр, — говорю я ему. Затем я очень, очень осторожно обдумываю свои следующие слова. — Но ты изменился. Мне кажется, я больше не знаю, кто ты. Я не уверена, что мне нравится тот, кем ты теперь стал.

Итан кивает и проводит рукой по лицу.

— Это все из-за боя. Я сам допустил все это дерьмо в свою голову.

Снова появляется официантка, и мы замолкаем, пока она расставляет наши тарелки. У меня урчит в животе, и хотя у меня не то настроение, чтобы есть, я не могу не потянуться и не отщипнуть ломтик картофеля фри.

С рефлексом как у чертова кота, Итан протягивает руку и хватается меня за руку. Картофель фри падает на тарелку. У меня замирает сердце.

Итан умоляюще смотрит на меня своими светло-голубыми глазами.

— Думаешь, нам удастся все уладить?

Его лицо мрачнеет, когда я тихо и честно отвечаю:

— Я не знаю.

— Позволь мне загладить свою вину, Эйвери, — умоляет он, сжимая мою руку. — Что мне сделать?

Я качаю головой и едва сдерживаю сильное желание вырвать свои пальцы из его хватки.

— Тебе не нужно заглаживать вину перед мной. Но я считаю, что тебе, вероятно, следует начать посещать занятия по управлению гневом, для собственного блага.

Итан кивает.

— Я уже записался на прием к специалисту.

Я немного удивлена, даже поражена. Может быть, он на самом деле хочет исправиться.

Я ему улыбаюсь.

— Начало неплохое.

Он снова сжимает мою руку и отпускает ее. Я беру картошку и отправляю ее в рот.

— Как твоя голова? — спрашивает Итан и берет свой гамбургер.

— Сейчас гораздо лучше, — отвечаю я и запихиваю в рот еще одну картошину. Теперь, когда я попробовала немного, мне хочется съесть всю порцию.

— Ты ходила к врачу? — спрашивает Итан и откусывает кусок от гамбургера.

Я киваю головой.

— Кое-кто на ринге посоветовал мне посетить врача.

Итан жует, проглатывает кусок и затем хмурится.

— Мне было бы гораздо легче, если бы тебя осмотрел мой личный врач.

— Мне уже лучше, честно, — я отмахиваюсь от него и беру еще немного картошки.

Итан выглядит так, будто он хочет поговорить об этом еще. Я смотрю на него сердито, чтобы дать понять, что это плохая идея.

Он вздыхает, затем интересуется:

— Ты хотя бы хорошо провела выходные?

Я качаю головой.

— Нет. Не совсем, нет. На самом деле, если бы ты вернул мои смены в график, было бы замечательно. Мне не нужны выходные. Мне нужны часы.

— Тебе все оплатят, Эйвери, — успокаивает Итан и откусывает еще один кусок от гамбургера.

Вот как, прямо как гора с плеч.

— Потому что ты никогда не берешь выходной, — продолжает Итан, проглатывая кусок. — У тебя накопилось более трех недель на пособие по болезни.

— Ну, я не больна. Я лучше воспользуюсь ими, когда они мне действительно понадобятся. Если честно, я не возражаю против возвращения на работу. Когда я без работы, все расписание идет наперекосяк.

Итан кладет свой гамбургер на стол, затем вытирает салфеткой рот.

— На самом деле, нам нужно поговорить об этом.

— Разве? — озадаченно спрашиваю я.

— Лорен ушла. Она познакомилась с парнем или что-то вроде того, — говорит мне Итан.

Лорен — личный ассистент Итана. Это смешно, так как зачем ему вообще личный ассистент? Вся должность кажется совершенно абсурдной.

— Извини, — отвечаю я, не понимая, куда он клонит.

— Должность твоя, если хочешь. Я буду платить вдвое больше за то, что ты делаешь сейчас, и ты можешь отрабатывать те же часы.

— Вдвое больше? — спрашиваю я, немного ненавидя себя за то, что я поддаюсь соблазну получить легкие деньги. Seriously — это плохая идея. Это даже не настоящая работа, ее не будет, если должность Итана чистой воды туфта.

Итан наклоняется назад, уголки его губ угрожающе растягиваются в ухмылку.

— Если этого недостаточно, я могу утроить оплату. Только для тебя.

Уж очень велик соблазн последовать за Эйвери, когда она пойдет на встречу с этим отъявленным мудаком, чтобы удостовериться, что ничего с ней не случится, как в прошлый раз, когда он вышел из себя.

Хотя я, на самом деле, даже не знаю, к чему быть готовым. Последние два дня я был совершенно сам не свой. Все мысли были заняты только Эйвери. Я всецело поглощен ею. Я еще не сделал ничего из того, что запланировал.

— Вот дерьмо! — громко рычу я, останавливаясь на красный свет светофора.

Я хочу, чтобы свет сменился, чтобы я мог поехать, чтобы я снова смог набрать скорость. Эта девушка поймала меня в свои сети. Я даже не уверен, что хочу там быть.

Загорается зеленый свет, и я практически одержим идеей вдавить ногой в пол педаль газа и съехать вниз по дороге на полной скорости. Сбежать от людей, окружающих меня, и вернуться к спокойствию.

Но это не решает мою проблему с привязанностью к Эйвери и её сексуальной попке. А это потрясающе сексуальный зад, чёрт возьми. Этой попке хорошо в моих руках, когда я сжимаю ее и щупаю, и, да, мне хочется верить, что я ласкал её достаточно, но, да, я щупал, черт возьми, её зад. Эти ноги вокруг моих бедер, когда я входил в нее...

Я давлю на педаль газа сразу же после того, как слышу за спиной гудок пикапа.

— Да, еду я, еду, — бормочу я.

Я не могу сказать точно, что происходит в моей голове. Логика подсказывает, что я абсолютно точно помешался на этой женщине, но я также знаю, что эта женщина не такая, как все.

Черт. Я продолжаю барабанить пальцами по рулю. Пока еду, я осматриваюсь: где я? И даже не могу вспомнить, как я сюда попал. Я как раз напротив спортзала, в котором качаюсь и тренируюсь. Но как, черт возьми, я сюда попал?

Я чувствую себя чертовски ошеломленным и совершенно ослепленным. Всего каких-то два дня, а я хочу эту девушку на всю жизнь. Черт, на всю жизнь для меня обычно означает на полгода. Но в случае с Эйвери это просто очень мало. Но я ведь даже ее второго имени или фамилии не знаю.

Ладно, возможно, думать о ней и одновременно тренироваться не самая умная вещь, которой мне нужно заниматься сейчас, когда в голову прилетает удар рукой в перчатке.

— Вытащи голову из задницы! — кричит мне в лицо Дэйл.

Кивая, я встряхиваю головой и решаю последовать его совету.

Сегодня воскресенье, средненький день, когда речь идет о тренировке. Сегодня я пропустил утреннюю пробежку, вместо этого прижимался своим возбужденным пенисом к красивой попке Эйвери.

Поэтому теперь придется за это заплатить.

Все дело только в контроле над собой. Начиная с ежедневной рутины и заканчивая тем,

что я ем и пью. Может быть, я и не самый здоровый спортсмен, но я стараюсь себя контролировать.

Пицца — моя слабость, ну, и еще пончики. Вот чему сложно противостоять, от чего сложно отказаться. Я вижу кусок пиццы и хочу его. Когда я не знаю, что съесть на обед, пицца — то, что всегда прокатит. Хотя обычно я в хорошей форме, поэтому могу съесть пиццу или пончики только один или два раза в две недели, но, черт возьми, я мог бы есть их каждый день, и мне было бы мало.

Эх. Я так же мог бы есть Эйвери каждый день, и мне все равно было бы недостаточно.

А теперь я пытаюсь увернуться от ударов боксерских перчаток, которыми Дэйл старается снести мне голову, пока я надеюсь, что мой стояк остается незамеченным. Я в трениках с гульфиком^[10]. Это паршиво.

— Что, черт возьми, происходит в твоей голове? — спрашивает Дэйл после того, как решительно стучит по моей голове.

— Даже не знаю, смогу ли объяснить это, — говорю я, поднимая руки вверх, чтобы снова начать упражнение с перчатками.

Я начинаю наносить удары, и на этот раз я способен сосредоточиться на остальных упражнениях. Затем я направляюсь к беговой дорожке, чтобы побегать около тридцати минут со скоростью девять миль в час. Я стараюсь изо всех сил избавиться от мыслей в своей голове.

Мне необходимо перестать думать об Эйвери и об этом придурке Итане.

Дэйл решает снова достать меня с концентрацией. Он завладевает моим вниманием, когда говорит:

— Слышал об Итане?

Тряхнув головой, я изо всех сил стараюсь не вырвать с корнем рукоятки тренажера.

— Этот ублюдок уже требует матч-реванш. Он утверждает, что ты мошенничал, когда у тебя был полный заскок, сказал, что ты бил его по затылку и по лицу. Я просмотрел запись: ты этого не делал, но сегодня утром он наговорил кучу дерьма.

Я ничего не говорю. Просто останавливаю беговую дорожку и иду к тяжелому мешку, прикрепленному к полу, где мы отрабатываем наши удары. Именно здесь я использую свою грубую силу. Я колочу по нему гораздо дольше, чем собирался, но ничего не могу с этим поделать. Этот мудак Итан действует мне на нервы, и я чувствую необходимость выбить его из своих мыслей.

Наконец, я едва могу двигаться, все тело болит и сильно потеет, пока я стою и смотрю на Дэйла.

— Передай Роджеру, что я принимаю вызов и буду драться, как только они выведут нас на ринг, — говорю я, проходя мимо Дэйла.

Он только кивает.

В душе я ощущаю себя не так, как вчера. Тогда мой член бы таким, черт возьми, твердым, что мне пришлось помастурбировать, только чтобы снять напряжение. Сейчас я напряжен немного, и чувствую, что моему телу нужна помощь Эйвери, а не Розы Палмер и ее пяти друзей.

Я жду, когда зазвонит телефон. Два гудка, и раздается сильный мужской голос:

— Чейз! Ты почему еще не здесь?

— Уже в пути, просто хотел убедиться, что ничему не помешаю.

— Физиоизвращенка, то есть физиотерапевт, ушла около двадцати минут назад. Так что после полудня я свободен.

Я сдавленно смеюсь:

— Скоро буду.

В мгновение ока я оказываюсь в доме, где вырос, и иду на голос отца, который раздается из гостиной.

— Привет, пап, — говорю я, наклоняясь и целуя его в макушку.

Даже сейчас, когда он в два раза старше меня, он все еще с меня ростом и в удивительно хорошей форме. Коленный протез был из-за всех невзгод его молодости, из-за футбола в школе и колледже и очень активного образа жизни, который он вел. Я по-настоящему верю, что этот мужчина так просто не сдастся, когда дело касается выносливости.

— Так держать, чемпион! — кричит он, обнимая меня за шею и притягивая к себе, чтобы обнять крепче.

Медвежьи объятия этого человека ни с чем не сравнить. Он — акула в мире бизнеса и клевый отец семейства.

Обнимая его в ответ, я улыбаюсь, затем сажусь на диванчик рядом с ним. Когда он смотрит на меня, в его глазах такой необыкновенный блеск. Он владеет одной из крупнейших брокерских фирм в стране, и он остановит все одним щелчком пальца, только чтобы напомнить, что он хочет сказать мне.

— И где же мои внуки? — говорит он вполне серьезно, и я абсолютно уверен, что он просто устал ждать.

— Я познакомился с девушкой в ночь боя, — сообщаю я без предисловия.

— До боя или после?

— Я увидел её до боя и типа дважды надрал её дружку задницу, прежде чем сказал ей привет.

— Ладно, знаю, я старею, но не мог бы ты повторить еще раз?

— Сначала я заметил ее черные как смоль волосы, — говорю я, объясняя все, то произошло, с самого начала, что было перед боем и до этого момента.

Я рассказываю ему даже о моей неспособности перестать думать о ней, пока я был в спортзале. Я ничего не скрываю, он ведь мой отец. С тех пор, как умерла моя мама, когда мне было шесть лет, остались только он и я. Я не обрисовываю ему подробности моих сексуальных отношений... черт, это ведь интимные отношения... с Эйвери, но я думаю, что он знает это даже без моих признаний.

— Так, когда я с ней познакомлюсь? — спрашивает он.

— Не знаю.

И я на самом деле не знаю. То есть, я едва знаю эту женщину, и уже снова и снова болтаю о ней моему отцу. Такое чувство, будто я снова школьник. Ну, если не считать того, что в школе я был развратником. Я не думаю, что какая-то девчонка могла удержать мое внимание более, чем несколько часов подряд.

— Так, значит, она окрутила тебя так, что ты не можешь мыслить правильно, и это всего-то за два дня? — спрашивает он.

— Да, для меня это сложно.

— Как и для меня. Я чувствовал в точности то же, что и ты, когда встретил твою мать, — он тихо посмеивается, а потом улыбается мне. Хотя я не уверен, над кем он смеется, над мной или над собой.

— Я приведу её на ужин как-нибудь на этой неделе, если ты считаешь, что готов к этому, — говорю я и почему-то откидываюсь на диване. Я не знаю, смог ли бы я объяснить это, но внезапно я чувствую себя гораздо более расслабленным.

— Да, любой вечер будет кстати. Я не вернусь к работе на полный день еще пару недель.

Дззз. Дзынь.

Эйвери: Привет, можешь говорить?

Я: Конечно, только что приехал домой от отца.

Эйвери: Ооо, ты часто его навещаешь?

Я: Да, довольно часто. Примерно два-три раза в неделю. Обычно либо я готовлю ему обед, либо он готовит для меня.

Эйвери: Ого, да, вы, ребята, выходит, по-настоящему близки.

Я: Да. Хочешь, чтобы я тебе позвонил?

Эйвери: Да, если не возражаешь.

Телефон звонит только один раз, потом я слышу её голос.

— Привет, незнакомец, — говорит она, и она не кажется ни счастливой, ни грустной, что-то среднее между этим. Не знаю, в чем разница, но она кажется отрешенной.

— В чем дело, красавица?

— Я — красавица? — спрашивает она очень тихо.

— Да, Эйвери, я тебе клянусь. Если бы ты знала, что я о тебе думаю... ты бы, наверное, сбежала.

— Может, расскажешь мне об этом за стаканчиком чего-нибудь крепкого?

— Я буду у тебя через двадцать минут, — говорю я и отключаю телефон, не давая ей времени передумать.

Схватив ключи от «Импалы», я выскакиваю за дверь.

Я добираюсь туда за пятнадцать минут. Знаю, может показаться, что я нетерпеливый, но я не тот, кто играет в гребаные игры. Если и кажется, что я нетерпеливый, то только потому что я такой и есть.

Прежде, чем я ушел, мой отец сказал мне кое-что, что до сих пор звучит в моей голове. «Самое горячее пламя сжигает самого быстрого, не забудь, что потребуется время, чтобы узнать её».

«Он прав, конечно», — думаю я, когда Эйвери открывает дверь, и я наклоняюсь, чтобы поцеловать эти поразительно мягкие губы, пока она прижимается ко мне.

Я отступаю на шаг и улыбаюсь.

— Ну, привет.

— И тебе привет, — она поворачивается к двери и запирает ее за собой. Я беру её за руку, когда мы спускаемся по лестнице, веду к машине и открываю для неё дверь.

Пока мы в пути, говорим мало, но я не могу не смотреть на наши всё ещё сплетенные руки. Мне нравится эта девушка, и папа прав, я должен узнать её получше.

В хорошо знакомой мне местной таверне мы садимся в отдаленную кабинку и ждем официанта.

— Итак, что вы, ребята, будете пить? — спрашивает нас парень сквозь приглушённый шум голосов беседующих и заказывающих еду посетителей.

К счастью, на заднем фоне не играет музыка. Я хочу слышать, о чем она хочет сказать, а не кричать, как она прекрасна. Я ничего не имею против того, чтобы объявить об этом на весь мир, но, наверное, это будет немного банально, если я буду об этом кричать.

— Я буду крепкий сидр, — говорит она, затем смотрит на меня.

— Слабый ром и диетическую колу, — с улыбкой говорю я официанту. Он закатывает глаза, и, я думаю, Эйвери делает то же самое.

Убедившись, что мы ничего не будем заказывать из еды, он сразу же уходит.

— Почему диетическая кола?

— Я редко пью, особенно кода за рулем, и я снова тренируюсь.

— Ха, я думала, что ты просто неженка, — хихикает она, затем берет мою руку в свою и держит её.

— Ха! — я смеюсь. — Да, вероятно.

Я держу ее руку и улыбаюсь.

— Так как прошел день?

Она внезапно перестает хихикать, вздыхая про себя.

— Занятия прошли отлично. Итан позвонил сразу, как только я вышла с занятий. Он ждал меня у института, чтобы поговорить со мной.

Я рычу, похоже, этот придурок был очень занят.

— Что? — спрашивает она, замечая, что я немного напрягся.

Качая головой, я хмурюсь.

— Сначала ты, потом я.

— Ну, сначала он извинился. Он посещает занятия по управлению гневом. Я на самом деле не знаю, что думать. Я готовилась полностью оттолкнуть его от себя. Я могла бы простить его за то, что он сделал, но я определенно не забуду этого.

Эйвери хмурится и замолкает. Ее щеки темнеют от румянца, и у меня возникает впечатление, что она немного смущена или ей стыдно от того, что приходится признавать это.

— Он вычеркнул меня из рабочего графика на несколько дней. Он сказал, что сделал это, чтобы я могла отдохнуть и поправиться. Я просто не могу брать выходные, то есть, я, правда, не могу...

Официант ставит наши напитки. Не успевает он отвернуться, как она уже делает огромный глоток из бутылки.

— Не можешь себе этого позволить? — тихо спрашиваю я.

Кивая головой, она продолжает.

— Верно, потому что учебой и арендой я связана по рукам и ногам.

Она смотрит на бутылку и пальцами нервно царапает этикетку.

— Пара дней без работы ставит меня в крайне трудную ситуацию. В то время я не знала, что он проведет их как оплачиваемое время, поэтому беспокоилась. Но теперь, похоже, он заплатит мне за все выходные. И еще он предложил мне новую работу. Хочет, чтобы я была его личным ассистентом. Его ассистент только что вышла замуж или вроде того, поэтому ему нужен новый. Он также хочет повысить мне зарплату.

Я так и думал, то он это сделает, этот маленький ублюдок. Если она и вправду в довольно тяжелой ситуации, как кажется, а я в этом нисколько не сомневаюсь, так как помню, что было у нее в кухонных шкафах, то я могу понять, насколько тонка грань между домом и улицей.

— Поэтому я сказала ему, что мне нужно время, чтобы подумать. Я не уверена, откажусь ли я от этого, по крайней мере, сейчас. Я подала заявление в институте на платную стажировку по молодежной программе. Было бы здорово, если бы меня выбрали.

Она поднимает на меня глаза и улыбается. Это не самое прекрасное, что я видел в ней,

но точно в числе прочих замечательных качеств.

— Итак, расскажи мне о своем отце.

Я улыбаюсь, не самая удачная смена темы, но я по этому поводу не высказываюсь.

— Он только недавно получил смещение коленного сустава, но его это не останавливает. Он просто сгорает от желания вернуться к работе. Вероятно, он уже работал бы, если бы мог. Он брокер по недвижимости. А также один из самых лучших моих друзей. С тех пор, как умерла моя мама, тогда мне было шесть лет, он все время рядом, и днем и ночью, несмотря ни на что. И он всегда откладывал все дела, если был нужен мне. Самый лучший отец, которого я только мог себе представить.

— Я сожалею насчет твоей мамы, должно быть для тебя это было очень трудно, — говорит она, и в её глазах плещется грусть.

— Да, было трудно, но отец был рядом. Когда ей поставили диагноз — рак яичников — отец был уверен, что она пройдет через это, и поэтому я тоже так думал. Не прошло и двух месяцев, как ее похоронили, остались только шестилетний мальчик и отец.

— С тех пор он мне и отец, и мать, — я тихо засмеялся, пытаюсь разрядить обстановку. — Он ни разу не оттолкнул меня или не сказал мне, что он очень занят. Думаю, спустя первые пару месяцев, когда горе немного поутихло, я тоже начал стараться поддерживать его.

Я смотрю на нее, и она все еще улыбается грустной улыбкой.

— Как насчет твоих родителей? — спрашиваю я.

— Меня вырастила бабушка. Мне было пять, когда моя мать сказала мне, что устала от того, что ей приходится иметь дело с чертовой ошибкой, и она оставила меня на пороге дома бабушки. Моего отца я никогда не знала, даже сомневаюсь, что мать знала, кто он.

Она качает головой и пожимает плечами.

— Поэтому, когда меня бросили, моя бабушка приняла меня. Вырастила меня как свою собственную дочь. Она умерла полтора года назад, она всё, что у меня было... кроме Итана.

Эйвери замолкает и поднимает бутылку, залпом осушая её. Вдыхая, она ставит бутылку и смотрит куда-то вдаль, пока я протягиваю руку через стол и сжимаю её руку. Сначала она вздрагивает, будто забыла, где находится, затем кажется, будто она стряхивает с головы паутину.

— Все деньги, что были у бабушки, ушли на оплату счетов. Она получала помощь, но этого все равно не хватало. Я даже не могла позволить себе похоронить её. Мне предложили её кремировать, но она хотела, чтобы её похоронили рядом с моим дедушкой. Итан появился неожиданно и оплатил похороны. Даже не дал мне возможности возразить, просто сделал это. У меня такое чувство, будто это было единственным, что он когда-либо делал, как будто был связан обязательством.

Я киваю головой:

— Да, думаю, я могу это понять.

Снова появляется официант и интересуется, не желаем ли мы повторить. Я киваю головой за себя, Эйвери тоже соглашается.

— Когда умерла моя мама, мы не были в бедственном финансовом положении, но психологически мы по-настоящему не были способны даже на пару вербальных предложений. Было тяжело. Я представить не могу горе, которое тебе пришлось пережить, даже сейчас не могу.

— Сейчас ситуация лучше, по крайней мере, в эмоциональном плане. Я знаю, она

успокоилась, — сказав это, она делает резкий вдох и обмахивает лицо рукой до тех пор, пока на глаза не перестают наворачиваться слезы. Снова появляется официант, и, похоже, ей удастся взять себя в руки. У меня возникает впечатление, что она из тех девушек, которые не любят плакать на людях. У меня болит сердце при мысли, что она плачет в одиночестве, где-нибудь наедине с собой. Затем я готов что-нибудь сломать, когда думаю, что Итан когда-то был рядом, чтобы утешить её.

— В финансовом отношении всё до сих пор сложно, но есть надежда на лучшее, — говорит она, будто сказать об этом — значит поверить в это.

Я киваю и беру вторую порцию напитка у официанта. Я хочу побольше узнать об Эйвери, но разговор явно принял грустный оборот. Я больше не хочу говорить о прошлом, я хочу думать о будущем, и все, что собираюсь сделать, это помочь ей чувствовать себя лучше. Я хочу, чтобы она вспоминала этот вечер с улыбкой.

— Потом не хочешь поехать ко мне? Если тебе еще нужно выпить, у меня есть немного, хотя моя выпивка немного крепче, чем ты пьешь сейчас.

Я киваю головой Чейзу. В голове гудит. Я явно начинаю чувствовать онемение в теле, и мне становится теплее.

— Мне бы хотелось, — говорю я ему. Я просто умираю, как хочу увидеть, где живет Чейз. Поговорив с ним сегодня, мне приятно узнать, что под всеми его упругими, сексуальными, выступающими мышцами реальный человек. Реальный человек, о котором я действительно хотела бы узнать побольше.

Я приканчиваю бутылку, готовая уйти отсюда. Слизывая последние капли напитка с губ, я ставлю пустую бутылку на стол. Чейз смотрит на меня немного внимательнее, слишком жадно, доставая свой бумажник. Мои щеки теплеют, когда я улыбаюсь.

— Готова? — спрашивает он и, достав несколько купюр, швыряет их на стол.

Я киваю и встаю, вешая сумку на плечо. Чейз выскальзывает со своего места и тянется к моей руке. Весь вечер мы держались за руки, как будто быть рядом и не прикасаться друг к другу сложно. На самом деле, это странно. Вы бы подумали, что после того, как мы дважды переспали за последние двадцать четыре часа, искра между нами должна была бы потухнуть, по крайней мере, потускнеть.

Даже наоборот, сейчас притяжение кажется сильнее. У нас только что был один момент, даже два. Как хорошо открыться кому-то. Единственный человек, с которым я говорила об этом, был Итан, и это было совсем не одно и то же. Когда я разговаривала с Чейзом, я чувствовала, что он по-настоящему понимает.

Подъездная дорога к дому Чейза темная и тихая. Я держу его руку все время и едва сдерживаю желание протянуть руку и сжать его твердое бедро. Я изо всех сил стараюсь быть хорошей девочкой. Я хочу увидеть его дом, прежде чем начну срывать с него одежду.

Он просто совершенно другой, совсем не такой, каким я его себе представляла. Должна признать свою абсолютную вину в том, что судила книгу по обложке. Я приложила бы все усилия, чтобы избегать таких, как он. Слишком горячий, слишком пугающий, слишком самовлюбленный. Он весь просто воплощение мужественности, сексуальности, и все в нем кричит о том, что он альфа-самец.

И к тому же Чейз сладкий. Может быть, он и кажется одним из тех, кто груб с девушкой и требует контроля, но он милый и внимательный. Все, что он сделал для меня, это защитил, и сейчас он старается сделать так, чтобы я чувствовала себя в безопасности и уютно.

Хотя влюбиться в Чейза опасно, должна себе напомнить, но я уже чувствую, что ничего не могу с собой поделать. Это уже началось. Как гром среди ясного неба или что-то вроде этого.

Он как неожиданный удар под дых.

Чейз съезжает с главной дороги на обдуваемую ветром просёлочную дорогу. Где он живет, спрашиваю я себя, когда дорога огибаёт огромных размеров озеро. При деньгах ли он? До сих пор живет с отцом? Конечно, только богатые могут позволить себе жить в таком милом районе, как этот.

Район кажется отдаленным, будто так и планировалось. Как будто каждое дерево, каждая скала и каждое растение были тщательно посажены в специальном месте, чтобы создать особенный вид, особенное чувство. Это так отличается от того места, где я живу, я привыкла к грязному бетону и граффити, покрывающим стены зданий. Воздух грязный,

вокруг витиеватые ограждения и протоптанные тропинки.

Чем ближе мы подъезжаем, тем больше я нервничаю. Может быть, это ошибка. Моя рука, держащая руку Чейза, становится липкой. Я высвобождаю свою руку из его руки и вытираю о свои джинсы.

— Ты здесь живешь? — спрашиваю я. — Или ты везешь меня в отдаленный коттедж, где никто не услышит моих криков?

— Ты меня раскусила, — Чейз улыбается мне, его белые зубы сверкают в полумраке. — Я прячу тела прямо здесь.

Он снова тянется к моей руке, и я разрешаю ему взять ее. Он прижимает мою руку к своим губам и целует. Ему неизвестно, но этот жест заставляет меня чувствовать себя немного лучше, я нервничаю чуть меньше. Но только до тех пор, пока мы не останавливаемся у его дома.

Спрятанный среди деревьев, как раз у озера, стоит двухэтажный белый дом. Я наклоняюсь к окну, жмурясь, так как свет фар направлен вперед для лучшей видимости. В темноте сложно что-то увидеть, но мне удастся разглядеть две каменные колонны по обе стороны от двери, а за его лужайкой явно хорошо ухаживают. Здесь есть фонтан и несколько небольших садилов.

— Это твой дом? — спрашиваю я недоверчиво.

— Ага, — гордо отвечает Чейз, затем отпускает мою руку, чтобы нажать на кнопку, присоединённую к солнцезащитному щитку.

Мы останавливаемся у гаражей. У него не один, а целых два гаража позади дома. Белая дверь гаража поднимается вверх к потолку, открывая достаточно пространства для двух машин. Чейз заезжает в гараж и заглушает двигатель.

Может быть, это действие вина проходит или резкий яркий свет, но я чувствую зарождающуюся боль в глазах. Чейз выпрыгивает из машины и обходит вокруг, чтобы открыть мне дверь. Я немного ослеплена всем этим и немного растеряна.

Должно быть, он подумал, что моя квартира — настоящая дыра.

— Ты в порядке? — спрашивает Чейз, когда я выбираюсь из машины и осматриваю гараж.

— Эти тоже твои? — спрашиваю я, указывая на джип, а затем на припаркованный мотоцикл.

Чейз улыбается и гордо надувает грудь:

— Ага.

— Ого.

Чейз хватается за руку и тянет меня за собой.

— Пойдем. Я угощу тебя выпивкой и проведу экскурсию.

Первая комната, в которую Чейз меня ведет, это кухня, куда мы идем как раз из небольшого коридора, соединенного с гаражом.

— Это кухня, — говорит он с улыбкой и включает свет.

Очень впечатляюще. Во-первых, я думаю, кухня почти такая же большая, как и вся моя квартира. Все бытовые приборы новые, из нержавеющей стали и, скорее всего, высшего качества. Шкафы из темного дерева и сверкают, будто их только что отполировали. И пахнет здесь тоже приятно, апельсинами.

Чейз подходит к громадному холодильнику и открывает двойные двери из нержавеющей стали.

— Чего бы ты хотела выпить?

— Воды, — я почти хриплю.

Я чувствую себя здесь не в своей тарелке. Не знаю, почему, но то, что у Чейза водятся деньги, и явно много денег, еще одна вещь из списка вещей, которые меня в нем пугают.

— Ты уверена? — спрашивает он. — Для гостей у меня есть содовая и разное спиртное.

Я киваю.

— Да, уверена.

Пока он достает две бутылки воды из холодильника, я медленно поворачиваюсь вокруг себя, чтобы осмотреться.

— Ты любишь готовить? — спрашиваю я. Я замечаю, по крайней мере, один кухонный комбайн, набор ножей и несколько кастрюль, висящих на стене под потолком. — Или это просто для вида?

— Я люблю готовить, — отвечает Чейз, медленно подойдя ко мне. Теперь, когда мы у него дома, он кажется гораздо более расслабленным. Он с улыбкой протягивает мне бутылку воды. — Утром я приготовлю тебе завтрак.

Застигнутая врасплох, я сжимаю бутылку сильнее, чем следовало. Бутылка сминается с громким звуком, и мои щеки вспыхивают от смущения. Я остаюсь? Он уже решил это? И даже собирается приготовить мне утром завтрак?

Я хочу спросить его: «Не слишком ли ты торопишься, приятель?». Но кого я обманываю? В тот момент, когда я согласилась отправиться в его квартиру, я знала, что соглашалась провести, по крайней мере, час или два в его постели. Теперь отступить поздно.

Чейз хмыкает и кивает головой в сторону двери налево.

— Пойдем, я покажу тебе остальную часть дома.

Он выходит из кухни, и что же делаю мои глаза? Они опускаются и провожают его зад. Боже, какая же я бесстыжая. Как только его зад исчезает из виду, я осматриваю кухню и не могу не спросить себя, скольким женщинам он готовил завтрак. Такой же горячий, как и он сам? Возможно, многим... сотням...

— Ты идешь? — спрашивает Чейз из другой комнаты. Я мотаю головой и тороплюсь его догнать.

— Это гостиная, — говорит он и выходит из комнаты. Ладно... я осматриваюсь, и снова я впечатлена. У него есть хороший большой кожаный диван, огромный телевизор и ковер на полу. На стенах несколько милых картин, но у меня нет возможности поближе на них взглянуть. Кажется, он спешит куда-то, наверное, в свою спальню, поэтому я практически перехожу на бег, чтобы не отстать от него.

— Вот ванная для гостей, — говорит он, указывая на зарытую дверь, когда я догоняю его и следую за ним по другому коридору.

Он открывает следующую дверь, включает свет, но не входит туда.

— Это спортзал. Я редко им пользуюсь.

Заглядывая в комнату, я вижу, что она полна тренажеров.

Он выключает свет, закрывает дверь и ведет меня дальше по коридору.

— Это игровая комната. Ты любишь играть? — он открывает дверь и отступает назад, чтобы я могла взглянуть. В этой комнате стоит еще один огромный телевизор, целая стена, как я понимаю, игровых систем, витрина с играми, фильмами, а также компьютеры. Стена сплошь покрыта киноафишами. Рай для чокнутых.

— Я обожаю играть, — я улыбаюсь ему, отступая, и он закрывает дверь. — Хотя это

было давно, примерно, пару лет назад, — до того, как бабушки не стало.

— О, правда? — спрашивает он с интересом. — Может быть, завтра поиграем в новую игру «Безумные охотники на зомби»?

— После того, как ты приготовишь мне завтрак? — дразню его я. Есть что-то такое в этом парне, который просит меня поиграть с ним в видео игры, от чего мне становится легко.

Глаза Чейза дико сверкают, и он медленно раздевает меня глазами, бормоча при этом:

— Мммммм.

Хотя мое сердце трепещет от возбуждения, вызванное тем, как он смотрит на меня, каким-то образом мне удается растянуть губы в глупой улыбке и сказать ему:

— Посмотрим.

Чейз поднимает обе брови, будто спрашивая меня, не вызов ли это. У меня такое чувство, будто он из тех, кто любит, когда ему бросают вызов.

— Пойдем, — говорит он и хватает меня за руку. — Давай я покажу тебе остальные комнаты.

Внезапно, мне просто не терпится попасть в его спальню.

Чейз ведет меня вверх по лестнице. Лестница сделана из дерева с красной ковровой дорожкой посередине, заглушающей наши шаги.

— Это спальня для гостей, — показывает он бутылкой воды на первую дверь в верхнем лестничном пролете. — А это ванная для гостей, — его бутылка двигается, показывая на следующую дверь.

Я стараюсь не отставать от него. Его шаг такой чертовски длинный, на каждый его шаг я делаю два своих.

В конце лестничной площадки он отпускает мою руку, чтобы открыть дверь.

— А вот и моя спальня.

Её руке так удобно в моей. Я не знаю, что заставляет ее чувствовать себя так комфортно, ей просто комфортно. Это просто так же хорошо, как когда наши тела переплетаются в постели. Раньше я ни с кем такого не чувствовал. Меня это, черт возьми, убивает.

Я тяну её в спальню, включаю свет и улыбаюсь, когда она осматривается. Я подталкиваю её к кровати, и озорная улыбка играет на её лице, прежде чем она отходит от меня. Она подходит к кровати, игриво покачивая бедрами, затем садится на край матраса огромного размера. Перекатившись на бок, она вытягивает свои длинные ноги, как это делают сексуальные красотки на фотографиях. Когда я вижу её на моей кровати в такой позе, член судорожно сжимается в джинсах. Черт побери, она такая сексуальная.

— Значит, если я займу эту кровать, ты будешь спать на диване или на кровати в одной из комнат для гостей? — дразнит она.

Улыбаясь, я качаю головой.

— Неа. Сегодня я буду спать рядом с тобой.

После того, как пересплю с ней, конечно.

— О, правда? — невинно спрашивает она, как будто ей никогда это даже в голову не приходило.

Качая головой, я медленно стягиваю через голову свою черную футболку. Я даже демонстрирую ей свои мышцы на груди и посылаю плотоядный взгляд. Взрыв смеха говорит мне о том, что отчасти мне удалось заставить её чувствовать себя комфортнее. Она казалась такой настороженной и нерешительной, когда я показывал ей дом, я беспокоился, что он её пугает. Не хочу, чтобы она меня боялась. С ней я просто большой сексуально озабоченный плюшевый медведь.

Она выжидательно смотрит на меня и делает жест руками, чтобы я поторопился, когда я тяну с раздеванием. Я пристально смотрю в её глаза, как только она, наконец, достаточно налюбовалась моей верхней частью. Не буду лгать, мне нравится, как мое тело действует на нее. Я в хорошей форме, потому что я чертовски усердно работаю над собой.

Я бросаю футболку ей в голову и ухмыляюсь, когда она приземляется там, закрывая ей глаза. Она хохочет и, срывая футболку с лица, бросает её на пол.

Щелкая пальцами, она говорит:

— Посмотрим на сам товар!

Я медленно расстегиваю ремень, поддерживающий мои джинсы, и бросаю его у ног. Следующими летят джинсы. Я стягиваю их с моих ног, обнажая обтягивающие черные боксеры. Отбросив их, я выпрямляюсь перед ней во весь рост. Она вознаграждает меня громким свистом.

— Да ладно! Я хочу увидеть всю мужскую сущность! — подбадривает она.

— Правда? — я опускаю боксеры до основания моего затвердевшего члена. Я даже наполовину не возбужден. До сих пор. Черт.

Она быстро кивает головой и садится. Скрестив ноги, она наклоняется вперед и продолжает глазеть на то, что у меня посередине. Мой член подергивается только от мощи её пристального взгляда.

Улыбаясь, я стягиваю боксеры и вышагиваю из них. Как только я снова выпрямляюсь, я

слышу ее тихий судорожный вздох.

Я подхожу к ней, мой член покачивается, и когда я всего на расстоянии фута, у нее на лице появляется глупая улыбка. Её глаза светятся весельем, и она с ухмылкой говорит:

— Он почти не такой уж и большой, как я думала.

Рыча, я прыгаю к ней. Оказавшись на ней, я улыбаюсь и наклоняюсь, чтобы поцеловать её в губы. Я знаю, она просто дразнила меня, пытаюсь завести, но посмотрим, будет ли она все так же думать, что у меня маленький размер, после того как я вторгнусь в ее лоно.

Боже, что этот мужчина делает со мной. Находясь в его комнате, в его постели, извиваясь под его ласкающими руками, я чувствую, что полностью одержима Чейзом. Полностью принадлежу ему, когда он прижимается к моим губам в поцелуе и кончиками пальцев скользит под моими трусиками.

Он использует мою же влажность, чтобы войти в меня.

— Чейз, — выдыхаю я ему в рот и двигаю бедрами.

Внутри меня нарастает теплое давление. Я осознаю, что я до сих пор одета, а он на мне сверху, совершенно голый. Его член уже твердый, и я могу до него дотронуться. Но каждый раз, когда я пытаюсь схватить его, его тело двигается, блокируя мою руку.

— Ты уже достаточно влажная для меня, — бормочет он мне в губы, будто он признателен за это, будто он изумлен этим.

Я издаю стон, спина выгибается дугой, когда его пальцы погружаются внутрь. Они исследуют все внутри, такие толстые, такие манящие. Затем, без предупреждения, он резким движением погружает пальцы глубоко внутрь меня.

— Черт, ты такая узкая, малышка, — мурлычет он мне в губы, затем целует меня, терзая языком мой рот.

Я не знаю, как ему удастся делать и то, и другое одновременно. То, как двигается его язык, как двигаются его пальцы, я так потрясена. Я пытаюсь сосредоточиться и на том и на другом, но для меня это слишком. Он двигает пальцами взад и вперед, как будто пытается что-то найти, пытаюсь запомнить меня, пока его язык сталкивается с моим. Он глотает мои стоны, словно изголодавшийся.

Его пальцы извиваются, он трется ими о чувствительное место. Я протягиваю руку и хватаю его за голову, крича ему в волосы. Я кричу ему в рот.

Он не останавливается.

Даже наоборот, кажется, мои действия его подстегивают. Он абсолютно поглощен тем, что делает. Его пальцы погружаются все глубже и глубже. Теплое напряжение продолжает расти и расти. Мои бедра сжимаются вокруг его руки. Я чувствую, что сейчас взорвусь.

— Остановись, Чейз, я сейчас кончу! — задыхаясь, говорю я, и он хмыкает.

— Давай, Эйвери, — подгоняет он меня. — Кончи мне на пальцы, моя черноволосая красавица.

Я мотаю головой взад и вперед. Борюсь с давлением, борюсь с освобождением.

— Нет, — я издаю стон отчаяния. Я не хочу кончать вот так, и так быстро. Я хочу кончить на его член.

— Не борись с этим, — рычит он хриплым голосом. Он покусывает мою губу, затем целует меня в шею. — Не борись со мной. Тебе не победить.

Я знаю, что он прав, мне до него далеко, но я все равно пытаюсь противостоять этому. Противостоять давлению. Влажному жару, нарастающему внутри меня. Что-то в его предложении кончить ему на пальцы просто кажется слишком необдуманным, слишком недоработанным.

— Давай, — повторяет он и проводит языком по моей шее.

Затем его рот опускается все ниже и ниже, пока он не начинает зубами покусывать чашечку моего бюстгалтера. Его пальцы беспрестанно двигаются внутри меня, не колеблясь

ни на мгновение. На его стороне сила, терпение и скорость, чтобы продержаться дольше меня. Я это знаю, даже смутно осознаю это. Но что-то внутри меня все еще настаивает, чтобы я держалась.

— Нет, — жалобно хныкаю я, но бесполезно. Я упрямая, но мое тело просто едва выдерживает.

Чейз рычит:

— Да.

Я чувствую резкую боль в груди, прямо в кончике соска. Как только волна оргазма накрывает меня, я понимаю, что он кусает меня сквозь бюстгальтер.

— Черт, — кричу я снова и снова, когда меня накрывает. — Черт, черт, черт. — Я чувствую, как стенки сжимаются вокруг него, заливая его пальцы, как будто они вытягивают соки из моего тела. Оргазм накатывает на меня так сильно, что я, хныкающее растрепанное создание, дрожу, когда, наконец, начинаю возвращаться к реальности.

— Хорошая девочка, — рычит Чейз, целуя меня, глотая мои стоны.

— Вот черт, — задыхаясь, говорю я, пока он медленно, мучительно вытаскивает пальцы. Я чересчур чувствительна, и мои бедра становятся влажными.

Он улыбается очень самодовольной улыбкой, затем облизывает свои пальцы, пробуя меня на вкус. Мои щеки горят, пока я смотрю на него. Кажется, я ему на самом деле нравлюсь на вкус. Он издает короткие урчащие гортанные звуки. И это еще не самое плохое, когда он только что слизывал меня с пальцев, затем он протягивает руку вниз и этими же самыми пальцами обхватывает основание своего достоинства.

Я не могу отвести взгляд. Я не могу не наблюдать с новой волной жара, охватывающей мое тело, пока он гладит своими сверкающими пальцами вверх и вниз толстый конец.

— Сними рубашку, — приказывает он.

Я продолжаю смотреть, замороженная его резкими движениями, в то время как мои пальцы выполняют его приказ. Найдя край рубашки, я рывком снимаю ее и бросаю на пол.

Его глаза темнеют, практически прожигая мою грудь насквозь, когда он приказывает мне:

— Отодвинь лифчик.

Черт, меня охватывает новая волна предвкушения. Я только что кончила, но, черт побери, хочу, чтобы он заполнил меня этим своим красавцем.

Одной рукой я тянусь назад, пальцами без усилий расстегиваю бюстгальтер. Поскольку застежка расстегнута, бретельки сразу же скользят вниз по плечам.

Чейз рычит, и я вижу, как по его шее ползет что-то красное. Я сбрасываю бюстгальтер и швыряю его на пол.

— Ты чертовски красивая, — рычит Чейз, глядя на меня, упиваясь видом моей груди. Он выглядит таким напряженным, как будто едва сдерживает себя. Его пальцы яростно танцуют вверх и вниз по члену. Кажется, будто его улыбка полна боли.

— Теперь трусики.

Я опускаю трусики, выпячивая свой зад. Чейз рычит почти злобно, и немного спермы капает из его члена мне на бедро.

Я протягиваю руку, и наши взгляды встречаются. Я собираю пальцем немного спермы и погружаю пальцы в рот.

— Мммм, — слизываю его с пальца. Он на вкус соленый и теплый.

Одну минуту Чейз смотрит изумленно, как будто не может поверить своим глазам,

затем он выглядит так, будто вот-вот взорвется.

— О, черт, теперь ты у меня получишь, — предупреждает он меня и, протянув ко мне руку, хватает меня за белье.

Он срывает шелковую ткань с моих ног, оставляя влажный след на них, потому что они, черт возьми, совершенно промокли.

— Обвей меня своими ногами, — дыша мне в ухо, произносит он, накрывая меня своим телом.

Я хватаюсь за его мускулистые плечи, чтобы удержаться, затем плотно обвиваю ногами его талию, сцепив лодыжки вместе.

— Хорошая девочка, — стонет он, и я чувствую, как его набухший член без предупреждения скользит по складкам моего лона.

— Я собираюсь взять тебя, Эйвери, — говорит он мне, а затем, как будто хочет причинить мне боль, он резким движением касается головкой члена моего очень чувствительного клитора. У меня дрожат ноги, дыхание застревает в горле.

— Я собираюсь взять тебя, моя черноволосая красавица, — продолжает он, двигаясь у входа.

Мои ногти впиваются в его кожу. О, черт, если он продолжит в том же духе, я снова кончу.

— Потому что ты моя, — говорит он с такой силой, с такой властью, как будто сказанное может стать реальным.

Я хныкаю и двигаю бедрами. Давление растет и растет.

— Скажи мне, что ты моя, — приказывает он мне.

Но как я могу сказать это? Мне не хватает воздуха, чтобы говорить, или разума, чтобы вообще произнести хоть слово.

Когда я не делаю, что он просит, он рычит и шлепает по моему влагиалищу членом.

— Пожалуйста, — умоляю я, выгибаясь в постели, пытаюсь оттолкнуть его плечи.

Он трясет головой. Его глаза, они такие темные, просверливают во мне дыру. Он смотрит на меня так же, как тогда на ринге, стоя напротив Итана... Так напряженно, как будто знает, что он победит, и не собирается отступить.

— Скажи мне, — повторяет он и скользит членом по складкам моей кожи.

— Я твоя, — задыхаясь, говорю я, и в качестве награды он улыбается и начинает погружаться в меня, раздвигая складки кожи.

— Скажи еще раз.

— Я твоя, — произношу я со стоном, когда он медленно погружается в меня. Он такой большой, и хотя я влажная, готовая, опухшая, кажется, будто я должна подстроиться под его толщину.

— Черт, да, не останавливайся, — подбадривает он меня.

Он погружается в меня все глубже и глубже, раздвигая мне ноги.

— Я твоя, я твоя, Чейз, — повторяю я. И начинаю верить в это. Запрокидывая голову назад. Я так переполнена, что чувствую, будто сейчас разорвусь пополам.

— Ты моя, — заявляет он, наклоняя голову и касаясь зубами моего горла.

Он заполняет меня полностью, погружая свой член глубже и глубже, пока головка не упирается в мягкий вход в матку.

— Ты моя, Эйвери, — напоминает он мне в последний раз и нежно проводит своими губами по моим, затем в ярости отрывается от моего рта. — И я никогда, — говорит он и

вынимает свой член до тех пор, пока внутри не остается только пульсирующая головка члена.

Я кричу, чувствуя себя такой нуждающейся, такой опустошенной. Пульсирующее чувство необходимости в нем настолько сильное, что причиняет боль.

Внезапно он всем телом подается вперед, входя в меня резко и глубоко с каждым словом. — Не отпущу. Тебя.

Вот так. Что-то глубоко внутри меня щелкает при его заявлении, и у него внутри тоже что-то щелкает, и он начинает трахать меня как безумное животное.

Мои бедра плотно обнимают его, и это все, что я могу сделать, чтобы удержаться. Он входит в меня так глубоко, так сильно, что я совершенно теряю контроль. Я кричу, визжу, и даже умоляю, когда напряжение внутри меня взрывается. Нет никакого предупреждения, никакого нарастания. Это цепная реакция кульминации.

Оргазм за оргазмом накатывает на меня. Маленькими волнами, громадными волнами, а последняя волна похожа на чертов тайфун. Так много тепла, так много удовольствия, так много влаги. Чейз ввергает меня в беспамятство. Он входит в меня так резко и быстро, что лишает меня контроля.

Клянусь, мой разум трещит по швам, реальность перестает существовать. Должно быть, я лишилась даже сознания. Я просто не могу снова обрести сознание, пока не начинаю чувствовать его напряжение. Пока не чувствую, как он увеличивается и резко двигается.

— Вот, черт, ты меня забрызгала, — шипит он.

И я понимаю, что да, я и вправду выталкиваю его сперму. Стенки моего лона плотно сжимаются вокруг его члена. Каким-то образом, втягивая его еще глубже. Он делает последнее движение.

Я удерживаю его там. Мы лежим неподвижно. Оба тяжело дышим. Оба пытаемся восстановить контроль.

У меня дрожат ноги, мне трудно держать их сцепленными вокруг него. Он стонет, когда мое влагалище сокращается от внезапного движения. Я резко выдыхаю, когда он решает выйти из меня.

Я наблюдаю, как он снимает наполненный презерватив, завязывает его в узел и выбрасывает в мусорную корзину у двери. Затем он смотрит на меня. У меня такое чувство, будто он внезапно застиг меня врасплох. Я не могу дышать. Его взгляд тотчас смягчается. Он накрывает меня своим телом и издает стон.

— Ты в порядке? — спрашивает он, зарываясь лицом в мои волосы. Я слышу, как он делает глубокий вдох и затем прижимается к моей шее.

— Да, — выдыхаю я. В горле снова саднит. Я не удивлюсь, если завтра у меня пропадет голос.

— Ты уверена? — спрашивает Чейз, его голос гремит надо мной. Он убирает волосы с моего лица, глаза полны заботы.

Я улыбаюсь и протягиваю руку. Наконец-то я могу сделать то, что давно хочу сделать. Я притягиваю его и целую его еще раз.

— Уверена, — бормочу я ему в губы.

Он нежно и так сладко целует меня в ответ. Он как будто не тот человек, каким был всего пару минут назад.

— Ты сожалеешь об этом? — спрашивает он, заключая меня в свои объятия, перекатываясь, пока он не оказывается на спине, а я у него на груди. Он натягивает одеяло,

укрывая нас.

— Нет, конечно, нет, — уверяю я его.

Я не сожалею об этом. Это было потрясающе. Я никогда не забуду эту ночь. Она уже становится одним из тех воспоминаний, которые, я просто знаю, я сохраню навсегда.

— Ты сожалеешь о том, что сказала? — спрашивает он, и его грудь перестает вздыматься под моей щекой. Он задерживает дыхание, ожидая моего ответа.

— Нет, — говорю я ему и уютно устраиваюсь в его теплых объятиях.

И, может быть, я пожалею об этом. Может быть, я не совсем расслабилась после секса и уютно свернулась около парня, который заступился за меня и защитил меня, который дал мне почувствовать себя в безопасности, который дал мне почувствовать, будто ему действительно не все равно, у меня был бы другой ответ.

Но прямо сейчас я настолько удовлетворена, так дрожу, пребываю в таком смутном сознании, в объятиях парня, который держит меня так крепко, что я говорю ему:

— Если хочешь меня, я твоя.

Шесть утра явно наступит слишком рано, если ты просыпаешься посреди ночи из-за еще одной любовной игры в постели с той, кто так быстро становится ненасытной женщиной.

Звонит будильник в моем телефоне и затем пару раз вибрирует, прежде чем у меня появляется возможность выключить его. Эйвери бормочет что-то насчет жестоких людей, когда я снова укрываю ее одеялом, и она опять быстро засыпает.

Сегодня утром я чувствую себя вдвойне лучше, по сравнению с тем, как я чувствовал себя наутро после боя. Вся боль ушла из моих рук. Мои ноги тоже кажутся сильными. Вчера я работал гораздо усерднее, чем обычно, но, слава Богу, не перестарался.

Войдя в кабинет и закрыв дверь, я включаю свет, затем натягиваю чистое нижнее белье и черные спортивные шорты. Футболка с надписью «Паркуэй Драйв» завершает мой образ бегуна, и я хватаю пару носков, прежде чем выключаю свет и открываю дверь.

В комнате почти тьма кромешная. После такой близости с Эйвери прошлой ночью мне очень хочется включить свет, пока она спит, и рассмотреть, как выглядит эта полностью обнаженная потрясающая женщина, но, скорее всего, я нарвусь на неприятности. Убирая волосы с ее лица, я целую ее в лоб, не переставая пялиться на женщину, которая совершенно меня очаровывает.

Она совершенно, черт побери, красивая.

Спускаясь по лестнице, я вставляю наушники и включаю что-то из Эмити Аффликшн. Сегодня из семидневного тренировочного цикла у меня весь день тренировка, или, как я стал его называть, Кошмарный день. Таких у меня три дня на неделе, затем три дня средней нагрузки и один легкий день. Я начинаю в шесть утра и заканчиваю около шести вечера, поэтому день обещает быть долгим, но когда я настроен на тренировку, я только ею и занимаюсь.

Это и есть моя работа. Я знаю нескольких боксеров, которые не соблюдают дисциплину, к которой я так рьяно стремлюсь и благодаря которой я тренируюсь, чтобы держать себя в наилучшей форме. Я придерживаюсь этого уже долгое время. Между боями я могу позволить себе тренироваться четыре-пять дней средней нагрузки. Но если я готовлюсь к бою, как, например, с Итаном, я хочу, чтобы после боя мир знал, что в последний раз это было не просто счастливая случайность.

Я чемпион, а у него никогда и не было ни единого гребанного шанса.

Что-то в том, что я так чертовски близок с Эйвери, что я знаю, что она просто никуда от меня не денется, позволяет мне немного подумать на бегу. Я не беспокоюсь насчет нее. Я знаю, где она, и знаю, что она цела и невредима.

Я уверенно уклоняюсь от зацементированной тропинки вокруг озера, эта тропинка в три мили длиной^[11]. Вместо этого я бегу по тропинке через лес. Я хочу растормошить сегодня свое тело, его нужно вернуть в максимально тренировочный настрой.

Проскользнув с черного входа после пробежки, я осматриваюсь: похоже, что Эйвери

еще не вылезала из постели. Тогда очень здорово, можно снова полюбоваться на нее обнаженную перед завтраком.

Я тихо поднимаюсь по лестнице в спальню, которую надеюсь скоро назвать нашей. Я заглядываю и вижу, что она обняла подушку и укрылась до шеи. Я подхожу к ней и вижу, как сонно открываются ее глаза.

— Ммм, где ты был? — спрашивает она, сонно наклоняя голову на бок и поднимая руку, чтобы закрыться от утреннего света, льющегося в окно.

— Я выходил на пробежку, — говорю я и наклоняюсь, целуя ее в губы. Я прикасаюсь рукой к ее щеке, и она в ответ целует меня, после чего через несколько секунд отстраняется.

Она вытирает с меня пот. Черт. Кажется, она сегодня не в духе.

— Фу, — она строит гримасу, сморщив носик. — Тебе нужен душ, а мне еще несколько минут сна.

Кивая головой, я снимаю с себя мокрую от пота одежду и направляюсь в душевую кабинку. Я на все сто уверен, что Эйвери уснула еще до того, как я закрыл дверь.

Яичница с беконом поспеваает как раз вовремя, когда я слышу, как Эйвери поднимается по лестнице. Улыбаясь, она входит в кухню едва заметной танцующей походкой. Должно быть, она хорошо выспалась.

Я показываю ей пустую чашку для кофе, и она кивает, занимая место на одном из барных стульев в центре. Она усаживается на край стула, спокойно потягивая кофе и наблюдая, как я готовлю. После того, как я заканчиваю с ее яичницей, приготовив ее так, как она любит, я выкладываю еду для нее и начинаю готовить завтрак для себя.

В дни усиленных тренировок мне нужен завтрак посытнее, чем в дни с нагрузками чуть поменьше и легкими днями. Я знаю, как работает мое тело, и я думаю, Эйвери немного шокирована, потому что ее глаза широко распахиваются при виде того, сколько еды я себе готовлю. Все калории исчезнут сегодня на тренировке, потому мне придется потратить все свои силы.

— Гм, — улыбается Эйвери, наблюдая, как я ем. У меня омлет из четырех яиц, гора картофельных оладий, большое количество бекона и еще огромная порция домашнего коктейля из смеси бананов, шпината, клубники и протеинового шейка.

Улыбаясь ей в ответ, я жадно начинаю есть. Ну, может быть, загребать будет более подходящим словом, но я очень стараюсь не открывать рот, по крайней мере, пока я жую.

— Пропустил вчера ужин? — хихикает она, когда я начинаю стонать от счастья. Я чертовски люблю бекон. Я уничтожаю всю порцию.

— Тренировки, моя сексуальная маленькая черновласка, — говорю я ей. Я не хочу, чтобы она думала, что я ем так каждый день.

И я снова в привычном русле тренировок. Сегодня утром я получил от Дэйла сообщение с графиком тренировок на три месяца, начиная с сегодняшнего дня. Теперь у меня есть точная дата, и я собираюсь закопать этого кретина. Я законно собираюсь получить разрешение наказать того ублюдка так сильно, как захочу. У меня есть целых пять раундов по пять минут каждый. Я в течение долгого времени могу выдерживать и делать свое дело, посмотрим, сможет ли также эта кретинская рожа.

— Уже? Я думала, ты решил взять перерыв, — говорит она и хватает один из последних кусков бекона с моей тарелки. Я шутливо рычу на нее.

— Осторожно, юная мисс, — говорю я прежде, чем сделать огромный глоток моего фруктового коктейля. Я пытаюсь предложить ей немного. — Клянусь, на самом деле он

пахнет не так плохо, и он и вправду вкусный.

Но она качает головой и отказывается.

— Отвечая на твой вопрос, обычно я беру перерыв. Но после того, как Итан выкинул вчера небольшой трюк со СМИ, я согласился опять выйти через три месяца. Этот перерыв короче, чем обычно, но, вероятно, они поймут, что мы уже...

Эйвери прерывает:

— Опять? Что значит опять? И что за трюк?

Я в шоке от того, что она ничего не знает о том, что происходит. Но в то же время, она может быть одновременно и подругой Итана, и моей девушкой, но это не означает, что она следит за новостями бокса.

— Да, — прямо отвечаю я на ее вопрос. — Он ничего не сделал, кроме того, что выложил кучу дерьма репортеру, который согласился выслушать его, заявляя, что я надул его. И он требует боя за титул чемпиона со мной. Я тоже собираюсь дать ему бой, таким образом, он не сможет снова вернуться. Две неудачи подряд должны убрать его гребанную показуху со сцены, по крайней мере, на год.

— Подожди, какой трюк? — спрашивает она.

Я достаю из кармана телефон и нахожу вчерашнюю пресс-конференцию, прежде чем показать ее ей.

— Если хочешь, войди в сообщения и увидишь все, что Дэйл мне отправил. Твой друг все ему выложил.

Эйвери долгое время сидит там, пока я доедаю свой завтрак. Я вижу, что она просматривает написанные статьи и видео из прессы.

Я собираю посуду, когда она кладет телефон на стол.

— В этот раз ты собираешься его убить? — спрашивает она, и в ее голосе нет абсолютно никакой радости, когда она поднимает на меня взгляд.

— Нет. Но с тех пор, как он пытается найти мое слабое место и открыто рассказывает всем и каждому, что он может вывести меня из игры в любой момент, когда захочет... Я дам ему целых пять раундов для этого. Пять моих раундов, чтобы наказать его.

Не знаю, какого ответа она ожидала, и, наверное, это был не самый лучший, что я мог сказать, но я не буду ей лгать.

Она качает головой и смотрит на свои руки, пытаюсь скрыть противоречивые чувства.

— Черт возьми, он такой тупой.

— Ага.

Эйвери сидит тихо, пока мы едем к ней домой. После завтрака она решила, что хочет поехать со мной, чтобы посмотреть, что я делаю в Кошмарные дни. Наверное, она подумала, что я пошутил, когда назвал так свою тренировку.

Она выходит из квартиры, одетая в пару черных штанов для йоги и в той же моей футболке, которую стянула из моего шкафа, пока мы собирались. С рюкзаком на плече, улыбаясь, она садится в машину. Я отключаю телефон после разговора с Дэйлом и улыбаюсь ей.

— В чем дело? — спрашивает она, когда я выезжаю с ее подъездной дорожки.

— Я разговаривал с Дэйлом. Он хочет знать, какие пресс-релизы выпустит наша сторона о предстоящем бое. Я сказал ему, чтобы он сделал то же самое, что и в прошлый раз.

— Вот это да! Ты серьезно? — она поворачивается ко мне с широко открытыми глазами. — Итан был так разъярён, а ты только рассказал, как готовился к бою. Он сказал, что ты нес чушь собачью.

— Да, обычно именно так я и делаю, когда другие начинают нести полный бред. Мне не нравится говорить ерунду, так что чем больше я это делаю, тем больше стараюсь прикинуться скромным парнем, который тренирует свой зад, не жалея сил. Как правило, это очень сильно выводит их из себя.

Мы входим в спортзал, и я снова представляю Эйвери Дэйлу и еще парочке человек.

Я отвожу ее в сторону и даю ей свои ключи и бумажник.

— Ланч за мной. Когда проголодаешься, и если захочешь взять что-нибудь, просто возьми мне то же самое, но в двойном размере.

Я немного потрясена, когда Чейз дает мне ключи от своего джипа и свой бумажник. Он не только доверяет мне водить свою машину, он верит, что я не исчезну со всей его наличкой и кредитными картами.

Я опускаю ключи и бумажник в свою сумочку, затем в последний раз целую его и направляюсь к Дэйлу. Не знаю, что я сделала, чтобы заслужить такого хорошего парня как он, но я рада, что это произошло.

И рада, что он доверяет мне, потому что от этого я доверяю ему еще больше.

Я направляюсь к одной из свободных скамеек у стены и сажусь, устраиваясь поудобнее. Сначала немного странно видеть, как Чейз тренируется, как какой-то жуткий шпион. Особенно когда он так сосредоточен на том, что делает, и из-за всего, что Дэйл кричит ему, он едва бросает на меня взгляды.

Когда бы я ни сопровождала Итана на его тренировочные сессии перед боями, у меня всегда было такое ощущение, будто он выставляется. Будто он тренируется не по-настоящему, а играет на публику.

Итан постоянно кричал бы мне:

— Смотри! — затем делал бы что-то не особо впечатляющее, как например, десять отжиманий на одной руке.

Чейз... Чейз в ударе. Дэйл гоняет его по нескольким силовым тренажерам. Он дает нагрузку на руки, плечи и ноги. Там есть даже что-то вроде странного незаконного тренажера, который, как мне кажется, причиняет боль. Когда он заканчивает, я поражена, услышав, что это был только разогрев.

Я устала просто наблюдать за ним.

Один раз Дэйл скидывает боксерские перчатки и начинает вопить на Чейза что-то типа:

— Это все, на что ты способен, здоровяк?

Или:

— Соберись, девчонка!

Тогда я решаю, что пора что-нибудь перекусить.

Схватив свои вещи, я машу рукой Чейзу, привлекая его внимание, и даю ему понять, что ухожу. Он кивает, и я поворачиваюсь, чтобы уйти.

Я слышу громкий звук удара, а затем Чейз хрипит от боли. Я поворачиваюсь как раз вовремя и вижу, как Дэйл кричит на Чейза:

— Смотри на меня.

В спешке я выхожу за дверь, прыгаю на водительское сиденье джипа, затем мне нужно кое-что серьезно уладить. Сначала ноги даже не достают до пола. Как только я удобно устраиваюсь и поворачиваю зеркала так, как мне нужно, я выезжаю с парковки и еду вверх по улице забрать кофе из своего любимого кафе. Чейз попросил заказать ему двойную порцию того, что я закажу себе, поэтому я возвращаюсь в спортзал с четырьмя огромными сабами с фрикадельками.

Чейз и Дэйл делают перерыв на ланч, когда я возвращаюсь. А поскольку я взяла достаточно сабов для всех, мы втроем садимся за стол и вместе обедаем.

— Итак, ты так каждый день тренируешься? — спрашиваю я Чейза, прежде чем отправить в рот фрикадельку.

Чейз улыбается мне и качает головой.

— Нет, это кошмарные дни. Такая тренировка у меня дважды в неделю, затем три дня нагрузка поменьше, а потом один легкий день и выходной, пока я готовлюсь к бою.

— Звучит утомительно, — замечаю я, наблюдая, как он с жадностью уничтожает огромный кусок своего саба в один присест.

Чейз только пожимает плечами и жует.

— Ты делаешь это на протяжении трех месяцев?

Чейз кивает.

— Почему ты это делаешь? — спрашиваю я.

Чейз удивленно моргает, сбитый с толку.

— Что ты имеешь в виду?

— Почему ты дерешься? Зачем тебе проходить через все это?

Дэйл начинает тихо смеяться, и, извинившись, встает из-за стола, чтобы сделать звонок.

— Потому что мне это нравится, — отвечает Чейз и наклоняется через стол ко мне. — Потому что это весело.

— Это весело? Seriously?

— Да, — ухмыляется Чейз, и я не могу не поёрзать на стуле от его взгляда, как будто он хочет съесть меня. В голове проносятся кадры из прошлой ночи.

— Это весело, — продолжает он. — Я мог бы нести какую-нибудь философскую ерунду о дзен-буддизме и прочую чушь собачью, но правда в том, что мне это нравится. Мне чертовски это нравится. Это почти так же хорошо, как пицца. Почти так же хорошо, как секс. И мне платят, чтобы я это делал.

— Почти так же хорошо, как секс? — с глупой улыбкой спрашиваю я.

— Из всего, что у тебя есть, именно на этом ты зациклена, ведь так? — спрашивает он.

Я закусываю губу и пожимаю плечами. Как я могу не думать о сексе, когда я все время рядом с ним? У него сверхъестественные феромоны. Даже когда он пропитан потом, даже когда ужасно пахнет, как сейчас, я бы с ним переспала.

Чейз качает головой, будто не может мне поверить, и берет второй саб, откусывая еще один огромный кусок.

— Ты же не можешь заниматься этим вечно, верно? Тебе придется уйти в какой-то момент.

Чейз кивает и продолжает жевать.

— Когда ты собираешься уйти из спорта?

Он не отвечает, и я понимаю, что он не собирается отвечать. Я думаю, это секрет или что-то вроде того.

— Ты планируешь делать что-нибудь, когда уйдешь из спорта? Что-нибудь ещё?

— Ага, — легко отвечает Чейз. — Я возобновлю лицензию агента по недвижимости и приму на себя управление некоторыми делами моего отца.

Я киваю, вспомнив, что он рассказывал мне, что его отец работает в сфере недвижимости.

— Звучит здорово, — говорю я и бросаю взгляд на свой телефон. Я проверяю его весь день, надеясь, что мне позвонят насчет стажировки. У меня еще всего три оплаченных недели, прежде чем мне придется принять предложение Итана.

— А как насчет тебя, Эйвери? — спрашивает Чейз, сминая в комок обертку от своего сэндвича. — Чем ты хочешь заниматься? На кого собираешься учиться?

— Хочу помогать людям, — говорю я и, улыбаясь, поднимаю взгляд от телефона. — Я работаю над своей степенью социального работника. Я бы хотела принимать участие в программе или начать программу, которая поможет проблемной молодежи.

— О? — спрашивает Чейз с интересом. — Почему проблемная молодежь?

Я вздыхаю и смотрю на телефон.

— Думаю, потому что я сама была такой? Я имею в виду, я вроде как знаю, как это паршиво чувствовать, что всем вокруг просто наплевать на тебя. И не то, чтобы ты просил об этом... Ты даже родиться не хотел.

— Звучит вполне замечательно, — тихо говорит Чейз.

Я пожимаю плечами, чувствуя себя невероятно смущенной. Я делаю это не для того, чтобы быть замечательной, или чтобы люди думали обо мне так. Иногда, и я знаю это по личному опыту, это просто помогает знать, что где-то кому-то еще не все равно.

Дэйл возвращается, закончив звонок, и Чейзу приходится вернуться к работе. Я убираю наш беспорядок и направляюсь назад к своей скамейке. Я поочередно то смотрю на телефон, то наблюдаю за Чейзом.

В том, как он требователен к себе, как бросает себе вызов, столько внутренней и внешней силы. Я могу только восхищаться им за это. Я знаю, что я бы не смогла сделать подобное со своим телом. Я бы плакала, как маленький ребенок, если бы попыталась.

Но, в то же время, другая часть меня утомлена. Он тренируется так усиленно, заставляет себя, потому что хочет отомстить Итану. Это такая дерьмовая ситуация, я пытаюсь не думать о ней, не зная, как с ней разобраться.

Когда я спала с Чейзом, я и понятия не имела, что он и Итан готовятся к реваншу. Если бы он не выглядел таким удивленным, что я не знала, я бы даже подумала, что он намеренно скрывал от меня информацию. Если бы он не был таким внимательным, так явно не запал на меня, возможно, я бы даже забеспокоилась, что он со мной просто потому, чтобы достать Итана. Но я совершенно уверена, что это не тот случай.

По крайней мере, я, конечно, надеюсь, что нет.

Если бы я знала, что Чейз собирается драться с Итаном, согласилась ли бы я пойти с ним на свидание? Не думаю. Скорее всего, нет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но теперь слишком поздно: прошлую ночь не вернешь. Я сказала Чейзу, что я принадлежу ему, и я не шутила. Я просто не знаю, чем все это закончится.

Когда Чейз заканчивает тренировку, он принимает душ, прежде чем подойти ко мне и притянуть к себе.

— Снова поедем ко мне? — спрашивает он, когда мы выходим из спортзала.

— Я бы хотела, — говорю я ему с сожалением. — Но я терпеть не могу оставлять Сэбби одного две ночи подряд. Хочешь остаться на ночь у меня?

Чейз качает головой, открывает мне дверь и придерживает ее для меня.

— Нее. Почему бы тебе просто не привезти его ко мне? Мы можем заскочить и забрать его.

— Серьезно? — спрашиваю я, совершенно удивленная тем, что он готов это сделать.

Чейз кивает:

— Серьезно, — и захлопывает дверь.

Я пристегиваю ремень. Чейз открывает дверь с водительской стороны и ругается, когда пытается втиснуться.

— Что за черт? Мою машину водил карлик?

Мы заезжаем на мою подъездную дорожку, и я внимательно смотрю на Эйвери и Себастьяна. Они оба сидят рядом со мной, уставившись на мой дом. Я хочу, чтобы это был наш дом, а не мой. Я уже хочу делить его с ними, и для меня странно, что это чувство появилось так быстро, но знаю, это правильно, и я собираюсь подойти к этому сердцем и разумом.

Себастьян издает тихое мяуканье, когда Эйвери перемещает его так, чтобы он мог лучше видеть в окно.

— Что думаешь, Себастьян? Думаешь, сойдет на ночь? — спрашивает она.

Я замедляю ход перед тем, как остановиться, чтобы дать ему возможность увидеть фасад дома, затем заезжаю в гараж.

Да, и надолго, думаю я про себя и улыбаюсь им обоим. Совершенно черный кот и красивая черноволосая богиня. Черт, прямо сейчас я становлюсь слишком сентиментальным. Мне нужно, чтобы они вошли внутрь и устроились, прежде чем я выставлю себя идиотом.

— Готова войти? — спрашиваю я и берусь за дверную ручку.

— Да, — тихим голосом отвечает Эйвери, крепче обнимая Себастьяна и открывая дверь.

Мы входим через гараж. Нажимая на кнопку, чтобы закрыть дверь, я не могу сдержать улыбку.

Быстро осмотрев дом, Себастьян находит нас устроившимися на диване и смотрящими новости. Он один раз мяукает и плюхается на руку.

— Думаю, ему здесь нравится, — говорю я, обнимая ее еще крепче.

— Ага, я тоже так думаю, — отвечает она, и я не могу сказать, хочет ли она улыбнуться или нахмуриться.

Моя рука медленно скользит вниз от ее плеча, пока не оказывается прямо над грудью. Я поворачиваю голову и глубоко вдыхаю запах ее волос. Ее волосы пахнут очень приятно. У нее такой естественный аромат, который приводит мои гормоны в состояние лихорадочной активности. Прямо сейчас я не думаю, что мне никогда не надоест ее запах. Он чертовски опьяняющий.

— Ммм, ты пахнешь спортзалом, — тихо говорю я, изо всех сил стараясь сдержать улыбку.

Она отстраняется и хватает прядь своих волос. Она подносит прядь к носу и нюхает ее.

— Нет, не пахну, — говорит она в замешательстве.

Наклоняя голову, я нюхаю рукав плеча ее футболки. Морща нос, я хмурюсь.

— Эта футболка тоже на самом деле пахнет скверно, — я улыбаюсь, начиная поднимать футболку на ее животе.

Повернув голову в сторону, она нюхает прямо там, где я только что нюхал. Когда я поднимаю футболку до бюстгальтера, она вскрикивает:

— Я совсем ничем не пахну!

— Могу поспорить: твое белье тоже ужасно пахнет. И твой бюстгальтер и трусики. Держу пари, что все, что на тебе надето, воняет.

Замешательство сменяется болью, когда она смотрит на меня.

— Но я только одела эти вещи...

Я поднимаю футболку до ее подбородка.

— Ух, тебе тоже нужно хорошенько помыться, — говорю я и начинаю улыбаться.

Затем замешательство исчезает, и она рычит на меня. Она руками одергивает свою футболку.

— Ты просто пытаешься меня раздеть, ты, большая вредина! Я хорошо пахну!

Поднимая руки вверх в оборонительном жесте, я говорю:

— Эй, я просто хотел потереть тебе спинку.

Она качает головой и не мигая смотрит в телевизор, закинув одну ногу на другую.

— Ничего подобного, ты сказал, что я плохо пахну.

Иногда мне на самом деле нравится быть таким большим. Я имею в виду, что я что угодно могу делать с людьми, которые гораздо меньше меня и более хрупкие, чем я. Как, например, то, что я делаю, когда встаю.

Я наклоняюсь, хватаю Эйвери на руки и несу ее к лестнице. Она громко визжит, когда я переступаю порог и на ходу перебрасываю ее через плечо. Я слегка шлепаю ее по очаровательному задку и начинаю подниматься по лестнице.

— Знаешь..., — говорю я, слегка хлопая ее по рукам, потому что она пытается прикрыть ими свой зад. — У тебя очаровательный зад. То есть, это, скорее всего, одна из самых лучших задниц в мире.

— Это ты задница, — рычит она. Вдруг я чувствую, как она зубами кусает меня за спину сквозь свою футболку.

— Что ты там делаешь? — спрашиваю я.

— Вы, сэр, грубы, — объявляет она, затем я чувствую, как она резко щиплет меня за ягодицу.

— Ай! — жалобно вскрикиваю я, снимая ее с плеча, и бросаю на кровать.

— Кто сказал, что я пойду с тобой в душ?

— Мы с Себастьяном поговорили, дорогая. Было решено, что раз ты не можешь полностью мыться сама, мне придется присоединиться и помочь.

Я скидываю одну ее туфлю, затем принимаюсь за вторую.

— Прости, что? — взвизгивает она, когда я начинаю стряхивать пыль с ее ступней. — Черта с два он принял бы твою сторону против меня.

— Я мог бы пообещать ему пару банок лосося, если он встанет на мою сторону.

Притянув ее к краю кровати, я поднимаю ее. Я снимаю с нее футболку через голову и через всю комнату бросаю в корзину для грязного белья. Я расстегиваю ее бюстгалтер и стараюсь не отвлекаться от своего занятия, но не могу удержаться и пару раз провожу языком по ее соску, одновременно стягивая с нее брюки. Ее трусики следуют за ними, и теперь она абсолютно обнаженная. Она в полном смысле слова создана для секса.

— Я..., — начинает она, но я захватываю ртом ее грудь. Посасывая сосок, я обвиваю его языком. Я чувствую, как она руками обнимает меня за голову, и она держит меня, пока тихий стон не слетает с ее губ.

Улыбаясь, я отстраняюсь и выпрямляюсь, быстро снимаю свою одежду. Стоя перед ней обнаженным, я наклоняюсь и просто не могу не поцеловать ее губы.

Я ставлю ее под душ и включаю очень горячую воду. Пока я мою ее, я не торопясь проверяю, чтобы каждый кусочек ее соблазнительного, сногшибательного тела был безупречно чистым. В какой-то момент, во время мытья я прижимаю ее к стеклянной стене

и, встав на колени, пару раз довожу ее прекрасное лоно до оргазма. Ее тело становится безвольным после второго раза, она устала, и я хочу отнести ее в свою кровать, поэтому я усаживаю ее на скамейку и быстро моюсь сам.

Подняв ее на руки, я несу ее завернутое тело в кровать и устраиваюсь сзади нее. Когда ее дыхание становится глубоким, я обнимаю ее и укутываю нас одеялом.

На следующий день, после тренировки в зале, я забираю ее с занятий и привожу обратно домой.

Она сидит напротив меня за барной стойкой на кухне, пока я готовлю наш обед.

Хмурясь, она говорит:

— Я действительно надеялась, что мне перезвонят насчет стажировки к этому времени. Это отстой. Если я не найду что-нибудь еще, мне придется работать на Итана.

Я почти промахиваюсь и вонзаю нож в руку, когда открываю банку с говяжьим фаршем.

— Я мог бы о тебе позаботиться, — говорю я, выкладывая содержимое на сковороду. Сегодня вечер спагетти.

— Определенно нет! — возражает она с жаром.

Не уверен точно, почему она расстроена, но я знаю, что это как-то связано с моим предложением позаботиться о ней.

— Почему нет? То есть, не то, чтобы ты охотница за деньгами. У меня есть деньги, и я хочу быть уверенным, что тебе не придется быть рядом с этим мелким придурком.

Она закрывает глаза на мгновение, и я вижу, как она делает долгий, глубокий вдох, затем выдыхает.

— Спасибо тебе за предложение, Чейз, но я не хочу, чтобы ты или кто-то еще заботился обо мне таким образом. Я буду чувствовать себя шлюхой.

— Но это не... — пытаюсь я сказать, но она качает головой.

— Я знаю, и ты это знаешь, но нет, пожалуйста, пойми, я не хочу, чтобы ты это делал. Мне нравится, куда ведут нас наши отношения. Но я не хочу, чтобы это случилось, хорошо?

Я киваю, но в этот момент я чертовски несчастлив. Я не хочу, чтобы она была где-то рядом с тем придурком, и я знаю, ее жалоба не была мольбой, чтобы я заплатил за нее, но я был не против. Но я также не хочу отпугивать ее, форсируя события. Бог знает, что последнее, что мне нужно, — это чтобы она думала, что я такой же большой кретин, как Итан.

Я перестаю мусолить эту тему и смотрю ей прямо в глаза.

— Я в этом надолго, Эйвери, мне нужно, чтобы ты знала об этом.

— Я тоже, — говорит она и натянуто, но многозначительно мне улыбается.

Мой оплаченный отпуск по болезни заканчивается, и если в ближайшее время не произойдет чудо, мне придется принять предложение Итана по поводу работы. Я не хочу. Мне кажется, если я сделаю это, это испортит наши с Чейзом отношения, но у меня нет выбора.

О стажировке до сих пор не сообщили. Я разговаривала с преподавателем вчера после занятий, и он сказал мне, что не знает, что не так со стажировкой, но как только он что-нибудь узнает, он даст мне знать. К тому времени Итан уволит меня с моей прежней должности. Так что, либо мне придется работать на Итана в качестве его личного ассистента, либо оставаться безработной и без гроша в кармане.

Я не могу рисковать по-настоящему и остаться без средств к существованию.

Когда Чейз предложил помочь мне, позаботиться обо мне, часть меня, действительно, хотела принять его предложение. Клянусь, что-то внутри меня начало кричать и вопить, когда я отвергла его предложение. Было бы так легко просто позволить ему заняться этим, позволить ему решать мои проблемы за меня. Но если бы он дал мне деньги, я была бы у него в долгу, была бы ему обязана, а это полностью изменило бы динамику наших отношений.

Мне очень нравится Чейз. Даже слишком. Я хочу увидеть, как далеко мы зайдем, и я хочу исключить денежную составляющую из наших отношений. Конечно, я продолжаю оставаться у него со своим котом, но это потому, что его квартира ему нравится больше, чем моя. Я не живу с ним. Я просто с ним сплю. Наши отношения не настолько официальные.

Я боюсь, что если я позволю Чейзу дать мне деньги, если начну чувствовать себя обязанной ему, я могу обидеть его этим. Я же обижаю Итана немного, хотя все, что он сделал, это лишь бы выручить меня. Но в случае с Чейзом все может оказаться гораздо хуже.

Что, если ему казалось, что он ко мне привязался?

Я продолжаю узнавать его лучше, узнавать, что его интересует, каковы его мотивы. До сих пор мы кажемся хорошей парой. Но что, если между нами ничего не срастется? Что, если пламя угаснет? Тогда что? Я могу закончить на улице? Не думаю, что он поступит так со мной, выбросит меня..., но хочу ли я только, чтобы он заботился обо мне из чувства долга? Черт возьми, нет.

Я хочу, чтобы у нас с Чейзом все получилось, мне нужно, чтобы с ним все наладилось. Он такой удивительный... Он все, чего я хочу, я даже не знала, что хочу этого. Он все, что мне нужно. И то, что между нами, искренне, это по-настоящему. Я не хочу, чтобы что-то, особенно деньги, испортили это.

Мне кажется, что мне нужно защитить то, что у нас есть, от грязного внешнего мира.

Итак, я буду работать на Итана, если больше ничего не наметится. Мне придется забыть о своей гордости, принять его предложение и надеяться, что это не слишком испортит наши с Чейзом отношения. Потому что каждый заслуживает второй шанс, верно?

И я не знаю, что еще сделать.

Мне приходится поспрашивать прохожих, где находится офис «Финансовой помощи», после того, как я закидываю Эйвери на занятия, раньше я здесь ни разу не был, и это становится небольшой проблемой. Думал, что он находится в главном здании, но нет, как раз наоборот, на другой гребаной стороне.

Я замечаю несколько девушек по дороге через кампус, и если расценить взгляды, которые я заслужил, как знак, то, должно быть, синяки стали уродливо зеленого цвета.

— Привет, мне нужна помощь кое в чем, если у вас есть минутка, — говорю я милой маленькой блондинке за стойкой офиса, когда я, наконец, нахожу вход.

Хмм, чертовски хорошенькая, но она даже в подметки не годилась Эйвери с ее невероятной сексуальностью.

— Конечно. Как я могу тебя... Черт, то есть помочь вам! — девушка сильно смущается, отводя взгляд.

Я улыбаюсь и говорю:

— Ну, моя девушка попросила меня занести чек для нее за ее обучение.

— О, ммм, как ее имя?

И без малейшего труда я просто убедился, что оставшуюся часть года у Эйвери не будет никаких проблем с обучением. Да, я мог бы немного пофлиртовать и поулыбаться, будто я заинтересован, но будем надеяться, что теперь Эйвери будет меньше нервничать, и я смогу как следует спать с ней. В последнее время она постоянно напряжена от беспокойства.

Оплатить ее обучение за оставшуюся часть года и оставить немного на все книги, которые ей нужны, вероятно, не лучшее, что я мог бы сделать, но если это означает, что Эйвери может немного расслабиться и держаться подальше от этого кретина по имени Итан, тогда я — счастливый человек. В любом случае, чем меньше она будет беспокоиться о плате за обучение, тем больше времени мы сможем проводить счастливо друг с другом.

Чертов Итан не выходит у меня из головы, пока я ставлю свою подпись на чеке и передаю его милой маленькой блондинке за стойкой. Это был мой тип девушек до того, как я встретил мою черноволосую богиню. Невысокая блондинка с большой грудью. Кажется, она готова на большее, чем просто желать сообщить мне свой номер телефона, прежде чем я благодарю ее и выхожу за дверь.

Хотя Эйвери указала мне на мои же ошибки. Я никогда не встречался с такой девушкой, как она. Она просто предназначена для меня. Она сексуальна, чертовски умна и на самом деле знает себе цену. Мне нравится это в девушках. Игры ее не интересуют, по крайней мере, так кажется. Она ни разу не пыталась развести меня на деньги или что-то вроде того.

Папа был прав, когда сказал, что когда появится та самая девушка, я узнаю. В случае с мамой он просто знал, что она — та самая. Он сказал мне, что узнал это в тот самый момент, когда увидел ее. Он пригласил ее на свидание и с того дня не отпускал ее. Не думаю, что он отпустил бы ее даже сейчас.

Я надеюсь, что Эйвери поймет, что я просто хочу, чтобы она была счастлива. Я знаю, что за деньги этого не купишь, но очевидно, что они делают жизнь легче.

Чейз завез меня сегодня на занятия, а поскольку у него сегодня день без тяжелых нагрузок, он заберет меня после учебы. Сегодня у меня алгебра, и я решила, раз прошло же два дня с последнего оплаченного дня, если ничего не произойдет к сегодняшнему вечеру, если Чейз ничего для меня не найдет, а я не смогу что-то еще выяснить, я напишу Итану и приму его предложение.

Я едва могу спокойно сидеть на занятиях, думая об этом. Я постоянно с беспокойством проверяю телефон. И все еще молю о чуде. Молю, что теперь, когда вселенная знает, что я на самом деле собираюсь пройти через это, что я планирую принять предложение Итана, оплаченная стажировка внезапно появится, поэтому мне не придется этого делать.

Вместо этого в середине занятия я получаю сообщение из института. Сообщение заставляет меня нервничать, потому что она должна быть из отдела финансовой помощи. Должно быть, это ошибка, потому что в нем говорится, что все мое обучение и взнос за оставшуюся часть года оплачены полностью.

Черт, надеюсь, они не сняли плату с моего счета без моего разрешения, это вынудит меня превысить кредит. Взносы съедят все деньги, которые я сэкономила на квартиру.

Преподаватель отпускает нас, и я направляюсь прямо в отдел финансовой помощи, забыв о том, что Чейз собирается заехать за мной. Как раз в тот момент, когда я захожу в офис, Чейз присылает мне сообщение, спрашивая, закончились ли занятия. Я быстро отправляю ему ответ, что буду через пару минут, затем подхожу к стойке и нажимаю на звонок.

В подсобке, ближе к стоявшим там кабинкам, я слышу, как две девушки хихикают, обсуждая какого-то горячего парня. Обычно я не такая нетерпеливая или грубая, но сегодня у меня так измотаны нервы, поэтому я звоню снова до тех пор, пока одна из них не показывается.

— О, привет, — хорошенькая блондинка моего возраста густо краснеет. — Извините, что заставила вас ждать. Чем я могу вам помочь?

— Привет, — улыбаюсь я ей и изо всех сил стараюсь быть вежливой. Если я буду вести себя как стерва только потому, что я нервничаю, я уверена, что она не станет мне помогать. — Я только что получила сообщение, в котором говорится, что мое обучение было оплачено полностью, пока я была на занятиях. Думаю, это, наверное, ошибка, которую нужно исправить.

— Хорошо, — говорит она и одаривает меня таким взглядом, будто думает, что я только что сморозила глупость. Она пододвигает клавиатуру ближе к себе. — Ваше имя и номер студенческого удостоверения?

Я на одном дыхании выпаливаю свое имя и номер студенческого удостоверения, и она барабанит пальцами по клавиатуре.

— Хмм, — хмурится она, уставившись на монитор компьютера. — Здесь говорится, что плата за обучение была внесена полностью около десяти минут назад.

Она кривит губы, будто думает, затем поворачивает голову и кричит:

— Эй, Эшли, можешь подойти на минутку?

Появляется Эшли, другая миленькая блондинка моих лет, продолжая хихикать по поводу того, что обе девушки обсуждали минуту назад.

— В чем дело? — спрашивает она, подходя к блондинке и заглядывая через ее плечо на монитор компьютера.

— Тот парень, которому ты только что помогла? Это тот счет, который он оплатил? — спрашивает девушка, помогающая мне.

Эшли смотрит на монитор, затем бросает взгляд на меня.

— Ага, он самый. Это вы?

Я хмурюсь, сбита с толку.

— Какой парень? Какой-то парень оплатил мой счет?

— Да, — хихикает Эшли, и другая девушка тоже начинает хихикать. — Он твой парень? Потому что если нет, то он жутко горяч, а я совершенно забыла сунуть ему свой номер.

Кто мог это сделать? Итан? Чтобы вынудить меня работать на него?

— Как его имя? — спрашиваю я.

Скорее всего, это Итан, только он мог сделать это для меня.

— Одну секунду, — говорит девушка, и ее пальцы пляшут по клавиатуре, пока я жду, задержав дыхание.

Я так и знала, почти, я же знаю, что она хочет сказать. Не хочу, чтобы это было правдой. Не хочу думать, что он мог сделать для меня это, особенно после того, что я объяснила ему, что мне не нужны его деньги. Не может быть, что он был такой скотиной, чтобы просто вынудить меня, он не мог...

— Чейз Уинтерс, — с улыбкой говорит она мне.

— Черт, — ругаюсь я громко. Они обе охают, а я прикусываю язык, чтобы снова не начать ругаться.

Обе девушки обмениваются взглядами, затем Эшли нервно хихикает.

— Если бы такой парень заплатил за мое обучение, я бы вышла за него замуж.

— Я тоже, — согласно щебечет другая девушка.

Я глубоко вдыхаю через нос, затем медленно выдыхаю через рот. Эти девушки ничего плохого мне не сделали, поэтому я не буду срывать на них. Над моей головой гаснет лампочка. Может быть, они даже смогут помочь мне это уладить.

— Вы можете вернуть деньги? — спрашиваю я медленно, стараясь остаться вежливой.

— Я... я не знаю, — работающая со мной девушка заикается и снова начинает стучать по клавиатуре. — Думаю, единственный способ вернуть деньги — это если вы официально откажетесь от занятий.

— Вы серьезно? — спрашиваю я ее, и она только поеживается и нервно хихикает.

— Извините! — извиняется Эшли. — Пока вы посещаете институт, мы не можем вернуть деньги.

— Даже в том случае, если это ошибка?

Закусив губу, Эшли качает головой.

— Это была не ошибка.

Я вздыхаю и запускаю пальцы в волосы.

— Неужели вы не можете просто сказать, что это ошибка? Есть ли какой-нибудь способ отказаться от этих денег?

Эшли и другая девушка обмениваются взглядом, и затем они обе качают головой. Несомненно, они думают, что я странная и глупая.

— Он заплатил всю сумму? Все, что идет с его банковского счета, не мое?

Они кивают.

— Вы не можете просто уладить это как техническую ошибку? Банковскую ошибку? — спрашиваю я, все больше и больше приходя в отчаяние.

— Извините... — говорит мне обслуживающая меня девушка, и я знаю, что на любой вопрос, который бы я ни задала, я получу один ответ: «Извините».

— Ладно, хорошо, в любом случае спасибо за помощь, — я вымучиваю улыбку и затем поспешно выхожу из офиса.

Черт. Он сделал это. Поверить не могу, что Чейз сделал это. Хотя этому должно быть объяснение. Должно быть. Потому что если его нет, значит, я в нем очень ошиблась.

Я думала, что могу доверять Чейзу.

Я думаю, до сих пор я видел почти все эмоции Эйвери, от жуткого шока до искренней радости. Каменное лицо без эмоций, которое она показывает мне после того, как садится в машину, для меня нечто новое. Страшновато, мягко говоря.

— Эй, красавица?

Она закрывает дверь слишком осторожно, когда садится в машину. Ее тело очень напряженное, и она обнимает рюкзак, который лежит у нее на коленях. У меня плохое предчувствие.

— Не возражаешь, если мы поедem ко мне? Я хочу поговорить.

Черт, она хочет поговорить, а не нам нужно поговорить. Черт.

Я завожу «Импалу» и отъезжаю от обочины. Погазовав, я сливаюсь с потоком машин.

— О чем?

И она так спокойна, что мне приходится присмотреться, чтобы увидеть, дышит ли она вообще.

— Эйвери?

— Просто отвези меня домой, пожалуйста.

Черт, черт, черт. Прямо сейчас могу поспорить, что я получу серьезную головную боль, и, хоть убейте, я и понятия не имею, что сделал не так.

Мы едем домой в неловком молчании. Я стараюсь вытянуть из нее, что случилось, но у меня не получается, пока мы не выходим из машины и не входим в ее квартиру, и тогда она не показывает совсем никаких эмоций. И, черт возьми, она злится.

— Что происходит? Итан что-то сделал? — спрашиваю я, входя в ее квартиру.

Себастьян ждет, когда мы заберем его домой. Домой, вот на что это похоже, когда Эйвери и я едем туда, домой, где живет наш маленький черный пушистый комочек.

Всю дорогу до моего дома я держу язык за зубами и сжимаю руки так сильно, что ногти больно впиваются в ладони. Внутри меня кипело так много негодования, что мне потребовались все силы, которые у меня были, чтобы не сорваться на Чейзе в машине.

Как он мог со мной так поступить? Как он мог?

Я не могу даже взглянуть на него, простой взгляд на него, смущённого, расстраивает. Это так выводит, что он ведет себя, будто понятия не имеет, что это неправильно. Как будто это не он только что оплатил мой долг суммой в четырехзначную цифру без моего разрешения. Как будто мы недавно не обсуждали, что мне не нужны его деньги.

— Что происходит? Итан что-то сделал? — спрашивает он, когда мы входим ко мне в квартиру, и я не могу больше сдерживаться. Я бросаю свой рюкзак на пол и набрасываюсь на него.

— Это ты сделал, — обвиняю я его и прищуриваю глаза.

— О чем ты говоришь? — спрашивает Чейз и делает шаг ко мне.

— Ты предал мое доверие! — бросаю я ему, и он выглядит очень шокированным, как будто это последнее, чего он ожидал от меня.

— Прости, Эйвери, — извиняется он, все еще пребывая в замешательстве, и тянется ко мне.

— Ты даже не знаешь, что сделал, да? — спрашиваю я, отступая назад, чтобы он до меня не дотянулся.

Он качает головой.

— Я сказала тебе, что мне не нужны твои деньги, а ты все равно навязал их мне. Навязал их!

— Ты об обучении, которое я оплатил? — спрашивает он.

— Да! — отрывисто говорю я. Он пытается сделать еще один шаг вперед, и я отступаю.

— Я не хочу, чтобы тебе пришлось работать на этого ублюдка, — объясняет он. — Мне не нравится, как тебя это беспокоит, как действует на тебя. Итан...

— К черту Итана. Ты даже меня не спросил! — теперь я чувствую, как закипают слезы ярости. То, что я злюсь на него, меня так расстраивает. Я ненавижу это, и всё же ничего не могу с этим поделать. Может быть, если бы он не нравился мне так сильно, это не доставляло бы мне такой боли. Может быть, если бы я не доверяла ему так сильно, у меня не было бы такого чувства, будто мне воткнули нож в спину.

Хреново, когда тебя предают.

— Эйвери, пожалуйста, — тихим умоляющим голосом говорит Чейз.

Я закрываю глаза и гоню слезы прочь. Я не буду плакать перед ним. Я делаю глубокий вдох и медленно открываю веки. Мои глаза блестят, но, по крайней мере, я не ору.

— Теперь я у тебя в долгу, Чейз. Я должна тебе больше денег, чем могу вернуть в данный момент, — в этом вся моя жизнь. Я просто никогда не хотела чувствовать себя так по отношению к нему, обязанной.

— Нет, — решительно говорит Чейз и трясет головой. — Ты ничего мне не должна.

Забавно, я помню, как кое-кто тоже говорил это мне не так давно.

— Должна, — настаиваю я. Смутно я понимаю, что веду себя немного упрямо, но, черт побери, я так устала быть в долгу у всего мира. — И я верну тебе все. Университет не вернет

деньги, пока я не брошу занятия. Если я брошу учебу, мне конец. Пара занятий уже в листе ожидания.

— Мне не нужны твои деньги, — говорит Чейз и смотрит на меня, как будто я сошла с ума. И может быть, сейчас я немного и сошла с ума. Я, безусловно, так себя и чувствую. — Все, что я сделал, это то, что сделала бы любая стипендия. Я просто пытаюсь облегчить тебе учебу и посещение занятий. Твое образование так важно для тебя, я просто стараюсь выручить тебя.

— Ты не спросил меня, — рычу я на него. — Знаешь, кто еще не спросил меня, когда навязал мне свои деньги, чтобы помочь? А?

Чейз на это молчит.

— Итан! — бросаю я. — Мне нужны были деньги, он знал, что мне нужны были деньги, и он просто сделал это. Ты просто сделал в точности то же, что и Итан.

Лицо Чейза напрягается, когда он говорит:

— Я не Итан.

Это удар ниже пояса, и я жалею об этом, как только произношу, но я не могу взять свои слова назад.

— Не нужно было меня дурачить.

Чейз стискивает челюсти, но он не кажется рассерженным. Он выглядит задетым. Он выглядит так, будто я только что залепила ему пощечину.

А я так недовольна, мне так обидно не только из-за того, что он сделал, но и потому что я всегда в долгу перед кем-то или чем-то всю мою жизнь, но я продолжаю наступать.

— Вы два сапога — пара. Мне следовало это понять. Два привилегированных, имеющих право кретина с кучей денег, при помощи которых, как вы считаете, вы можете выйти сухим из воды из любой ситуации. Вы думаете, что можете купить любого!

Я топаю к своему рюкзаку, а Чейз просто стоит там, твердо и неподвижно. Я рывком расстегиваю молнию, достаю свой бумажник и, хватая каждую банкноту, швыряю ему деньги.

— Ты не можешь купить меня! Я не продаюсь. Я не собираюсь быть тебе обязанной!

Купюры летают в воздухе. Их так мало, что это выглядит жалко, там максимум пятьдесят баксов. Дождя из них не получилось, больше похоже на изморось.

— Я не могу быть с тобой, — говорю я, осознание так сильно обжигает меня, что колени почти подгибаются. — Я не могу быть с тобой, если должна тебе денег.

— Эйвери, — говорит Чейз и направляется ко мне, прямо по банкнотам, разбросанным по полу.

— Нет! — выкрикиваю я, отчасти потому что он идет ко мне, и отчасти потому, что он топчет деньги на полу. — Бери свои деньги и убирайся.

Чейз внезапно останавливается, совершенно ошеломленный. Его лицо полно боли, и мои глаза наполняются слезами. Неужели я боялась именно того, что он поступит так со мной?

— Ты прогоняешь меня?

Я киваю головой:

— Да.

Я прогоняю его, потому что если я этого не сделаю, он обязательно прикоснется ко мне, а если он прикоснется ко мне, то просто знаю, как я отреагирую. Когда он прикасается ко мне, я становлюсь слабой.

— Эйвери, подумай об этом, — умоляет меня Чейз, и я зажмуриваю глаза, сердито сдерживая слезы. Я распахиваю глаза, когда чувствую, как он делает еще один шаг ко мне.

Я кричу на него:

— Стой! Просто стой. Держись от меня подальше.

— Эйвери, — Чейз дышит так, будто внутри него что-то ломается.

Знаю, я слишком рассержена. Знаю, я слишком себя накручиваю. Я виню Чейза в том, что сделал Итан. Я взваливаю на него весь груз, который я носила сама, и это несправедливо.

Я делаю глубокий вдох, наполняя легкие воздухом, пытаюсь обдумать всё. Я медленно выдыхаю сквозь зубы.

— Черт, — ругается Чейз и недоверчиво качает головой.

— Мне нужно немного времени, — объясняю я ему, у меня ломается голос. — Мне просто нужно немного времени подумать.

Чейз зарывает пальцы в волосы.

— Ты мне ничего не должна.

— Уходи, Чейз, пожалуйста, — говорю я, и начинаю отворачиваться. Я не хочу больше ничего слушать. Я совершенно убеждена, что сейчас ему нечем меня успокоить. Мне просто нужно успокоиться, а я не смогу сделать этого, если он будет пытаться меня переубедить.

Я не вижу, но явно слышу, как Чейз идет к двери. Это звучит, как будто сам фундамент здания сотрясается.

Я чувствую, что должна остановить его, и я чувствую напряжение, боясь, что он проигнорирует то, что я хочу. Я не могу физически заставить его уйти.

— Ты сама отдала мне себя, — говорит он, вдруг напоминая мне. — Ты моя, и у меня есть все права заботиться о тебе. Я тебя не заставлял отдавать мне себя, я попросил.

Я оборачиваюсь и встречаюсь с ним широко открытыми глазами, но я не могу произнести ни слова, потому что не могу дышать. Я отдала ему себя, как я могла забыть об этом? Я даже объяснить этого не могу...

Он рывком открывает дверь, при этом не отрываясь смотрит на меня.

— И поскольку я не Итан, и я, черт побери, люблю тебя, я дам тебе все время и свободу, которые тебе нужны.

Он закрывает за собой дверь, и он даже не хлопает ею, как я ожидала, а закрывает ее бесшумно, осторожно.

Он любит меня. Черт возьми, он любит меня. Остатки гнева исчезают, и я сползаю на пол, подогнув колени. Я в таком шоке, так потрясена всем, что только что произошло, что просто позволила ему уйти.

Как только он ушел, как только я услышала, как он заводит свою машину и шины скрипят, когда он уезжает с парковки, я не могу сдержать слез. Я плачу, потому что я глупая. Я такая глупая, черт возьми. Что я наделала? Как я могла позволить всему этому денежному дерьму сделать меня такой уродиной? Я так погрузилась в свои мысли, что каким-то образом он пытался контролировать меня, манипулировать мной, что я даже по-настоящему не думала.

Я просто отказалось от самого лучшего, что когда-либо случилось со мной.

Знаю, я не мыслю ясно, когда разворачиваюсь на повороте дороги рядом с домом и слышу скрип шин, когда я жму на педаль до упора. Я мчусь по улице, на которой находится мой дом, и продолжаю ехать прочь из города.

Я не отрываю глаз от дороги, держа одной рукой руль, а другой — телефон. Я продолжаю надеяться, что мой телефон зазвонит, потому что музыка на нем такая громкая, что я не слышу ничего вокруг. Шум мне сейчас необходим, мне нужно что-то громкое, потому что все эти бессвязные, безумные мысли в моей голове просто так не останутся. Я все еще вижу ее зеленые глаза, полные слез, и это разрывает меня на куски. Я чувствую себя маленькой сучкой. Я раньше никогда не позволял себе так далеко зайти в отношениях с девушкой.

Я видел своего отца и что случается, когда ты позволяешь кому-то стать слишком близким. Я никогда такого не чувствовал, и что так чертовски хреново, это то, что отношения не продлились даже двух лет, а я уже облажался, прошло всего несколько недель. Я по полной, черт возьми, облажался. Я не лгал ей, когда сказал, что люблю ее. Я говорил ей чистую правду.

От этой мысли я качаю головой. Это абсолютная правда, и я понимаю, что на самом деле это чертовски грустно. У меня есть год, чтобы разгадать три большие загадки, и я сказал «Я люблю тебя» одному человеку: моему отцу. Ну, двоим, если считать сказанное Эйвери в гневе, прежде чем вылетел из ее квартиры.

Я не знаю, почему приехал именно сюда, я подсознательно выбрал это, но именно сюда я всегда приезжаю, когда мне нужно с кем-то поговорить. Я останавливаюсь у дома моего отца, и, вероятно, это лучшее место, где я, в конце концов, мог оказаться. Мне нужно съехать с дороги, прежде чем я попадусь за неосторожное вождение. Последнее, что мне сейчас нужно, так это срок в тюрьме.

Постучав в дверь, я просто вхожу в дом и громко зову его.

— Папа, это я!

— Привет, заходи! — кричит он в ответ.

Я вхожу в гостиную и вижу его, сидящего на диване с ногами в тяговой машине, которая сгибается, чтобы поддержать его подвижность.

— Я облажался, — говорю я и плюхаюсь в кресло.

Папа немедленно выключает телевизор и смотрит на мое лицо. Я думаю, я плохо скрываю свои эмоции, потому что он смотрит на меня беспокойством.

— Насколько все плохо?

— Я оплатил обучение Эйвери в колледже на оставшуюся часть года.

Я начинаю сбивчиво рассказывать об Эйвери, выкладывая все как на духу. Я рассказываю ему все. Я чувствую себя почти как человек, исповедующийся священнику. Я рассказываю ему все об Итане и о его предложении о работе и о том, как она уже отказалась позволить мне помочь ей.

— Она просила тебя это сделать? — спрашивает он, имея в виду то, что я оплатил обучение.

— Нет.

— Что заставило тебя это сделать? — он сдвигает брови вместе, пока ждет моего

ответа.

— Я хотел, чтобы она не беспокоилась так насчет денег. Я не хотел, чтобы ей пришлось брать работу, которая ей абсолютно не нужна.

— Поэтому за ее спиной ты оплатил ее обучение без ее ведома? Ты вынудил ее быть у тебя в долгу?

— Нет! То есть... ну, что-то вроде того. Она считает, что это долг, который она должна вернуть, но мне плевать, вернет ли она его когда-нибудь, — говорю я, рассерженный на него за то, что он понял, что я сделал, и на нее за то, что она приняла это за глупый гребаный долг.

— Ты сам сказал мне, что она из не богатой семьи, и что ты думаешь, что у нее остался один оплаченный день до того, как она потеряет квартиру. Она уже в замкнутом круге, а пока ты делаешь то, что можешь с лучшими намерениями, она, вероятно, никогда не видела бесплатной доброты, не считая ее матери.

— Но я сделал это не потому, чтобы заставить ее зависеть от меня, жаль, что она этого не смогла понять.

— Она, вероятно, понимает это, но ты не сказал ей. Для нее не имеет значения, из добрых побуждений это было или нет, ты подорвал ее доверие. Помни, у нее на хвосте шакал, и она вынуждена все время выполнять его приказы.

— Черт.

— Ага.

Я удобно устраиваюсь в кресле и закрываю глаза.

— Я облажался, но я бы все равно снова это сделал. Она не должна нервничать так из-за денег, и не то, чтобы я собирался использовать это для чего-то. Знаю, я мог бы сойти за богатого мальчика, но я не пытаюсь сорить деньгами. Я думал, что делаю удачный вклад в наше будущее. Она хочет закончить колледж, чтобы стать кем-то в этой жизни и помогать людям. Я хочу сделать ее своей единственной, и чтобы как в старой поговорке: счастливая жена, счастливая жизнь...

— Счастливая, да, но, вероятно, ты напугал ее, и она думает, что ты хотел на нее надавить.

— И что же мне делать?

— Ну, сынок, я думаю, все, что ты можешь сделать, это оставаться верным своему слову, дать ей пространство, которое она хочет, и надеяться, что это сработает.

— Черт.

После выдворения Чейза меня осенило: Чейз Уинтерз слишком хорош для меня.

Это то, что я ношу в себе с того вечера, когда он меня спас, но я была слишком напугана, чтобы это признать. Я почувствовала это тем вечером, когда он примчался, чтобы пригласить меня на свидание, я боялась, что не понравлюсь ему такой, какая есть на самом деле. Но я позволила себе ненадолго погрузиться в мир фантазий. Даже думая об этом сейчас, кажется, будто это было что-то вроде сказки. Я позволила себе притвориться, что это может сработать, и что это все реально.

Что такому парню, как он, которому само все идет в руки, могла понравиться девушка вроде меня... девушка, у которой нет ничего.

Так, после того, как я провожу пару дней, жалея себя и плача, потому что я дура, которая разрушает все хорошее, я прекращаю свою маленькую вечеринку жалости и принимаю предложение Итана о работе. Так и должно быть. Так всегда должно было быть. Чейз и я из двух разных миров, сделаны из разного теста. У нас бы ничего не вышло. Так было бы даже лучше, чем, если бы я сошла с ума, зайди мы слишком далеко.

Почти.

Сегодня я первый день работаю с Итаном. Теперь я его ассистент по административным вопросам, и обсудив детали прошлым вечером через смс-ки, меня ждут в его офисе ровно в девять утра. Я терпеть не могу опаздывать, поэтому приезжаю на несколько минут раньше. Офис Итана находится на верхнем этаже маленького делового комплекса в солидном районе города. Туда долго добираться на автобусе, но зарплата настолько хорошая, что я надеюсь, что через пару месяцев смогу накопить на свою собственную машину.

Когда я прихожу, Итана нигде не видно. Прямо за дверью стоит пустой стол и два стула. Сам по себе офис довольно безликий, все оформлено в бежевых и уродливо коричневых тонах. За столом еще одна дверь с золотистой табличкой, на которой написано «Итан Беннетт». Должно быть, это и есть офис Итана, что означает, что пустой стол предназначен для меня. Зная, что я пришла раньше на несколько минут, я сажусь на маленький вращающийся стул за столом и удобно располагаюсь.

Итан не появляется в течение двух часов.

— Эйвери, — улыбается Итан, вбегая в офис. На нем серый костюм, и он выглядит как самый настоящий уважаемый бизнесмен.

Я встаю со своего стула, но не могу улыбнуться ему со всей искренностью, потому что я раздражена. Итан подходит ко мне и, не спрашивая, обнимает меня.

— Прости, я опоздал, — извиняется он и отстраняется, одаривая меня робкой улыбкой. — Простишь?

Я вздыхаю в ответ и киваю головой, отпуская раздражение. В будущем не будет иметь никакого значения, будет ли он опаздывать. Это хреново только сегодня, потому что мне было нечего делать.

Итан делает шаг назад, но задерживает руки на моих плечах дольше, чем нужно.

— Я по тебе скучал, — говорит он, и его младенческие голубые глаза изучают мое лицо в поисках какого-нибудь знака, что я тоже скучала.

Я колеблюсь и сдерживаюсь от желания укусить губу, прежде чем сказать ему:

— Я тоже скучала.

Это не совсем ложь, частично я говорю ему правду. Только та часть, что я скучаю по прежнему Итану, моему старому лучшему другу, на которого я могла положиться. Не по этому новому Итану, который стоит передо мной и смотрит с такой надеждой.

— Хорошо, — улыбается он, ослепляя меня победной улыбкой. Он кивает головой в сторону двери офиса и спрашивает: — Готова начать?

Я киваю и следую за ним в его кабинет после того, как он открывает дверь.

Итан включает свет и раскидывает руки в стороны:

— Чувствуй себя как дома.

Я осматриваю кабинет Итана, не зная, что и подумать. Вместо профессионального окружения вещами, например, растениями и прочими штуками, имеющими отношение к бизнесу его отца, кажется, что Итан превратил этот офис в место для тусовок.

Перед телевизором с плоским экраном, встроенным в стену, располагается большой черный кожаный диван. Стол здесь, конечно, есть, но он весь заставлен бутылками, которые так и не вернули в домашний бар. В одном углу с потолка свисает боксерская груша, а на стене рядом с грушей в рамках висят новые статьи о нем и его спортивных подвигах. В противоположном углу стоит тренажер для силовых упражнений.

Теперь, когда я хорошенько могу разглядеть комнату, я понимаю, что здесь определенно пахнет спортзалом.

— Ммм, — говорю я, немного изумленно и озадаченно, пока прохожу вперед. — Значит, здесь ты работаешь?

Итан смеется и кивает головой.

— Ага, здорово, правда? — он подходит к своему столу и указывает на диван. — Он раскладывается в кровать, если захочется вздремнуть.

У меня расширяются глаза, и я качаю головой. Не важно, как сильно я устану, я никогда, никогда не стану дремать здесь.

Итан ухмыляется в ответ на мою реакцию и хватает бутылку со стола.

— Хочешь выпить?

— Это вопрос с подвохом? — спрашиваю я его, подходя к столу.

— Расслабься, Эйв, я не пытаюсь тебя обмануть, чтобы потом уволить, — он откручивает крышку у бутылки и подносит к своим губам. Сделав несколько глотков, он отставляет бутылку с шипением и улыбкой. — Видишь.

Я киваю головой, но бутылку не беру. Я не в настроении пить. Теперь, когда я на самом деле здесь, почти работаю на Итана, я знаю, что совершила ошибку. Это такая плохая идея. Какого черта я делаю?

Итан не работает. Это можно понять, просто взглянув на это место. Он притворяется, и по какой-то причине хочет, чтобы я притворялась вместе с ним.

Я шарю взглядом по столу. Он завален полупустыми бутылками со спиртными напитками, брошюрами, и среди всего этого стоит одна фотография в рамке.

— Это мы? — спрашиваю я, показывая на фото.

Итан кивает мне, его улыбка становится шире.

Я беру темную рамочку.

— Я помню это. Я тогда закончила школу, — я рассматриваю снимок. Я выгляжу такой счастливой. Я только закончила школу, поэтому на мне голубая шапочка и мантия. Впереди, казалось, целая жизнь, мир был полон удивительных возможностей. Если бы я работала достаточно усердно, знаю, я могла бы изменить свою судьбу. Итан обнимает меня, мы оба

светимся. Мы оба выглядим такими молодыми, хотя это было всего два с половиной года назад.

— Фото сделала твоя бабушка, — тихим голосом говорит Итан.

Я киваю, чувствуя острую боль от воспоминаний. Даже сейчас я скучаю по ней. Интересно, что она сказала бы мне, что подумала бы обо мне, если бы узнала, что я сплю с Чейзом, а потом работаю на Итана. Я вздыхаю, чувствуя себя сейчас слишком подавленной. Ставлю фотографию на место.

— Это единственная фотография, которая у тебя есть? — спрашиваю я, и глазами ищу другие фотографии.

— Это моя любимая, — честно отвечает Итан. — Единственная, которую стоит здесь поставить.

Я поднимаю глаза и смотрю ему в лицо, и его глаза прожигают во мне дыру. Я поеживаюсь, под его взглядом мне становится не по себе. Я боюсь, что он сейчас скажет или сделает что-нибудь, что заставит меня отказаться от его предложения, я протягиваю руку и хватаю его бутылку.

Сначала Итан выглядит удивленным, затем улыбается. Ослабив хватку, он выпускает из рук бутылку. Он наблюдает за мной слишком пристально, слишком внимательно, пока я наклоняю бутылку со спиртным и делаю большой глоток. Он сжигает меня своим взглядом дотла.

— Итак, — спрашиваю я, вытирая рот тыльной стороной руки. — Каковы конкретно мои рабочие обязанности в качестве твоего ассистента по административным вопросам? Без обид, — говорю я, скользя взглядом по комнате. — Но мне кажется, ты не особо хорошо здесь работаешь.

Итан смеется, затем задирает рукав своего костюма, чтобы взглянуть на часы.

— Ты права. Я не так уж много здесь сделал. Основную свою работу я делаю в спортзале.

— Итак? Зачем я тебе нужна здесь?

— Мне нужно, чтобы ты помогла мне, Эйвери. Здесь, — Итан опускает руку в карман и достает оттуда телефон. Он бросает мне телефон, и я чуть не роняю его от неожиданности. — Когда телефон звонит, ты отвечаешь на него и принимаешь сообщения.

Я хмуро смотрю на телефон.

— Ладно... Что-нибудь еще?

Итан кивает.

— Да, я назначил встречу здесь, чтобы ты могла как следует осмотреться. Мы работаем здесь, когда я не тренируюсь. А поскольку я в любом случае сейчас тренируюсь, ты нужна мне в спортзале.

— В спортзале? Зачем?

Итан наклоняется над столом и выхватывает бутылку у меня из рук. Он улыбается, затем залпом допивает содержимое бутылки.

— Потому что ты все еще мой счастливый талисман, Эйвери.

Я мрачней и чувствую, как вся кровь просто отхлынула от лица.

— Итан, — говорю я, не веря своим ушам. Он это серьезно?

— Черт, — ругается Итан, осознавая свою ошибку. — Прости, я просто попытался подразнить тебя.

Я кладу новый телефон на стол и скрещиваю руки на груди. От одного только

воспоминания о том вечере, воспоминания об Итане, идущим ко мне, орущим «Ты мне должна», мне становится не по себе.

— Это было ошибкой.

— Нет, Эйвери, это не было ошибкой, — настаивает Итан.

Я качаю головой и бросаю взгляд на фотографию.

— Ты изменился. Я изменилась. Это не работает. Зачем мы вообще это делаем?

— Эйвери... — умоляет Итан, и я снова смотрю на него. Я знаю, что он хочет, чтобы я остановилась, знаю, что ему не нравится, к чему я веду, но я уже начала и намерена довести это дело до конца.

— Зачем ты делаешь это, Итан? Что тебе от меня надо?

— Я хочу заботиться о тебе, — искренне отвечает Итан. — Столько, сколько ты позволишь.

— Почему? — спрашиваю я, пытаюсь поймать его взгляд. Но я уже знаю, ответ прямо там. Он всегда был там, но я слишком боялась найти его.

Итан нервно облизывает губы, и он практически делает еще один глоток из бутылки, но передумывает. Он ставит бутылку на стол и говорит:

— Потому что ты мой друг.

— И это все? Мы просто друзья?

Я замечаю, как что-то меняется в глазах Итана. Это тот самый душераздирающий момент ранимости, когда я понимаю, как ему нужна. И это ранит, от этого я чувствую себя сухой, потому что я не чувствую того же. Я его зафрендзила, возможно, я даже использовала его. Позволить этому продолжаться, значит, наказывать не только его, но и себя.

Я и раньше думала об этом, о том, чтобы попытаться полюбить Итана. Я думала об этом много раз. И прошло много времени, пока я не поняла, что со мной что-то не так. Что-то внутри меня, должно быть, угасает, потому что он такой горячий, и другие девушки без проблем с ума сходят по нему. И если эти девушки любят его, тогда я единственная, кто, наверное, облажался.

Я одна во всем виновата.

Итан красивый, правда, хотя даже сейчас я смотрю на него: он не такой красивый, как Чейз. Но я умею ценить красоту, я могу понять привлекательность. Я просто не могу заставить свое тело или сердце чувствовать то же самое. Здесь же нет ничего: ни искры, ни влечения. Какая бы не была невидимая сила, которая переполняет человека и заставляет его сходить с ума по человеку. Когда речь идет об Итане, это просто отсутствует, между ним и мной нет связи.

— Прости, я не могу этого сделать, — говорю я.

Выражение уязвимости исчезает, и лицо Итана становится холодным, будто я его только что оскорбила.

Снова хочется плакать, потому что это конец. Конец нашей дружбе. И теперь, без Итана, у меня никого не осталось. Чейза я уже оттолкнула.

После напряженного момента молчания Итан в гневе прищуривает глаза и хмурится.

— Что ты собираешься сделать?

Вот он, вопрос на миллион долларов, не так ли? Что я собираюсь делать? Я не думаю, что я снова побегу к Чейзу. Не после всего того, что я ему наговорила. И не после того, что я поняла, что я не достаточно хороша для него.

Прямо сейчас у меня нет ответа, поэтому я качаю головой и пожимаю плечами.

— Не знаю, что-нибудь придумаю.

— Если ты сейчас уйдешь, ты поставишь меня в затруднительное положение.

— Прости, — извиняюсь я. — Я не хочу ставить тебя в затруднительное положение. Я не знала, что все обернется таким образом.

Итан рывком задирает рукав и снова проверяет время, как будто беспокоится, что куда-то опоздает. Он хмурится, потом снова смотрит на меня.

— Ты можешь, хотя бы, дать мне две недели? Думаю, уведомление за две недели — установленная практика. Мне нужно найти кого-нибудь на твое место.

Я колеблюсь, собираясь покачать головой и сказать ему «нет, прости».

— Две недели. Всего две недели, Эйвери, — просит Итан, наклоняясь через стол, сейчас его в его глазах мольба.

И, возможно, потому, что я уже чувствую себя виноватой за то, что позволила этой хрени продолжаться между нами столько времени, или, может быть, потому, что я все еще чувствую себя в долгу перед ним за все, что он сделал для меня, я иду против своего же рассудка и уступаю.

— Две недели, — говорю я ему вполне серьезно. У него всего две недели и на этом все.

Итан улыбается и вздыхает, явно с облегчением.

— Спасибо, Эйв. Ты душка.

Я корчу гримасу, но, кажется, его это нисколько не беспокоит. Он запускает руку в карман и достает связку ключей.

— Нам нужно ехать в спортзал, — он бросает мне ключи. — Ты за рулем, если не возражаешь.

Окунуться сейчас в рутину слишком просто и в то же гребаное время жалко. Я привык, что Эйвери постоянно рядом. И все еще повсюду чертова кошачья шерсть. Я скучаю по этому маленькому комочку шерсти, было действительно здорово, когда он тоже был здесь.

Единственная причина, по которой я еще не подарил ей кольцо, это потому что у меня действительно пока не было времени сходить и найти его. Я представляю ее руку с обручальным кольцом в моей, и это видение очень правдоподобное. Я мог бы состариться рядом с этой девушкой.

— ВЫТАЩИ. ГОЛОВУ. ИЗ. ЗАДНИЦЫ! — орет Дэйл, когда мой партнер по спарринг бросает меня на пол. На лице этого кретина появляется улыбка до гребаных ушей.

Дэйл стоит за тренировочной сеткой, громко разглагольствуя, хватаясь за звено цепи побелевшими пальцами.

— Осталось две гребаные недели! Две гребаные недели. И каждую неделю ты начинаешь сосредоточенно, а к гребаному концу превращаешь все в дерьмо, потому что не можешь вытащить свою голову из собственной задницы!

Я перестаю обращать внимание на Дэйла, поднимаюсь и принимаю боевую стойку напротив Брэтта. Он перспективный тяжеловес в полусреднем весе. Хороший парень и хороший боксер, но Дэйл прав, я чересчур валяю дурака, думая об Эйвери. Я занимаюсь спарринговыми упражнениями и должен оставаться сосредоточенным на работе с Брэттом.

Я даю Эйвери свободу. Я отправил ей пару сообщений за последние две недели, только чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Меня бы убило, если бы с ней что-нибудь случилось, потому что меня не было рядом, чтобы обезопасить её.

Последнее сообщение уходит точно так же, как то единственное, что я ей отправил ранее.

Я: Ты в порядке?

Эйвери: Да.

Умираю, как хочу сказать «Я тебя люблю» в каждом из них, но не делаю этого. Я так сильно хочу сделать это. Но не буду. Я держу свое слово. Я дам ей свободу, которая ей нужна.

Тренировка прошла хорошо, несмотря на все разглагольствования Дэйла. Думаю, он нервничает, потому что я обеспокоен чем-то помимо боя. Хотя ни он, ни я не можем уладить ситуацию. Сейчас все в ее руках. Но я не знаю, как надолго. Я просто подожду до поры до времени, потом вернусь в ее квартиру, выломаю дверь и попытаюсь утащить ее домой, прихватив с собой комочек шерсти.

Я ничего не слышал об Итане, за исключением того самого краснобайства, которое он извергает с тех пор, как ему дали шанс отыграться. Его обманули, ему придется уничтожить меня, чтобы показать, кто король ринга. Я боюсь его, мне повезло. Одно и то же дерьмо, снова и снова.

Думаю, даже СМИ устали от его нытья.

Нам придется пустить промо-ролики о предстоящем бое на следующей неделе, а у меня уже просто нет терпения для этого. Я хочу в ответ рассказать какую-нибудь чушь, но не при помощи жалких слов, а моими, черт возьми, кулаками.

Я накажу маленького ублюдка. Я не видел Эйвери уже более двух месяцев. Не чувствовал тепла ее тела в своей кровати. Я не могу повалить ее на матрас и повергнуть наши мозги в гребаное забвение на все гребаное время. Я не слышал ее голос, и это гребаный ад, и от этого грустно.

До Эйвери я был не лучшим из людей. Я был типичным плохим парнем. Я заполнял пробелы одиночества в моей жизни большим количеством женщин и секса. Большинство женщин, с которыми я был, оставались ненадолго, а затем уходили, как только узнавали, что я не бесплатное приложение и что тренировки для меня на первом месте. Черт возьми, думаю, я даже говорил большинству из них, что тренировка всегда будет на первом месте.

Сейчас дом пуст, большинства парней, которые всегда заходят сюда, чтобы потусоваться, сейчас нет. У меня просто нет настроения для вечеринок. Я начал думать, что мне нравится идея остепениться с Эйвери. Мне нравились вечерние фильмы в обнимку на диване, пока Себастьян дремал у нас на коленях. Черт, я даже был готов расстаться с признаками жизни холостяка в гостиной и помочь Эйвери отделать дом, в котором она будет жить.

Дни наполнены тренировками, а ночи — либо работой по дому, либо надоеданием отцу. Я занялся перекраской дома, это то, что я всегда откладывал, и для чего никогда бы не нашел времени. Ну, а теперь нашел время, черт возьми. У меня есть время покрасить стены. Время подумать. Время свести себя с ума, черт возьми. Это дерьмо меня убивает. Я скучаю по Эйвери, черт побери.

Ее волосы повсюду.

Я хочу, чтобы Чейз перестал писать мне сообщения и спрашивать, в порядке ли я. Каждый раз, когда он спрашивает, мне дико хочется попросить его вернуться. Жутко хочется сказать ему, что я идиотка и что не заслуживаю его, но безумно хочу его. Мне жаль, очень жаль, что я была неблагодарной сукой. Но я не говорю ему этого, потому что с моей стороны это было бы эгоистично.

Особенно с тех пор, как предполагавшиеся всего две недели работы на Итана каким-то образом превратились в шесть.

Я не могу найти другую работу. Только Господь Бог знает, как я пыталась. Я подавала документы по всему городу, везде и всюду, где только можно, но никто мне не звонит. Итан, должно быть, каким-то образом за этим стоит. Должно быть, он делает что-то, чтобы помешать мне, но у меня нет доказательств, ничего, кроме предчувствия. Это просто не имеет смысла. Я подала заявление везде, на любую работу. Я совершенно без проблем могу чистить туалеты или выгуливать собак. Что бы Итан ни сделал, он уверен, что я никуда от него не денусь. Это отстой.

Работать на Итана само по себе не ужасно, просто кажется странным. Мне редко приходится делать что-нибудь, связанное с бизнесом. В основном я выполняю его мелкие поручения, такие, как прием сообщений по телефону, который он мне дал, и приготовление кофе, также я должна забирать и отдавать вещи в химчистку. Хотя преимущественно Итан требует, чтобы я проводила свое время с ним, ассистируя ему в спортзале и наблюдая за ним.

Я чувствую себя предателем, делая это, хотя мы были друзьями, пока я не услышала о Чейзе. Когда я смотрю, как Итан тренируется для своего матча-реванша против Чейза, есть в этом что-то, что съедает мою душу. Как будто я в буквальном смысле продаюсь. Поэтому каждый раз, когда Итан просит меня пойти с ним в спортзал, я стараюсь найти способ избежать этого.

Сегодня он не купился на мою отговорку типа у меня болит голова. Ему нужно, чтобы я принесла ему его любимый голубой худи ^[12], который он оставил в своем офисе, затем ему нужно, чтобы я отвезла его домой, когда закончился его вечер. Так что, пока я не найду себе что-нибудь другое, чтобы иметь возможность оплачивать квартиру, мне придется делать, что он просит. Я еду на машине компании, которую он дал мне на время работы у него, забираю его худи, который он оставил прямо рядом с отвратительными трусами какой-то цыпочки на полу, и везу его в спортзал.

— Эйвери, — приветствует меня Итан улыбкой, когда я вхожу в спортзал. — Взгляни!

Он делает свой коронный трюк — отжимание на одной руке, и я изо всех сил пытаюсь улыбнуться и сделать вид, что впечатлена. На самом деле, это не так.

— Здорово, — говорю я и привычно иду к своей скамейке. Я машу ему его толстовкой и сажусь.

— Я дошел до пятнадцати, — улыбается Итан, вскакивая на ноги. Он хватает полотенце, вытирает пот с лица и подходит ко мне. — Спасибо, что забрала мой худи, ты лучшая.

Я протягиваю руку, беру его бутылку воды и подаю ее ему. У нас это вошло уже в привычку.

— Без проблем, — вру я и в который раз проверяю телефон. — Как долго ты планируешь оставаться сегодня вечером?

— У тебя на сегодня планы? — спрашивает Итан, не ответив мне.

Я киваю, бросая на него взгляд.

— Да, мне надо учиться, — мне всегда нужно учиться.

— Учись, пока я заканчиваю. Потом мы можем перекусить чего-нибудь.

Я стою гримасу, и он смеется. Ненавижу учиться здесь. Здесь воняет, шумно и отвлекает. И неважно, как сильно я стараюсь, мне просто неудобно. Итан предположительно должен тренироваться, но такое чувство, что он все время следит за мной, особенно когда я пытаюсь сосредоточиться на какой-нибудь книге в ноутбуке. А когда я вставляю наушники, чтобы заглушить шум, клянусь, он разговаривает обо мне со своими друзьями, которые крутятся поблизости, как фанаты.

Итан кладет свою руку мне на плечо и немного сжимает его. Я закусываю губу, чтобы удержаться и не шлепнуть его по рукам.

— Знаешь, я мог бы закончить пораньше ради тебя.

— Оу? — спрашиваю я, вероятно, слишком нетерпеливо.

— Да, — говорит Итан, и его губы медленно растягиваются в улыбке. — Ты можешь готовиться к занятиям у меня. Мы можем взять еду на вынос и поиграть в «Охотников на бешеных зомби». Здорово звучит?

Я хмурюсь на него и качаю головой. Прежде, чем я успеваю хотя бы сказать ему, что не хочу тусоваться с ним, он расстраивается. Его лицо краснеет, а брови сводятся вместе.

— Почему нет? Мы больше не тусим вместе.

Я вздыхаю:

— Я устала от работы и учебы.

— Я слишком сильно тебя загружаю? — спрашивает он, его рука сжимает мое плечо. — Тебе нужны дополнительные выходные?

— Нет, — я хмурюсь. Черт, терпеть не могу, когда он так делает. Он каким-то образом все переворачивает так, что я чувствую себя идиоткой. — Это всего лишь учеба. Учеба трудна и утомительна.

Лицо Итана смягчается.

— Может быть, тебе следует немного отдохнуть от учебы.

— Я не могу.

— Почему нет? Я даже не знаю, почему ты волнуешься из-за учебы. Ты зря тратишь деньги и время.

— Я зря трачу деньги и время? — повторяю я в недоумении.

Итан кивает.

— Да. Ты зря тратишь деньги и время. Тебе не нужно ходить на занятия, тебе не нужна степень. Ты же знаешь, что я всегда о тебе позабочусь.

О, черт, нет, я не могу сейчас это сделать. Я тянусь к Итану и хватаю его руку, отпихивая ее.

— Что ты делаешь? — спрашивает он.

Я стискиваю зубы и с шипением произношу:

— Мне нужно идти.

Глаза Итана сужаются, и вместо того, чтобы отпустить меня, он опускает левую руку на мое правое плечо, заставляя меня сесть.

— Почему? Почему ты так злишься? Черт. Что я сделал на этот раз?

Я пытаюсь встать, но Итан опускает меня на стул.

— Убери от меня руки, — требую я.

Итан наклоняется, его разозленное лицо оказывается прямо перед моим лицом.

— Прекрати устраивать сцены.

Я фыркаю, не заботясь о том, что это может кто-то заметить. На меня он это не повесит.

— Ты единственный, кто устраивает сцены. Пусти меня.

Итан рычит и сжимает руками мои плечи.

— Черт, Эйв, что я должен сделать? Как еще мне достучаться до тебя?

От его слов и от того, как он смотрит на меня, у меня кровь в жилах стынет. Он хочет признаться, что любит меня или что-то вроде того? Или что еще похуже?

Меня спасает телефон. Он начинает громко звонить и вибрировать у меня в кармане. Итан хмурится, но потом его губы изгибаются в улыбке изумления.

Он еще раз сжимает мои плечи, затем приказывает мне:

— Ответь на звонок.

Я бросаю взгляд на Итана.

— Дай мне встать.

Его руки взлетают в воздух, и он делает шаг назад, все еще ухмыляясь. Я встаю и достаю телефон из недр переднего кармана моих узких джинсов.

— Алло? — спрашиваю я, прижимая телефон к уху. Наверное, я по глупости перенаправила звонок на голосовую почту, но если отвечу, это позволит мне найти выход из ситуации, в которую поставил меня Итан. Это ситуация, с которой я не хочу иметь дело сейчас.

— Привет, скажи Итану, все идет как по маслу. Четверо против одного в шесть. Я перезвоню, когда все будет сделано, — говорит глубокий мужской голос на другом конце.

Что это было за сообщение?

— Кто это? — спрашиваю я. — От кого мне передать это сообщение?

После щелчка послышались гудки.

Я смотрю на Итана. Что за черт?

Он только продолжает улыбаться.

— Ну?

— Они сказали передать тебе, что все идет как по маслу, четверо против одного в шесть, — говорю я, внимательно наблюдая за его реакцией.

Он, кажется, приободряется.

— Отлично. Просто отлично.

— Что отлично?

Итан качает головой и отворачивается от меня. Он уходит, как будто забыв, что рассержен на меня, и бросает через плечо:

— Побудь здесь еще какое-то время.

Эта неделя была для меня очень трудной не только по части тренировок, но также потому, что приходилось постоянно быть сосредоточенным на всем, что касалось этого матча. Я хочу сосредоточиться на каждой мелкой детали, это то, чего я обычно не делаю. Обычно я предоставляю Дэйлу улаживать многие детали с боями. Не случайно он мой менеджер, мне никогда не нравилась эта сторона бизнеса. Я не люблю составлять расписание для интервью, взвешиваться перед соревнованиями и всю эту прочую ерунду, которая нужна только для вида. Я здесь, чтобы драться и приложить все усилия, чтобы заработать много денег. Каждый пенни идет в банк. Может быть, у меня есть пара безделушек, но я серьезно экономлю на тот случай, когда больше не смогу зарабатывать деньги боями.

Больше никогда не драться... Говорить, что я когда-то собираюсь не драться, странное и чужое чувство. Это то, чем я занимаюсь, это как сделки с недвижимостью у моего отца, это у меня в крови. Я люблю этот вид спорта всем сердцем и, черт возьми, всей душой. Я люблю все, что его касается. Я люблю тренировки, я люблю учить новичков в этом спорте, и я люблю учить детей. Я не люблю проигрывать, но это тоже часть спорта, и я стараюсь усилить это с другими парнями, так, чтобы они не перестали стараться изо всех сил после поражения.

Но я устал, и я полностью осознаю, что приближаюсь к тому возрасту, когда будут считать, что мое время уже ушло. Я дрался долгое время и горжусь тем, как далеко я зашел, но, наверное, я уже готов завершить все это. Я думаю об этом почти так же много, как об Эйвери.

Я распахиваю заднюю дверь спортзала и закидываю на плечо сумку. Солнце еще не село, и я не вижу на небе ни облака. Будет еще одна прекрасная ночь. Думаю, я пойду домой и буду наслаждаться тишиной в абсолютном гребаном одиночестве.

Абсолютное гребаное одиночество — как раз сейчас я ненавижу эти слова.

— Эй, Жнец! — кто-то кричит мне в спину. Обернувшись, я вижу четырех парней, быстро приближающихся ко мне.

Я даже не удосуживаюсь вопросительно поднять руки, это один из тех моментов, когда я смотрю в чьи-то глаза и просто знаю, что они идут за мной. Уже ничто не имеет никакого значения. Я реву: «Дэйл!», — как можно громче, прежде чем поднимаю руку, чтобы отразить удар парня номер один. Я блокирую этот удар, за ним второй, который он обрушивает на меня.

Удары же другого парня я заблокировать не могу.

Я съезживаюсь всем телом и поворачиваюсь в сторону, пытаюсь ограничить доступ к моему телу. Я поднимаю руки в классическом боксерском блоке и даю задний ход, стараясь как можно быстрее добраться до стены. Если они окружают меня, мне конец, черт возьми.

Достаточно того, что против меня одного четверо их, жалких придурков. Ни один из них не смог повалить меня сам. А теперь я вижу блеск лезвия, сверкающего при свете. Охренеть, только этого мне сейчас и не хватало. Мало того, что их больше, один из этих придурков еще и нож принес на это гребаное шоу.

— А, так вы вроде как подготовились? Ну, парень с ножом, ты первый, — говорю я, двигаясь к панку. Я ору: — Дэйл! — в последний раз, прежде чем парень нападает на меня.

Увернувшись в сторону, я осторожно уклоняюсь от резкого удара ножом в последний момент исключительно благодаря удаче. Seriously, это было гребаное чудо. Затем я резко взмахиваю кулаком и жестко ударяю по голове панка. Хотя вряд ли это причинило ему вред, должно быть, у него есть кое-какой боксерский опыт. Он отступает от меня и перекидывает нож в другую руку.

Время, кажется, замедляется, когда я сосредотачиваюсь на лезвии, приближающимся ко мне, пока его друзья все одновременно пытаются нанести мне удары. Удар приходится мне в голову и, слава Богу, нож пролетает мимо меня. Но что практически сбивает меня с ног, это жесткий удар под ребра, от чего у меня перехватывает дыхание. Черт, кто-то достаточно сильно бьет меня, и это на самом деле чертовски больно.

— Что за черт?! — слышу я, заметив, как они отступают для следующей атаки. Затем я вижу, как придурковатый парень с ножом пролетает мимо меня, и слышу противный глухой звук, когда его голова ударяется о стену. Остальных быстро оттесняют в сторону от меня, когда Дэйл и напоминающие армию полураздетые парни вылетают из дверей спортзала.

— Кто-нибудь, вызовите копов! — я слышу крик, в то время как толпа парней окружает четверых бандитов.

— Что за черт? — ору я на них, медленно подбираясь к первому парню, который пытался ударить меня. Парень с ножом, совершенно ошеломлённый, лежит там, растянувшись на земле у гребаной стены.

Подняв руки, другие парни пытаются проскользнуть мимо нас, но ничего не выходит. Некоторые парни из спортзала абсолютно не выносят друг друга, но мы что-то вроде клуба, в котором только свои, и они не намерены позволять кому-то доставать хотя бы одного из нас.

— Пора занять места, джентльмены, — говорит старик, заходя в толпу. У него в руках деревянная бейсбольная бита, и он выглядит так, будто решил использовать ее прямо сейчас, и не важно, решат ли панки слоняться здесь и дальше или нет.

— Чейз, нам нужно осмотреть твое ребро, — говорит Дэйл, тыча меня в бок.

Я морщусь и опускаю руки, так немного легче дышать и не так больно. Черт меня побери! Оно, черт возьми, сломано, я знаю это. Со мной уже такое было, и из-за этого я выбыл из матча. Черт!

— Не. Я в порядке, — говорю я с улыбкой. Даже это доставляет боль.

— Нет, не в порядке. У тебя ребра как минимум сломаны, посмотри, ты едва не... — рычит он.

— Дэйл, я в порядке, — спокойно говорю я.

— Но...

— Никаких «но», Дэйл, я в порядке. Я дерусь завтра, как мы и планировали. Все нормально.

Вот все, что я скажу. Я знаю, он не хочет, чтобы я дрался, но я дрался и с травмами посерьезнее. Обычно это просто означает, то я не скоро снова буду биться. Хотя со сломанным ребром я никогда этого не делал. Это все усложнит. Мне нужно дышать, чтобы драться, а как раз сейчас просто дышать болезненная и трудная задача.

— Что, если...

Я снова качаю головой. Я не собираюсь отказываться от своих планов. Я буду участвовать в бое, а затем сделаю объявление. Вот и все. После этого я поеду к Эйвери и буду ночевать у нее под дверью, пока она меня не простит.

— Черт! — издаю я стон, доставая разбитый сотовый телефон из кармана своей толстовки. В нем был номер телефона Эйвери.

Сегодня день важного боя. День большого реванша между Чейзом и Итаном. Я не могу вынести даже мысли о том, что мне придется на это смотреть.

Не то, чтобы меня до сих пор волнует, что они собираются причинить друг другу сильную физическую боль. Я знаю, они оба этого хотят. Наблюдая за тренировками их обоих, я пришла к выводу, что они оба в какой-то степени одержимы всем этим. А Итан, он знает, на что идет в этот раз, поэтому если он хочет, чтобы ему снова надрали задницу, это его дело. Он так хочет этого, что практически умолял о реванше.

Я просто боюсь снова увидеть Чейза.

Я боюсь увидеть его красивое лицо. Боюсь почувствовать сильное желание и одержимость, которую он вызывает во мне. Желание, волна страсти. Слишком много желания.

Я до сих пор чувствую его запах — он пах мускусом и чем-то сладким. Я чувствую его присутствие в своей квартире, хотя с тех пор, как я видела его в последний раз, прошло уже шесть долгих недель в одиночества. Себастьян мяукает у двери каждую ночь, напоминая мне. Это почти пытка — не прикасаться к Чейзу.

Когда я выгнала его, он забрал с собой частичку меня.

Каждый день я понемногу умираю. Умираю без Чейза. Умираю, пока я работаю на Итана. Ощущаю себя так, будто моя душа увядает.

Я облажалась и не знаю, как это исправить. Или, может быть, я знаю, как это исправить, но сейчас я просто, черт возьми, боюсь. Я трусиха.

Я проверяю телефон. Еще раннее утро. Единственная работа у Итана для меня — ринг. Он хочет, чтобы, как и раньше, я была с ним, разодетая как его талисман. Одета в короткую юбку и лифчик вместо рубашки, так чтобы он мог водить меня по кругу, как будто я его спутница. Я не могу сделать этого. Я не поступлю так с Чейзом.

У меня есть одежда и билеты, но я планирую сегодня остаться дома.

Я набрала продуктов, и сейчас на мне моя любимая мягкая уютная пижама. Я иду на кухню и сегодняшним утром собираюсь приготовить себе настоящий завтрак.

Когда я достаю бекон и яйца, возникает внезапная легкая боль.

Я захожу на вебсайт и проверяю информацию о вечерней драке. Я буду обновлять страницу всю ночь, чтобы увидеть результаты. Даже если я зарабатываю втрое больше, чем раньше, я все равно не смогла заставить себя потратиться на кабельное телевидение. На вебсайте вся информация о бое дается в прямой трансляции. Слава Богу! Я включаю прямую трансляцию и кладу свой телефон на стол, пока занимаюсь готовкой.

О вечерней дуэли говорят два комментатора. Они предоставляют данные как об Итане, так и о Чейзе. И даже несмотря на то, что Чейз выиграл последний матч, они не могут согласиться, так как предполагают, кто же победит в сегодняшней схватке. Затем они говорят о том, что случилось прошлым вечером с Чейзом. Один из комментаторов убежден, что Чейз проиграет сегодня, потому что прошли слухи, что он был ранен после нападения четырех вооруженных человек прошлым вечером.

Четверо вооруженных человек напали на него у его спортзала! Черт побери!

Оставив сковороду на плите, я бегу к телефону, хватаю его и немедленно отправляю Чейзу сообщение.

Я: Ты в порядке???

Я жду и жду его ответа. Бекон начинает подгорать. Мне нужно бросить телефон, так как индикатор дыма срабатывает.

Черт.

Я хватаю сковороду с подгоревшим беконом с плиты и выбрасываю ее в раковину. Сигнал, наконец, перестает пищать, после того, как я открываю все окна и размахиваю веником перед датчиком дыма. Я снова проверяю телефон. Чейз все еще не ответил мне.

Может быть, он меня заблокировал.

Я ищу в интернете информацию о Чейзе. Я просматриваю новости о нападении на него. Прошлым вечером были арестованы четверо преступников, а Чейз остался невредимым. Затем меня осеняет. Я читаю все подробности, и одна из статей датирует нападение около шести прошлым вечером.

Четверо на одного в шесть? Неужели Итан подставил Чейза?

Я отправляю сообщение Итану.

Я: Нам нужно поговорить!

Итан почти сразу же отвечает мне.

Итан: Встретимся сегодня вечером на ринге.

Я: Нет, нам нужно поговорить сейчас.

Итан: Не могу. Я занят. Если хочешь поговорить, ты знаешь, где меня найти.

Я знаю, он не занят вовсе. Вероятно, он тусуется со своей компанией друзей и празднует предстоящую победу. Теперь, когда он знает, что мне от него что-то нужно, он решает мной манипулировать.

— Придурок гребаный, — с шипением произношу я сквозь зубы.

Себастьян смотрит на меня понимающим взглядом и мяукает, будто соглашаясь со мной.

Это был он. Я знаю, что это сделал он. Четверо против одного в шесть. Когда я отправила то сообщение Итану, он казался таким чертовски самодовольным и довольным. Итан так хочет победить, что подставил Чейза. На что он надеется? Причинить ему достаточный вред, чтобы он не смог драться? Нет, Итан хочет с ним драться, он обеспокоен и раздражен из-за трехмесячной отсрочки. Если это сделал он, то хотел навредить Чейзу. Он сделал это, чтобы обеспечить себе преимущество.

Если бы он сделал это, я бы сама просто надрала ему задницу, прежде чем у него появился хотя бы малейший шанс войти в клетку.

Весь день я была как на иголках. Весь день я думала о том, что сказать Итану. Если бы я не думала об Итане, я бы думала о том, что мне делать, если столкнусь с Чейзом. Часть меня на самом деле надеется, что мы встретимся друг с другом. Даже если всего лишь на минуту.

Я подъезжаю к парковке позади спортивного комплекса, и мое сердце делает сальто, когда я вижу черную «Импалу» Чейза, припаркованную в дальнем углу.

Если я столкнусь с Чейзом, заговорит ли он со мной? Я этого не заслуживаю. Я не заслуживаю его внимания. Да кого я обманываю? Вероятно, он уже вычеркнул меня из своей

жизни. Я слышала, как друзья Итана раньше с завистью обсуждали, как боксеры так легко находят себе хорошеньких девушек. Что, если он приехал с девушкой? Боже мой, я думаю, меня это убьет.

Я лечу к входу, и вышибала, стоящий у дверей, осматривает меня с ног до головы, окидывая меня критическим хмурым взглядом. Я одета достаточно скромно и не выгляжу официально. У меня есть VIP-билет и место в первом ряду, но я решила не надевать одежду, которую выбрал Итан. Я выбрала майку-топ черного цвета со скромным вырезом и обтягивающие, подчеркивающие зад джинсы. Подсознательно я знаю, что выбрала этот наряд, потому что Чейзу на самом деле нравится, когда на мне джинсы.

Чейз.

Весь день мои мысли вились вокруг Чейза. Ему больно? Скучает ли он по мне? Я пережила последние несколько недель, изо всех сил пытаюсь не думать о нем. Я заперла все воспоминания только ради выживания. Я убедила свое сердце, что то, что у нас было, всего лишь мимолетная интрижка... что-то вроде юношеской влюбленности, которой не должно было быть. Он предложил мне все, а я прогнала его. Я глупая дура. Теперь я это знаю. Я это понимаю. Я это признаю.

Жаль, что я обвинила его в попытке контролировать меня.

После того, как вышибала решает, что легче пропустить меня, чем прогнать, крики парней и громкая музыка ведут меня на вечеринку Итана по случаю ответного матча. Я проталкиваюсь через толпу. Я ищу Итана, но мне не нужно его искать. Он ждет меня. Он появляется из ниоткуда и кладет мне руку на плечо.

— Привет, рад, что ты решила прийти, — улыбается Итан, но прищуривает свои светло-голубые глаза, когда замечает мой топ и джинсы.

— Нам нужно поговорить, — спокойно говорю я. На нас смотрят. Комната забита до отказа, парни и девушки стоят локоть к локтю. Для такого небольшого места здесь слишком много людей, как по мне, слишком шумно и душно. — Мы можем поговорить где-нибудь наедине?

— Конечно, — кивает Итан с улыбкой. Сжимая крепче мое плечо, он ведет меня сквозь толпу в коридор.

— Как насчет того, чтобы поговорить здесь? — спрашивает Итан, толкая меня в темный угол.

Не совсем наедине, как хотелось бы, но все же, если он снова попытается причинить мне боль, кто-нибудь обязательно увидит.

— Сойдет, — говорю я ему и скрещиваю руки на груди.

Забавно, теперь, когда я смотрю на него, я не такая смелая, как представляла.

— Так, о чем ты хочешь поговорить, Эйв? — спрашивает Итан. Его светло-голубые глаза излучают жар, медленно шаря вверх и вниз по моему телу.

Я делаю глубокий вздох, затем спрашиваю:

— Что значит четверо на одного в шесть?

Взгляд Итана останавливается на моих губах. Кажется, он несколько не обеспокоен вопросом. Нет, к несчастью, кажется, его гораздо больше интересую я.

— А как ты думаешь, что это значит?

Я отстраняюсь назад в угол, создавая пространство между нами, и шепчу:

— Я думаю, это значит, что ты нанял нескольких парней, чтобы насолить Жнецу.

Итан хмурит брови и делает шаг ко мне, заполняя пространство.

— Какое тебе вообще до этого дело? Ты об этом пришла сюда поговорить со мной?

— Отойди от меня, — с шипением произношу я и толкаю его в грудь.

— Почему, Эйвери? — сердито спрашивает Итан. — К чему играть в эти игры? Я достаточно долго тебя ждал.

— Какие игры? — спрашиваю я Итана. От моего толчка он даже с места не сдвинулся. Этот придурок весит тонну.

Итан прижимается ко мне. Мне приходится прикусить язык, чтобы удержаться от крика возмущения.

Это совсем не то, чего я ожидала. Даже наоборот, я ожидала, что он, возможно, снова разозлится на меня и попытается толкнуть меня об стену.

— Я ждал тебя. Я думал, что подожду, пока ты не закончишь колледж, затем попрошу тебя выйти за меня замуж. Я думал, что теперь я забуду обо всех этих вечеринках, и мы поселимся вместе и будем счастливы. Но я не могу больше ждать. Ты нужна мне сейчас, Эйвери.

Итан целует меня. Его рот накрывает мой и облизывает мои губы и подбородок. Языком он пытается проникнуть внутрь, но я крепко сжимаю губы вместе, готовая укусить, если его язык проникнет в мой рот.

Я сильно толкаю его в грудь и, когда он не останавливается, когда он даже с места не сдвигается, я сжимаю руки в кулаки и начинаю колотить по нему. Итан стонет. Я пытаюсь поднять колени. Должно быть, он чувствует это. С сердитым рычанием он хватается за лицо и прекращает попытки меня поцеловать.

— Почему ты продолжаешь бороться с тем, что между нами? Неужели ты не чувствуешь, как я тебя хочу?

— Боже мой, Итан, — задыхаясь, говорю я и снова толкаю его, пока он третью своей нижней частью о молнию на моих джинсах. — Отвали от меня или я закричу.

— Я люблю тебя, Эйвери. Я люблю тебя, черт возьми, — говорит Итан. Я не сомневаюсь, что он честно в это верит.

— Ты делаешь мне больно, — хнычу я. Его руки сильно сжимают лицо с одной стороны, пальцы запутались в моих волосах. Дергают меня так сильно, что будут синяки. Я чувствую, как слезы обжигают глаза.

— Черт, прости, — извиняется Итан и ослабляет хватку.

Я не могу не съежиться, когда он начинает покрывать поцелуями мои щеки. Как будто его поцелуи могут облегчить боль, которую он только что причинил.

— Прекрати прикасаться ко мне. Пожалуйста, — прошу я. Гнев, ярость превратились во что-то еще. Во что-то холодное и печальное. Маленькое и болезненное. Как мы дошли до этого? Неужели это я сделала?

Итан отклоняется назад, и его светло-голубые глаза сверкают.

— Ты такая чертова сука. Всегда такая неблагодарная. Я столько для тебя сделал. Я доказал тебе, на что способен. И вот как ты мне платишь?

— Плачу? Я не знала, что ты ведешь счет. Ты всегда говорил мне не беспокоиться об этом.

— Ну, тогда я планировал попросить тебя выйти за меня. Теперь я вижу, что ты недостаточно хороша, чтобы быть моей женой. Тебе просто придется заплатить.

Он опускает руку и с силой пихает ее между моих бедер, не отпуская меня из рук.

Нет, я этого не делала. Он просто мудака. Самовлюбленный мудака, который всегда имел

скрытые намерения. И я сыта им по горло.

Все внутри меня восстает, когда он прикасается ко мне. Я поднимаю подбородок вверх с напускной храбростью, на какую только способна, и предупреждаю его:

— Убери от меня свои гребаные руки или я закричу.

Чтобы показать, что не шучу, я повышаю голос и кричу:

— Я, черт возьми, не шучу, Итан!

— Чертова сука, — вопит Итан и отскакивает назад. — Клянусь, если ты кому-нибудь расскажешь...

Я злюсь от его взгляда, когда он смотрит на меня, как будто я какое-то ничтожество. Что-то, что он скорее раздавил бы.

— Рассказать что? Что ты просто домогаешься меня в коридоре? — бросаю я ему вызов. Я его не боюсь. Нет, с каждой секундой, когда он рядом со мной, с каждой секундой, когда он смотрит на меня, как будто я никто, как будто он по-настоящему верит, что он — все, о чем я только могла желать, мне кажется, что я раздуюсь от растущей уверенности. — Или что ты жульничал? Что нанял четырех бандитов, чтобы помешать своему противнику?

— Ты не докажешь этого, — говорит он мне с ухмылкой и уверенно скрещивает свои огромные руки на груди.

Я знала, знала, мать твою, что это он сделал.

— Может быть, — блефую я, и его ухмылка становится еще самодовольнее. Это просто выводит меня из себя. Я выпрямляюсь, отойдя от стены, и перебрасываю волосы назад через плечо. — Но мне и не нужно. Это не имеет значения. Задницу тебе все равно надерут.

Итан хохочет и качает головой. Теперь я просто знаю, что должна остаться, захочет ли Чейз видеть меня или нет, просто чтобы посмотреть матч.

— Черт возьми, иди домой, Эйвери. Тебе здесь не место. И не появляйся в офисе в понедельник. Все кончено, сука.

Вот так, шесть лет дружбы закончились в темном вонючем коридоре, и никто благородием не отличился, а я даже не расстраиваюсь из-за этого. Итан отворачивается от меня. Он вышагивает прочь, будто он крутой парень и прекрасно знает об этом.

И нет, я все равно не расстраиваюсь, ни капельки. Нет, я чувствую себя свободной. Я чувствую, как будто гора с плеч упала. Сто фунтов блондинистого веса долой, и мне даже все равно, что он назвал меня сукой. Хорошо, наконец, увидеть его в истинном свете. Хорошо осознавать, что я не была ненормальной, и все мои подозрения были оправданы.

Я смотрю, как Итан уходит, и все, что чувствую, это... свобода.

— Привет, Чейз, — говорит Миранда, наш доктор, заходя в раздевалку. Она улыбается Дэйлу, и он тут же улыбается в ответ. Они прекрасная пара. Когда я верну Эйвери, возможно, мы сходим на двойное свидание.

— Док, как дела? — спрашиваю я и встаю. Она здесь для медицинского осмотра. Будет... весело. Да, весело.

— Хорошо, Чейз, давай осмотрим тебя.

Она не просто ощупывает мои яйца и заставляет меня кашлять, из-за чего мне не по себе, она начинает заставлять меня сгибаться и поворачиваться, чтобы проверить мою подвижность, которая чертовски хромает. Мне больно, и честно говоря, это все, что я могу сделать, чтобы не открыть истину.

Я улыбаюсь, несмотря на все это, и посылаю Дэйлу ухмылку Жнеца. Он только качает головой. Может быть, дока я и могу обмануть, но он-то знает правду.

Я почти ничего не вижу после того, как выхожу из раздевалки, да мне и не нужно. Я сосредотачиваюсь на точке как раз за оператором, который пятится передо мной. Я готов и буду сегодня драться.

И так же все было на протяжении последних десяти лет.

Я прохожу через толпу и вижу знакомую черноволосую красотку в первом ряду, когда я пробираюсь вниз по длинному проходу по всем этим рядам. Все места в спортивном комплексе сегодня распроданы, занято около тридцати тысяч мест. Вечер обещает быть хорошим. Я бегу мимо оператора и пробираюсь к Эйвери, даже сквозь толпу, окружающую ее, кричащую и протягивающую ко мне руки.

Наклонившись, я кричу ей в ухо:

— Я люблю тебя!

— Я тоже тебя люблю! — ей приходится кричать мне в ухо, чтобы я услышал ее сквозь шум людей, обступивших нас. — Итан послал вчера парней, чтобы избить тебя.

— Что? — ору я и отступаю, чтобы посмотреть ей в лицо.

Она качает головой и подвигается ближе:

— Он пытался причинить тебе вред.

Не знаю, какие эмоции отражаются на моем лице, но какие бы они ни были, Эйвери дрожит, когда я ухмыляюсь. Эту ухмылку я показываю каждому противнику перед боем. По этой причине я и получил свое прозвище Жнец. Каждый раз, когда я дерусь, как раз перед самым началом, я натягиваю эту широкую ухмылку. Черт возьми, я просто ничего не могу с этим поделать. Какой-то диктор на телевидении сказал, что я выглядел как жестокий жнец с этой улыбкой, и это прозвище прилипло ко мне.

Я киваю головой и, повернувшись к клетке, вижу Дэйла, поднимающего бровь при виде меня. Я подзываю его ближе, пока мои перчатки проверяют в последний раз, когда я встаю на самый край.

Нагнувшись, я говорю ему на ухо:

— Тех головорезов за мной послал Итан.

Его глаза округляются, когда он смотрит на меня, потом на Итана.

— Черт возьми, ты серьезно? — вопит он.

Кивая головой, я делаю шаг назад и наклоняюсь к нашему секунданту по обработке ран, Джеймсу. Он намазывает желе над моей бровью и кивает мне головой. Я могу идти.

Дэйл выглядит так, будто у него какие-то серьезные проблемы, но я качаю головой:

— Пора поработать.

Кивая, Дэйл делает шаг назад и обходит клетку с моей стороны. Выражение его лица не сулит ничего хорошего. Хотя с комиссаром он будет говорить не обо мне.

Все это теперь не имеет значения.

— Леди и джентльмены! Пришло время для главного события вечера! — кричит в микрофон ведущий на ринге.

Его голос постепенно уходит на задний фон, когда я иду к середине ринга. Итан неторопливо вышагивает туда, где стоим я и судья.

Испытав перчатки, мы расходимся по нашим сторонам.

Я пялюсь на Итана через весь ринг. Он самодовольно улыбается и скачет в своем углу, похоже, он выпендривается перед толпой. Чертов мудака. Это не развлекательное шоу о боевых единоборствах, это соревнование по борьбе, настоящий спорт, и я собираюсь преподать ему гребаный полезный урок сегодняшним вечером.

Мы срываемся из своих углов по хлопку судьи.

Мы оба обрушиваем шквал ударов и пинков друг на друга. Думаю, я больше, чем он, но в данный момент все, что я могу сделать, — блокировать и наносить удары, блокировать и пинать.

У меня чертовски болят ребра, и мне кажется, что никак не могу набрать побольше гребаного воздуха в легкие. Хотя это хорошо, потому что в тот момент, когда у меня появляется возможность, я делаю выпад и скручиваю его, и мы вместе обрушиваемся на пол.

Я наваливаюсь всем телом на него, но мне не удается использовать преимущество углового положения, чтобы ударить так сильно, как я хочу.

Я отстраняюсь и поднимаюсь. Ухмыляясь, я делаю ему знак рукой, чтобы он поднялся, так как я отступаю.

Он выглядит неуверенным. Хорошо. Именно этого я и хочу. Я хочу, чтобы он беспокоился о том, почему я, черт возьми, хочу схватиться с ним врукопашную.

Он нападает на меня, и я блокирую удар, прежде чем снова повалить его на пол. Именно это я делаю оставшуюся часть раунда. Я роняю его и наношу удары до тех пор, пока не могу точно попадать, затем встаю. Я слышу толпу, когда я это делаю, некоторые кричат, но, кажется, многие уже устали от игр, в которые я играю с Итаном.

Раздается громкий сигнал, и я отступаю.

Я иду к своему углу ринга, съезжаю по цепи клетки до тех пор, пока не сажусь на свой стул. Дэйл садится на корточки передо мной и смотрит мне в глаза:

— Черт возьми, ты играешь с ним? — спрашивает он недоверчиво.

Я думаю, моя самодовольная ухмылка вполне сойдет за ответ.

Он наклоняется и хватает тряпку, глядя на пол, когда спрашивает:

— Как ребра?

— Чертовски болят и постоянно напоминают о себе, — рычу я.

— Думаешь, она сказала правду?

Кивая, я делаю большой глоток воды из бутылки.

— Да, я совершенно чертовски уверен в этом. Мы должны рассказать копам и комиссии об этом.

— После боя?

— Ага.

— Собираешься наказать его?

Я улыбаюсь и встаю. Собираюсь ли я наказать его? Черт побери, да.

Судья подает нам обоим знак рукой и убеждается, что мы готовы.

Я киваю, затем встречаюсь взглядом с Итаном. Подмигнув ему, я широко улыбаюсь и жду сигнала. Боль в ребрах не дает дышать, как будто огонь горит в груди. Черт возьми, я не могу вздрогнуть или показать это, если я сделаю это, то облажаюсь.

Итан летит на меня через весь ринг, его лицо перекошено от ярости. С кулаками и ногами он пытается пробиться через мою защиту.

Думаю, я его разозлил, по моим подсчетам первый раунд выиграл я.

Он наносит по-настоящему сильный удар в бок, где болят ребра, затем, в следующий момент, обрушивает еще один удар в здоровый бок. Я морщусь и беру его в захват, пытаюсь повалить на пол.

Я более чем уверен, что он видит, как я морщусь, но он начинает бить в здоровый бок. Спасибо гребаным богам за мат, придурок думает, что у меня болит здоровый бок. Я скольжу по его телу, когда он пускает в ход ноги, пытаюсь достать до моего подбородка.

Черт возьми, я не могу позволить ему обхватить своими гребаными руками мой затылок. Черт. Он пытается испробовать на мне удушающий захват треугольником и я, задыхаюсь, пытаюсь вывернуться, но чувствую, как мои чертовы ребра вопят от боли.

Это резкая боль, и за его попытками усилить хватку я чувствую, как пояс затягивается вокруг моей груди. Каждый сделанный мной вдох кажется слабее, чем предыдущий.

У меня такое чувство, будто я медленно задыхаюсь.

— А! — ору я ухмыляющемуся маленькому придурку Итану. Мне больно, и я знаю это, а он только усиливает ее, когда я безрезультатно бью кулаками в его ребра.

Мое боковое зрение становится неясным. Я, правда, начинаю отступать назад, но это лишь доказывает, что я попал как распоследний идиот.

Не могу. Дышать. Черт побери.

Вот черт. Мои ноги медленно подгибаются.

Как только темнота поглощает меня, я точно знаю, что это движение слишком трудно сделать, и действительно нет никакого способа нанести встречный удар. Я не знаю, где этот придурок этому научился, но это движение реально.

Я не могу освободиться и проиграю этой гребаной кучке человеческого дерьма.

Нет.

Я медленно начинаю подниматься, использую всю силу в моем разбитом теле, которая у меня еще осталась.

Я хочу этого, я хочу победить.

Мне все равно, убьет это меня или нет, я сломаю этого кретина.

Я больше не слышу толпу или крики наших тренеров. Я слышу, как кровь стучит в голове, сейчас или никогда.

Поднимаясь, я чувствую, что он все еще пытается моей же собственной рукой задушить

поднята.

Я отхожу от него, а толпа молчит почти целую минуту. Всё кажется почти нереальным, когда я оглядываю ринг и вижу ошеломленного Итана, уставившегося на меня. Черт, кажется, все вокруг меня пребывают в недоумении, кроме посмеивающегося Дэйла. Только он и мой отец знали, я сказал им, как только решил это.

Как только я выхожу из клетки, я ищу, где сидит моя Черноволоска. Ее глаза опухшие, а щеки мокрые от слез. Она переплетает пальцы под подбородком с выражением облегчения на лице. Шагая к ней, я вытягиваю руку.

Теперь толпа аплодирует и приветственно кричит. Я не знаю, потому ли, что я ухожу из спорта, или просто потому, что они не знают, как еще реагировать.

Эйвери берет меня за руку, и я тяну ее к ограждению. Я поднимаю ее за подмышки и перекидываю через него. Не отпуская ее, поворачиваюсь к выходу и шагаю с арены с ней на руках.

Я наклоняюсь и шепчу ей на ухо.

— Я больше не буду ждать. Теперь ты моя, на все остальное мне наплевать. Я хочу, чтобы ты всегда была моей.

С тех пор, как я была с Чейзом в последний раз, прошло столько времени, я не могу перестать прикасаться к нему.

После того, как он пронес меня сквозь кричащую толпу, мы возвращаемся в его комнату, где доктор осматривает его. Это тот же самый доктор, который осматривал мою голову после того, как Итан толкнул меня об стену. Она кажется немного расстроенной, потому что с ребрами Чейза что-то не так. Она хочет, чтобы он поехал в больницу и сделал рентген. А в это время он выпивает немного тайленола и перекидывается парой слов со своим тренером, пока ему обрабатывают небольшие порезы и царапины.

Я ближе прижимаюсь к Чейзу.

Я касаюсь его руки, когда могу и когда не могу, я нежно провожу кончиками пальцев по его спине. Кажется, ему нравится, что я рядом, нравится быть уверенным, что я постоянно нахожусь рядом с ним. В его глазах появляется какая-то иная страсть, когда он смотрит на меня, а он много смотрит на меня, даже когда кому-то еще необходимо его внимание.

Даже когда его лицо не обращено ко мне, у меня такое чувство, что он наблюдает за мной краем глаза. Может быть, он боится, что я сбегу? Или, может быть, он хочет, чтобы я попыталась сделать это, тогда он сможет доказать свою правоту.

Когда он выносил меня, то сказал мне, что не будет больше ждать меня и что хочет, чтобы я была с ним навсегда. Я беспокойно ерзаю, ожидая, пока все уйдут. Нам нужно поговорить. Мне нужно знать, что означает «навсегда».

Бой был ожесточённым. Сейчас Чейз выглядит гораздо хуже, чем в прошлый раз. Мне не нравится его прерывистое поверхностное дыхание. Я беспокоюсь за него. Когда все заканчивают свою работу, и он готов идти, вместо разговора я решаю, что будет лучше, если я отвезу его в больницу. Он кажется таким уставшим, сейчас достаточно просто быть с ним рядом.

В больнице подтверждают, что у Чейза сломано несколько ребер. Они мало что могут сделать, по-видимому, они даже повязку наложить не могут, потому что это может вызвать осложнения. Ему советуют беречься несколько недель и принимать тайленол от боли. Теперь, когда у меня нет работы, я планирую посвятить все свое время заботе о нем, пока ему не станет лучше. Теперь, когда он ушел из спорта, интересно, чем Чейз займется вместо тренировок.

Когда мы уходим, я жутко смущена его просьбой отвезти нас ко мне.

— Мы остаемся сегодня у меня? — спрашиваю я, выезжая с парковки и поворачивая на улицу Вязов.

— Боже, нет, — говорит Чейз, беспокойно ерзая на месте. Я могу только представить, как сильно болят его ребра, когда «Импала», кажется, дребезжит и подпрыгивает на каждой яме и трещине на дороге. — Ненавижу это место.

Я тоже не очень люблю свой район, поэтому не принимаю это на свой счет.

— Тогда зачем мы туда едем? — спрашиваю я, так и не понимая его до конца.

Я кидаю быстрый взгляд на него, а он морщится:

— Я хочу побыстрее с этим покончить.

Что за черт? Он передумал? Неужели у него есть сомнения? Неужели он теперь осознает, что он слишком хорош для меня, и я его не заслуживаю?

Я даже не знаю, что думать, мысли в голове перемешались, я в полном эмоциональном беспорядке. Все, что я знаю, — это если я сейчас заплачу, то разобью эту большую шумную мощную машину в хлам. Поэтому я изо всех сил стараюсь взять себя в руки. Я сжимаю губы в тонкую линию и сдерживаю панику.

Когда я заезжаю на свою парковку, то резко паркую машину на стоянке и выскакиваю.

— Возьми все, что ты хочешь сохранить, а остальное оставь, — бормочет Чейз, выбираясь из машины. — Я возьму Себастьяна.

— Что? Зачем? — спрашиваю я, поворачиваясь к нему.

Он быстро подходит ко мне, берет мое лицо в ладони и целует.

— Потому что ты переезжаешь ко мне. Какие-то проблемы?

Я удивленно моргаю, пытаюсь осознать сказанное им, и медленно качаю головой. У меня нет с этим проблем. Все, что я чувствую, — это облегчение.

— Хорошо, — самодовольно улыбается он и отпускает мое лицо, только чтобы шлепнуть меня по заднице. — Тогда за дело. Я готов ехать домой.

Как только я открываю дверь в свою квартиру, Себастьян начинает мяукать. Чейз кормит его, пока я собираю вещи.

К счастью, у меня их не так уж много. У меня две сумки одежды и все принадлежности из ванной. Даже несмотря на то, что Чейз травмирован, он настаивает на том, чтобы взять одну из моих сумок, когда мы идем к его машине. Я даю ему самую легкую, лишь бы не задеть его самолюбие.

Чейз так молчалив, пока мы едем к нему, так спокоен, что я думаю, что он уснул. Как только я останавливаюсь у гаража, он вдруг протягивает руку и хватается за бедро. Я подскакиваю на месте и давлю на газ немного сильнее.

— Черт, — взвизгиваю я, а он хихикает.

— Черт, я так соскучился по тебе, — рычит он и сжимает меня.

Я уворачиваюсь, но мне не удается свести колени вместе, жаль. Простое его прикосновение к моему бедру распалает меня.

— Потише, большой мальчик, — ухмыляюсь я ему и заезжаю в гараж. — Док велел тебе не перенапрягаться.

— Хорошо, — улыбается он, и его рука поднимается вверх по моему бедру, пока я припарковываю машину. — Предоставлю тебе сделать всю работу.

Качая головой, я ему говорю:

— Поверить не могу, что после всего, что сегодня случилось, ты вообще об этом думаешь.

Чейз хватается мою руку, прежде чем я успеваю выскочить из машины, и подносит ее к своим губам, нежно проводит по суставам пальцев, и я вздрагиваю, все нервные окончания в моей руке взрываются крошечными вспышками.

От того, как он смотрит на меня, как я таю от его взгляда, я нервничаю. Он травмирован, ему нужен отдых. Мне не следует потакать ему, однако, прошло столько времени, как мне перед ним устоять?

— Я почти уверен, что даже если бы умирал, я думал бы о тебе, Эйвери.

Я делаю короткий вдох и вырываю руку. Прежде, чем он может сделать что-то еще, я открываю дверь со своей стороны и выпрыгиваю из машины. Если я не создам между нами расстояние, я полностью добыю его, запрыгнув к нему в постель.

Чейз хихикает, следуя за мной минутой позже с Себастьяном на руках. Схватив сумки, я

пропускаю Чейза вперед и следую за ним в дом. Перейдя через порог, я закрываю за собой дверь в гараж и бросаю сумки на пол, позволяя всем вещам упасть.

— Дом, милый дом, — говорит Чейз. Простонав от боли, он наклоняется и аккуратно выпускает Себастьяна на пол, затем выпрямляется.

Себастьян мяукает и сразу же прокрадывается в кухню.

«Это дом», — думаю я, но все-таки, несмотря на то, что я хочу этого, все кажется таким нереальным. Я сплю? Щипаю себя за руку. Нет, это правда. Это на самом деле происходит.

Должно быть, Чейз видит сомнение в моих глазах. Прежде чем я успеваю что-нибудь сделать или сказать, он протягивает ко мне руку и хватается меня за руку.

— Я кое-что изменил, — он тянет меня за руку, увлекая за собой в гостиную. — Пойдем, скажешь, что об этом думаешь.

— Ты купил цветок, — говорю я в замешательстве, оглядывая гостиную и единственное изменение, которое, как я вижу, он сделал, это горшечное зеленое растение на столе.

— Ага, — улыбается Чейз. — Тебе нравится?

— Конечно, — говорю я, не совсем понимая, к чему он клонит. — Здорово. Действительно немного украшает комнату.

— Я так и думал, что тебе понравится, — говорит Чейз, его голос немного понижается, когда он притягивает меня к себе. — Я подумал о тебе, когда покупал его. Я не мог перестать о тебе думать. Я думал о тебе все время, с тех самых пор, как ты ушла.

Чем ближе Чейз притягивает меня к себе, тем больше мне приходится наклонять голову назад, чтобы посмотреть на него.

— Я хочу сделать дом уютнее для тебя. Но если тебе не нравится, мы можем его продать.

— Продать цветок? — спрашиваю я. Кто захочет купить растение с рук?

— Нет, — самодовольно улыбается Чейз. — Продать дом.

— Оу, — говорю я тихо, когда осознаю всю серьезность того, что он говорит мне.

Чейз не мог перестать думать обо мне. Он готов продать свой дом ради меня. И что мне ему сказать? Первое, что слетает с языка:

— Я о тебе не думала.

Чейз напрягается. Черт возьми, я не хотела, чтобы это так прозвучало. Я поспешно говорю:

— Я не хотела думать о тебе. Я, правда, очень старалась этого не делать.

И этими словами я только еще больше все испортила. *Молодец, Эйв.*

— Я имею в виду, — заикаюсь я и опускаю глаза, чувствуя себя полной идиоткой. — Каждый раз, когда я думала о тебе, мне было больно, потому что я скучала по тебе. Потому что ты был мне нужен. И мне было так плохо, что я просто не могла этого выносить. Поэтому я очень старалась этого не делать. Но даже после всех попыток, я просто не могла перестать о тебе думать.

Я понижаю голос до шепота, чувствуя себя невероятно ранимой, когда говорю:

— Думаю, я люблю тебя, Чейз.

Чейз так долго молчит, что боюсь, что он злится на меня. Боже, надеюсь, я еще не окончательно все испортила. Мы жили в его доме вместе всего пару месяцев назад.

Медленно, с беспокойством, я снова поднимаю глаза, чтобы посмотреть на него. Его взгляд такой напряженный, такой мрачный, просто встретиться с ним взглядом достаточно, чтобы лишить меня дыхания. Я чувствую, что мой рот открывается от удивления, затем

внезапно он издает стон и целует меня.

— Прости, — извиняюсь я, между поцелуями. — Мне так жаль, что я прогнала тебя. Ты этого не заслужил. Я не заслуживаю тебя.

— Я люблю тебя, — рычит он и захватывает губами мою нижнюю губу. — Я чертовски люблю тебя, Эйвери, и ты больше никуда не денешься от меня.

— Не отпускай меня, — прошу я и целую его в ответ. Осторожно я поднимаю свои руки к его ладоням и сжимаю их, зная, что это лучше, чем прикасаться к его груди. — Я твоя, — в глубине души я знаю, чувствую, что всегда принадлежала ему. Мое тело было создано, чтобы быть рядом с ним, создано, чтобы прикасаться к его телу.

— Моя, — требовательно произносит он и целует меня так крепко, так быстро, что я даже ответить ему не могу.

В какой-то момент, пока Чейз целует меня, я чувствую себя настолько потрясенной, что, кажется, я начинаю плакать.

— Не плачь, малышка, — нежно говорит Чейз, прерывая поцелуй и вытирая слезы с моих щек.

— Прости, — извиняюсь я и хлюпаю носом, чувствуя себя очень глупо. — Просто я так счастлива.

Кажется, сегодня, спустя недели попыток чувствовать как можно меньше, я испытала все эмоции, как после американских горок.

Чейз улыбается и касается моей нижней губы своим большим пальцем.

— Да, ладно, день был долгий.

И это еще мягко сказано. Я плачу, на его опухшем лице начинают проявляться синяки.

Он ведет меня за руку из гостиной вверх по лестнице.

— Сильно болит? — спрашиваю я, когда он неуклюже ступает по лестнице рядом со мной.

Я почти ничего не знаю о боях, но я знаю из личного опыта, бывает, что сначала раны не обязательно болят так, как должны. Боли свойственно затаиться, иногда вы не чувствуете ее в полной силе до определенного момента.

— Нет ничего такого, что бы не исправили немного любви и нежной заботы, — уверят меня Чейз, когда мы направляемся в его спальню.

Сейчас у меня сильнейшее желание позаботиться о нем, *выходить* его. Я вижу, что ему больно, хотя он удачно это скрывает. Я видела каждый удар, который приняло его тело, каждый пинок и удар, которые наносил Итан. Все, что я хочу сейчас, — это сделать так, чтобы он чувствовал себя лучше. Я хочу, чтобы ему было хорошо. Он заслуживает этого после того вечера. Он заслуживает этого после всего того, через что ему пришлось пройти из-за меня.

Я слегка дергаю его за руку и подхожу ближе.

— Позволишь мне позаботиться о тебе? — спрашиваю я тихо, когда он смотрит на меня.

Он кивает, и я хватаюсь за край его рубашки. Я тяну ее вверх и поднимаюсь на цыпочки, в то время как он наклоняется, снимая ее через голову.

— Что ты задумала? — выпрямляясь, спрашивает Чейз.

Я бросаю рубашку, и она падает где-то на полу. Затем я начинаю стягивать с него брюки.

— Тебе нужен душ? — я опускаюсь на колени, пока мои глаза не оказываются на уровне

его паха.

Чейз кивает и произносит хриплым голосом:

— Душ был бы кстати.

— Перешагни через брюки, — приходится попросить его, так как я стянула их до пола.

Его достоинство пружинит, и хотя Чейзу больно, даже несмотря на то, что у него сломаны ребра и его тело сплошь покрыто синяками, для меня он большой. Мне требуется все мое самообладание, чтобы удержаться и не протянуть руку, чтобы взять его. Все-таки это не для меня, напоминаю я себе.

Это совсем не то, чего я хочу. Я делаю это, чтобы ему было хорошо.

Сделав глубокий вдох, я поднимаюсь во весь рост, затем хватаю свою рубашку и снимаю ее через голову.

— Эйвери, — хриплым голосом говорит Чейз и протягивает ко мне руку.

Я качаю головой и убираю его руки.

— Нет, не трогай. Если ты сейчас начнешь меня трогать, мы никогда не дойдем до душа. И поверь мне, — улыбаюсь я ему, — он тебе необходим.

Чейз хохочет, но его хохот внезапно прекращается, когда я завожу руки за спину, расстегиваю бюстгальтер и обнажаю грудь.

— Ты такая красивая, — выдыхает он, и я не могу не зардеться от его восхищения.

Затем приходит очередь джинсов. Я расстегиваю пуговицу, затем, виляя бедрами, спускаю их.

Чейз стонет, будто я причиняю ему боль. Я выпрямляюсь перед ним и сжимаю колени вместе. Просто от осознания того, что он хочет меня, возбуждает меня.

— Давай же, — говорю я, поворачиваясь на пятках, и ухожу, оставив его лицезреть мой обнаженный зад. Я не могу удержаться и не сделать танцевальное движение, виляя бедрами.

Чейз догоняет меня, когда я вхожу в ванную, и игриво шлепает меня по заднице.

Я через плечо посылаю ему взгляд, полный страсти, затем еще раз покачиваю бедрами, когда наклоняюсь, чтобы включить воду в душе.

— Хочешь, чтобы я напал на тебя? — рычит Чейз и тянется ко мне, хватая меня за бедра. — Потому что именно так нападают и занимаются сексом.

Я хочу смеяться, но смех застревает у меня в горле. Воздух в ванной уже становится горячим, душным и слишком густым. Я убираю его руки с моих бедер и отодвигаю душевую шпору.

— Сегодня ночью секса не будет, — говорю я Чейзу. — Ты примешь душ и прямиком спать.

Чейз рычит и изгибает бровь:

— Посмотрим.

Я вздыхаю и захожу в ванну первой, зная, что Чейз последует за мной. Горячая струя воды бьет по мне, и это так здорово, так приятно, что я издаю стон и сразу же начинаю расслабляться.

Чейз смотрит на меня, его глаза темнеют, когда он пожирает мое тело взглядом, упиваясь блеском моей кожи. Я убираю волосы с лица назад и, протянув руку, притягиваю его к себе.

Чейз рычит, подходя ближе ко мне, затем он берет своими огромными руками мою грудь.

— Нет, не надо, — с губ срывается стон, и я выгибаю спину.

— Ничего не могу с этим поделать, — отвечает Чейз, и руками скользит по груди, мнет ее в ладонях. — Мне необходимо касаться тебя. Мне нужно пробовать тебя на вкус.

— Нет, — задыхаюсь, говорю я и поднимаюсь на цыпочках, когда его руки сжимают соски и играют с ними. Соски превращаются в твердые пуговицы под его грубыми, покрытыми мозолями ладонями. — Я хочу заботиться о тебе.

Я кладу руки поверх его рук, чтобы остановить его.

— Это и есть забота обо мне, — настаивает он.

Я качаю головой и убираю его руки от меня.

— Пожалуйста, Чейз, просто позволь мне сделать это.

Чейз ворчит и позволяет мне освободиться от его хватки. Я хватаю его за руки и поворачиваю так, чтобы его тело оказалось под струей воды.

Он смотрит на меня, оцепеневший, напряженный, его мышцы застыли, и он как будто готов в любой момент наброситься на меня. Я хватаю флакон мыла и наливаю его на губку. Протягиваю руку, и губка ложится на его плечо со шлепком. Я намыливаю его руку сверху вниз, нежным и легким движением, потому что не хочу причинить ему боль. Я делаю то же самое с его вторым плечом, тру руку сверху вниз.

Пока я мою его, наслаждаюсь его обнаженным телом, мокрым и сверкающим под струей воды. Даже покрытый синяками и избитый, он красив и силен. В каждом дюйме, которого я касаюсь, так много силы, я не могу не восхищаться, насколько он крепкий и подтянутый. Насколько он совершенный.

Вскоре я понимаю, что не только тру его мыльной губкой, но и пальцами другой руки глажу его. Провожу рукой по его темным татуировкам, круговыми движениями спускаясь по плечам. Пальцы скользят по четким линиям его груди, затем быстро касаются выпуклостей его живота.

— Эйвери, — стонет Чейз, когда я спускаюсь все ниже и ниже.

Я даже не осознаю, что делаю. Это просто желание, возбуждение, которому я пытаюсь противостоять. Я так устала всему этому противостоять. Я просто сдаюсь. Делаю то, что хочу.

— Боже, я так по тебе соскучилась, Чейз, — говорю я ему, когда я опускаюсь на колени и намыливаю его бедра. — Я скучала по прикосновениям к тебе.

Смываю мыльную пену с его бедер, затем покрываю их поцелуями. Его ноги дрожат. От знания, что я оказываю на него такое действие, что я могу сделать его слабым, я чувствую себя такой сильной.

Повернув голову, я выдыхаю, мое теплое дыхание обдаёт его член. Он подергивается, и я облизываю губы. Внезапно у меня возникает желание попробовать его на вкус. Мне необходимо ощутить его у себя во рту прямо сейчас.

Я бросаю губку, и она шлепается на пол. Я обхватываю пальцами толстое основание его достоинства и, прежде чем он успеет меня остановить, я тянусь вперед и беру его в рот.

Чейз стонет, и на мгновение у меня возникает чувство, что, наверное, я делаю ему больно. Я прижимаю язык к головке его члена и смотрю на него сквозь ресницы. Я касаюсь его так, боясь пошевелиться, боясь сделать ему больно, потому что все, что он делает, это глубоко дышит с закрытыми глазами.

Затем он резко открывает глаза. Его взгляд обжигает меня, два темных уголька обдают меня теплом, внутри меня разливается жидкое пламя. Он вытягивает руку и зарывается пальцами в мои влажные волосы. Затем он хватается за затылок и нажимает мне на

горло.

— Не останавливайся, малышка. Твой рот такой чертовски приятный.

Я издаю стон, когда его бархатистая плоть заполняет меня, мои губы смыкаются вокруг него. Я делаю глубокий вдох, чтобы подготовиться, мои ноздри наполняет его запах. Он пахнет водой, мылом и мускусом.

Я хочу проглотить всего его, и принимаю как можно больше его плоти. Но он такой большой и толстый. Я начинаю давиться и выталкивать его, слезы наворачиваются на глаза, прежде чем я понимаю, что это не сработает, и сдаюсь.

Отстраняясь, я втягиваю щеки, и выталкиваю его изо рта до тех пор, пока внутри не остается только его головка. Я обвиваю его языком плотным кольцом. Чувствую, как его член дрожит в моей руке. Я ощущаю вкус его спермы на своих губах.

Закрыв глаза, я еще раз делаю движение вперед, принимая его как можно глубже. Как только он достигает моей глотки и перекрывает мне дыхание, я откидываюсь назад, позволяя ему выскользнуть. Я делаю это снова и снова, найдя ритм, который я могу исполнить.

— Так вот как ты заботишься обо мне? — сквозь зубы произносит Чейз, пальцами сжимая мои волосы.

В ответ издаю стон, скользя языком взад и вперед, наслаждаясь его вкусом. Может быть, из нас двоих я одна стою на коленях в воде, но с ним во рту и в руках я чувствую, что все под моим контролем. Вся власть у меня.

— Черт, Эйвери, если ты не остановишься, я целиком окажусь у тебя во рту.

Я знаю, говоря это, он меня предупреждает, но я расцениваю это как поощрение. Могу поспорить, что он уже близок. Я со всей страстью наклоняюсь вперед быстрее. Я терплю давление в горле на секунду дольше.

Чейз пальцами тянет меня за волосы, тем самым вынуждая меня отпустить его член. Тот выскользывает изо рта с шлепающим звуком.

Я хнычу и пытаюсь схватить его, но Чейз хватается за плечи и поднимает.

— Что за черт, Чейз? — спрашиваю я, задыхаясь, когда он толкает меня к кафельной стене. Неужели я его разозлила? Почему он меня остановил? Я знаю, что он был близок.

— Не совсем так, — рычит он и делает шаг вперед. — Слишком много времени прошло. Одна его рука скользит вверх, накрывает мою щеку. Другая скользит вниз и захватывает мою грудь.

— Я хочу глубоко погрузиться в тебя.

Он сжимает мою грудь, затем пальцами сдавливает и тянет за сосок. Я издаю стон, выгибаясь у скользкой кафельной стены, кажется, мой живот наполняется густым теплом.

Чейз подходит ближе до тех пор, пока я не чувствую, как липкая головка его члена упирается мне в живот.

— Я трахну тебя так жестко, что не сможешь ходить.

— Ты не сможешь, — возражаю я ему. — Ты травмирован.

Мой голос звучит нежно и хрипло. Я чувствую себя такой бездыханной.

Чейз мрачно усмехается.

Я протягиваю руку и пальцами обхватываю его член. Глажу его мокрый длинный член рукой вверх и вниз. Он стонет, а я говорю:

— Позволь мне позаботиться о тебе. Я не хочу причинить тебе боль.

Чейз опускает руку и хватается за запястье. Затем он поднимает мою руку над

головой и прижимает запястье к стене.

— Не беспокойся за меня.

Его пальцы медленно двигаются вниз по щеке, затем между грудей. Они кажутся невероятно тяжелыми, когда я с трудом дышу. Соски такие упругие, такие твердые, они почти болят.

Его пальцы продолжают опускаться все ниже и ниже. Мой живот напрягается, когда кончики его пальцев слегка прикасаются к нему. Он говорит мне:

— Просто сосредоточься на том, что чувствуешь.

Его пальцы гладят все мои выпуклости, скользят по намыленному телу.

— Чейз, — задыхаясь, говорю я.

Он наклоняет голову и поглощает ртом мой следующий вздох.

Чейз целует меня, его рот, его язык терзают меня, в то время как его руки путешествуют туда-сюда. Я чувствую слабость в коленях, теперь у меня дрожат ноги. Здесь так жарко, так душно, что я едва могу дышать. У меня начинает кружиться голова, и я, потрясенная, прихожу в себя, когда его толстые пальцы вдруг проникают в меня.

Мой клитор пульсирует под его ладонью, когда он погружает пальцы глубже, все это время я не могу сдержать крик. Кажется, ему нравятся мои стоны. Глотая их с моих губ, упиваясь ими. Чем больше я кричу, тем сильнее он погружается.

Он издает животный звук, когда я дрожу.

— Это мое, — говорит он мне, прежде чем его язык встречается с моим. — Эта сладкая, мокрая киска — моя, — повторяет Чейз, покусывая мою губу.

Я чувствую, как все мое существо сжимается, плоть сокращается под его пальцами. Я так близка, уже почти. Он как будто чувствует это, как будто только и ждет, что мое тело возбудится, мои мышцы напрягутся, он вдруг начинает требовать от меня:

— Скажи это.

— Не останавливайся, — хнычу я и извиваюсь у стены. Он прижимает только одну мою руку над головой, другая ведь свободна. Я опускаю ее и обхватываю его руку пальцами, будто могу сдвинуть его с места. Я издаю стон в разочарования, потому что он даже не шевелится, он слишком сильный.

— Скажи это. Скажи мне, — повторяет он, и я чувствую, как его пальцы осторожно, как никогда раньше, двигаются внутри меня.

Я взад и вперед мотаю головой.

— Она твоя. Она твоя, — умоляющим голосом произношу я. Сжимаю бедра и свожу вместе колени.

— Что моё? — спрашивает он, наклоняя ко мне лицо, его дыхание обжигает мою шею.

Зачем он делает это со мной? Зачем он мучает меня?

— Моя киска принадлежит тебе, — со стоном произношу я и чувствую, как его пальцы извиваются.

Да, да, он собирается вознаградить меня. Он скользит зубами по горлу. Я повторяю, желая большего:

— Она твоя, она твоя.

Он вынимает пальцы очень медленно. Я ощущаю пустоту, уязвимость. Что я сделала не так? Как будто я могла удержать его внутри, сжав колени вместе.

— Скажи, что больше никогда меня не оставишь. Скажи, что всегда будешь со мной.

Как я могу уйти от него снова? Уйти от такого? Я не хочу прогонять его, я просто хочу

вцепиться в него и не отпускать.

— Я никогда тебя не оставлю! — кричу я, а он глубоко погружает пальцы в меня.

— Скажи, что останешься, — требует он, вынимая пальцы.

Я скажу что угодно, сделаю что угодно, чтобы он знал, что я рядом, на этот раз навсегда. Я знаю, что значит жить без него. Что значит жить, упрямо страдая, когда ты пытаешься изменить ситуацию самостоятельно. Я устала быть одна. Дом — это дом. Не эта квартира, не эта ванная. Для меня Чейз — мой дом. Он там, где я всегда должна была быть.

— Я останусь! — обещаю я ему, ногти впиваются в его запястье. Клитор болит, пульсируя с каждым движением его ладони.

— Скажи еще раз, — требует он и полностью вынимает пальцы.

Я стону от разочарования, вращая бедрами, чувствуя необходимость быть заполненной:

— Я останусь, останусь.

— Хорошо, — бормочет он и целует меня.

Я пытаюсь поцеловать его в ответ, но затем цепенею, когда он бедрами касается меня и внезапно пронзает меня своим членом.

О, черт, думаю, я кричу ему в рот, но на самом деле я не уверена ни в чем.

Все, что я знаю, — это то, что он внутри меня, заполняет меня, растягивает меня. Он такой большой, я чувствую, будто сейчас взорвусь. Затем он медленно отстраняется от меня. Только для того, чтобы, торжествуя, жестко ринуться вперед. Я закатываю глаза и, клянусь, я вижу звезды.

Наши тела встречаются друг с другом со шлепающими звуками. Он входит так жестко, так глубоко, что мне кажется, будто он пытается полностью вторгнуться в мое лоно.

Все совсем по-другому. Мне становится теплее. Что-то в этот раз кажется более реальным. Чейз выпускает мое запястье как раз тогда, когда мои пальцы начинают неметь. И по какой-то причине я вдруг понимаю, в чем дело.

— Вот черт, ты не надел презерватив, — выпаливаю я на одном дыхании, когда он входит с такой силой, что я ударяюсь задницей о стену.

— Я знаю, — отвечает он, и его губы растягиваются в улыбке.

Я не могу удержаться и не посмотреть на пространство между нашими телами, наблюдая, как его член без презерватива входит и выходит. Он красный и набухший, блестящий от моей влаги.

— Хочешь, чтобы я остановился? — спрашивает он, а затем приподнимает меня до тех пор пока я не оказываюсь на цыпочках. — Потому что я остановлюсь, но я, правда, не хочу этого.

— Ты не хочешь? — задыхаясь, произношу я, а он входит в меня по-настоящему сильно. Боже мой, какой напор. Это так здорово.

Он со стоном произносит:

— Черт, нет.

— Даже, — выдыхаю я каждое слово. — Если. Я.

Даже не могу закончить предложение, потому что, словно действительно желая изумить меня, как будто действительно желая поразить меня, он начинает входить в меня как чертов отбойный молоток.

Он наклоняет голову вниз, и я чувствую его горячее дыхание у своего уха.

— Ты будешь выглядеть чертовски сексуально беременной моим ребенком.

Вот и все. Вот она, моя гибель.

Я не могу сдерживаться, я больше не могу сдерживать напряжение. Горячие волны удовольствия распространяются по телу. Я кричу, освобождаясь, дрожь сотрясает все мое тело, когда я достигаю наивысшей точки и взрываюсь.

Перед глазами вспыхивают цветные пятна. Я чувствую, как крепко сжимаю его, кончаю, а потом у меня возникает чувство, как будто меня заполняет горячее тягучее тепло.

— Вот черт, — напряженно произносит Чейз, и я чувствую, что он увеличивается внутри меня. — Я чертовски люблю тебя, Эйвери. О, черт, я люблю тебя.

Когда я снова начинаю дышать, я крепко обнимаю его и отвечаю:

— Я тоже тебя люблю. Я люблю тебя, черт возьми, Чейз. Мой Чейз.

У меня такое чувство, будто мой оргазм будет длиться вечно. Может быть, чувствуя, как Чейз освобождается внутри меня, я рождаюсь заново. Я не знаю. Я только знаю, что я безумна, навечно растворяясь в блаженстве, прежде чем, наконец, спускаюсь с небес.

Я начинаю приходить в себя постепенно. Все еще впиваюсь ногтями в кожу Чейза. У бедняги и без этого достаточно порезов и ссадин. Мне немного стыдно за то, что я поцарапала его. Я ослабляю объятия.

— Ты в порядке? — спрашивает Чейз хриплым и ласковым голосом. Теперь я чувствую, как он нежно целует меня в шею. Он убирает мои волосы с лица.

Я больше, чем в порядке, мне хорошо как никогда. Но мне понадобится слишком много умственных усилий и дыхания, чтобы объяснить это, поэтому я просто киваю и спрашиваю:

— А ты?

Чейз кивает и отвечает мне улыбкой.

Он крепко обнимает меня.

— Сожалеешь? — спрашивает он.

Жалею ли я, что встретила его? Что люблю его? Переезжаю к нему? Или что мы переспали, не предохраняясь?

Я поднимаюсь ему навстречу. Нежно касаясь губами его губ, честно отвечаю:

— Нисколько.

Ого, с тех пор, как я в первый раз дрался с Итаном, прошло восемь месяцев. Семь месяцев и одна неделя с тех пор, как я сказал Эйвери, что влюблен в нее. Четыре месяца с тех пор, как она ответила мне тем же, прямо перед тем, как я выбил дерьмо из Итана в последний раз и ушел из спорта. Три месяца и три дня с тех пор, как мой отец дал мне обручальное кольцо моей мамы и свадебную ленту.

И три долгие секунды с того момента, как я попросил любовь всей моей жизни выйти за меня. Как, черт возьми, я на это решился?

Мы не выходили из дома целых три дня после того, как она, наконец, переехала ко мне навсегда. Я не уверен, нужно ли ей ходить на занятия, так что у нас это было что-то вроде отпуска. Она мне была просто необходима, и ее потребность во мне была просто удивительна. В течение этих трех дней ее руки не переставали меня касаться. Хотя и мои руки не отставали. Это было, как будто каждый из нас хотел убедиться, что другой реален и никуда не исчезнет.

В первые несколько дней мы заключили пакт, что всегда будем вместе, независимо от того, что или кто может встать между нами.

Познакомить ее с отцом было хорошей идеей, он лез на стену, когда мы заперлись от всего мира. Эйвери его очаровала, как и меня. Он незаметно положил кольцо мне в руку, когда я обнял его на прощание, затем шепнул:

— Она бы хотела узнать, что теперь оно принадлежит Эйвери.

Итак, целых три секунды Эйвери стоит в гостиной моего отца, уставившись на меня, когда я протягиваю ей кольцо с бриллиантом, самые долгие три секунды в моей жизни. Даже дольше, чем когда мы ждали результата теста на беременность.

Черт, хотя ее живот пока едва заметен, это одна из самых сексуальных вещей, которые я когда-либо видел. Когда она сидит на диване или в машине, она нежно кладет руку на нашего еще неродившегося ребенка. У нее даже есть свой способ лежать на кровати, она обнимает рукой свой живот, как будто уже пытается баюкать ребенка.

Ей нравится прижиматься ко мне своей попкой, обвивая себя моей рукой и прижимаясь чертовски близко. Я не знаю, попытаться заняться с ней любовью или просто обнять, поэтому заканчивается все тем, что я делаю и то, и это. Любой мужчина, который не считает живот своей беременной жены красивым, просто ненормальный. Если бы это было в моей власти, она всегда была бы беременной. Беременность заставляет ее светиться, и она постоянно улыбается, всегда быть счастливой. Я постоянно пытаюсь придумать слово, чтобы описать ее счастье, но просто не могу подобрать подходящего слова.

Много всего случилось. Я ушел из спорта. Это хорошо для меня и для Эйвери. Я купил спортзал, в котором тренировался, и начал вести занятия для всех, кто хочет тренироваться и усердно работать. У нас есть много безнадзорных детей, трудных детей и много детей, которые хотят попробовать достичь чего-то в жизни легальным способом. Эйвери ответственна по большей части за эмоции детей, она рождена для этого. Я постоянно подталкиваю ее заняться образованием и попробовать поступить на детского психолога, если кто-то и может сделать это, так это она.

Папа встречается с доктором, с которой познакомился на приеме по случаю совершения сделок с недвижимостью, и у него наконец-то скоро появится внук. Он никогда не был так

счастлив. Он даже приходит в спортзал, чтобы заниматься со мной.

Удача изменила Итану. Мы сообщили в полицию о наших подозрениях, и после пары вопросов детективов панки, которые напали на меня, сдали богатенького мальчика, нанявшего их, чтобы вывести меня из игры. Он сразу же признался в совершении преступления, и сейчас условно отбывает пятилетний испытательный срок на общественных работах. Спортивная комиссия Невады отстранила его от соревнований в боях в штате. Ко всему прочему, этот придурок продолжал доставать Эйвери. Я помог ей получить судебный запрет против него. Да пошел на* этот маленький засранец.

У Эйвери слезы катятся по щекам, когда она кивает головой в знак согласия. Притянув меня к себе, она обнимает меня, прижимая меня к себе.

— Да! Да! Я люблю тебя, Чейз. Ты делаешь меня такой счастливой.

Приподняв ее, я крепко целую ее со всей страстью, на которую только способен, пока она не отталкивает меня, хихикая, ее щеки покрывает ярко красный румянец.

Она просто сделала меня самым счастливым мужчиной на свете.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

The Amity Affliction — австралийская группа из Брисбена, штат Квинсленд, исполняющая Пост-хардкор и металкор. Основана в 2004 году

примерно 140 кг

около ста сорока килограмм

Приблизительно с трех метров

Chevrolet Impala – автомобиль производства автоконцерна «Шевроле»)

легковой автомобиль с мощным двигателем

Эспаньолка представляет собой один из наиболее стильных и элегантных видов бороды

Лапша по-романски — блюдо итальянской кухни со специальным соусом, в данном случае — дешевый полуфабрикат

Пепперони (англ. pepperoni) — острая разновидность салями итало-американского происхождения

Гульфик — нашивной кусок материи, закрывающий прореху на мужских штанах, расположенную спереди по линии соединения брючин

миля — 1609 м

Худи (англ. hoodie, от hood — капюшон) — разновидность свитера из мягкого хлопчатобумажного трикотажа с капюшоном. По русской классификации худи связывают с толстовкой